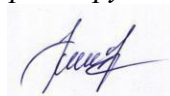

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
БОХТАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ НОСИРА ХУСРАВА**

На правах рукописи

УКД 809.155.0+803.0 (81.2 Тадж+81.2 Немец.)

P-15

РАДЖАБЗОДА НЕЪМАТУЛЛО ФАЙЗАЛИ

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ
ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
В ТАДЖИКСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени доктора
филологических наук по специальности 6.2.14.
Типологическая и контрастивная лингвистика

БОХТАР – 2026

Диссертация выполнена на кафедре теории и типологии английского языка факультета иностранных языков Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава

Научный консультант: **Рахмон Наргис Шариф** – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Академии государственного управления при Президенте Республики Таджикистан

Официальные оппоненты: **Сабирова Сановбар Ганиевна** – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики Филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе;

Нозимов Абдулхамид Абдуалимович – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Филиала федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский технологический университет МИСИС» в городе Душанбе;

Мухиддинова Тахмина Хамрокуловна – доктор филологических наук, доцент общеуниверситетской кафедры английского языка Таджикского национального университета

Ведущая организация: **Хорогский государственный университет им. Моёншо Назаршоева**

Защита диссертации состоится 31 октября 2026 года, в 9:00 на заседании диссертационного совета 6D.KOA-117 при Таджикском международном университете иностранных языков имени Сотима Улугзода (адрес: 734019, Республика Таджикистан, город Душанбе, ул. Мухаммадиева 17/6, e-mail: shtddm@gmail.com; тел.: (+992) 882-89-17-17).

С диссертацией и её авторефератом ознакомиться в научной библиотеке и на официальном сайте Таджикского международного университета иностранных языков имени Сотима Улугзода www.dbz.tj.

Автореферат разослан “___” _____ 2026 г.

Научный секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
доцент

Сохибназарзода Х.Т.

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена изучению функционально-семантических типов односоставных предложений в таджикском и немецком языках и особенностей их перевода.

Актуальность темы исследования. Предложение является наиболее важным элементом синтаксиса. В предложении как конструкции происходит пересечение и интеграция языковых единиц всех уровней. В современной теории синтаксиса наиболее важным считается учение о парадигме предложения. В основе концепции парадигмы предложения базируются на выделении структурной схемы простого предложения. Каждая такая схема объединяет в себе грамматические и смысловые содержания. Взаимодействие грамматического и смыслового составляющего в предложении служит конкретным коммуникативным задачам, что на практике выражается через его актуальное членение.

Проблематика предложения – самый сложный вопрос в изучении синтаксиса. Несмотря на то, что предложение является главной синтаксической единицей и фокусом множества исследований в области синтаксиса, предложение не имеет четкого определения даже в наши дни. Множество определений предложения как термина отражают попытки описать его многоаспектность.

В лингвистике существует ряд определений предложения, которые противоречат друг другу. Несмотря на то, что в большинстве определений предложение понимается как единица речи, выражающая законченную мысль, в современной лингвистике эта точка зрения является спорной, так как понятие «законченная мысль» весьма относительно с логической и психологической точки зрения.

Таким образом, даже в самых базовых определениях предложения можно увидеть противоречия. Не менее сложно обстоит вопрос с определениями простого односоставного предложения. В классическом языкознании односоставные предложения трактуются как синтаксические конструкции,

грамматическая основа которых состоит из одного главного члена – подлежащего или сказуемого. В лингвистике существуют многие взгляды на природу односоставного предложения, что еще раз доказывает необходимость продолжать изучение этой области на новых, более глубоких уровнях.

Отметим также, что сопоставительное изучение синтаксиса даже на сегодняшний момент включает множество лакун. Типологическое исследование языков необходимо ограничивать в изучении признаков и учитывать только те, которые могут формировать типологические группы и становиться базой для будущих исследований.

Несмотря на то, что сопоставительное изучение русского и таджикского предложений продолжает развиваться, сопоставление таджикского предложения с предложением в других языках продвигается достаточно медленно, а полноценного сопоставительного анализа таджикского и немецкого синтаксиса на данный момент не существует совсем, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Также актуальность темы обусловлена глубокими типологическими различиями в способах репрезентации бессубъектности в таджикском и немецком языках. Если для таджикского языка как языка аналитического строя характерно свободное функционирование бессубъектных конструкций, то немецкий язык характеризуется жесткой тенденцией к наличию грамматического подлежащего и сказуемого.

Необходимость исследования объясняется тем, что требование немецкой грамматики к обязательному заполнению позиции подлежащего (в том числе формальными показателями, такими как *es* или *man*) вступает в противоречие со структурными схемами таджикских односоставных предложений. Сопоставительный анализ того, как в этих условиях сохраняется функционально-семантическая эквивалентность при переводе и межъязыковой

коммуникации, до настоящего времени не получил исчерпывающего описания, что и определяет выбор данной темы.

Актуальность данного исследования также заключается в детальном изучении односоставных предложений и их грамматических и функциональных аспектов в таджикском и немецком языках.

Цель исследования – выявить структурно-семантические и синтактико-морфологические характеристики односоставных предложений, которые остаются недостаточно изученными в пределах двух языков. В этих рамках, в диссертации проводится систематический анализ односоставных предложений с акцентом на их грамматические и переводческие функции. В ней также определяется роль односоставных предложений в обеспечении коммуникативной целостности и связанности высказывания.

Также данные факты послужили актуальным основанием для выбора диссертации на тему «Функционально-семантические типы односоставных предложений в таджикском и немецком языках».

Целесообразно изучить функционально-семантические типы односоставных предложений в таджикском и немецком языках, потому что хорошее понимание семантических и функциональных особенностей способствует правильному использованию их в предложении и в полноценном переводе. Поэтому исследование таких типов предложений является актуальным, и их изучение представляет собой особую научно-теоретическую и научно-практическую значимость.

Степень разработанности проблемы. Проблематика односоставного предложения изучается в ряде диссертационных работ, монографий и учебных пособий. Большая часть этих работ относится к советскому периоду В.В. Бабайцева [2], У.М. Галкина-Федорук [8], Б. Камолиддинов [15], М.Н. Касимова [16], Б.Н. Ниёзмухаммадов [22], М. Норматов [25], Э.Н. Осипова [28],

И.П. Ш. Рашидов [32], К.А. Тимофеев [40], и др. однако, существует также огромный пласт исследований современной науки, которые разрабатывают вопрос односоставного предложения в различных языках Ю.Т. Долин [12], П.А. Лекант [20], М. Р. Назарова [21], С.А. Никифорова [24], Р.Д. Салимов [36] и др.

Огромный вклад в изучение таджикских односоставных предложений внес Р.Д. Салимов в своих работах с 2002 по 2010 гг. в сопоставительном исследовании таджикских и русских односоставных предложений. В своем диссертационном исследовании ученый разрабатывает полноценную типологию односоставных предложений, а также предлагает возможные способы передачи таких конструкций с одного языка на другой [36]. В настоящем исследовании данная классификация будет взята за основу по выстраиванию аналогичной типологии для сопоставительного анализа односоставных конструкций в таджикском и немецком языках.

Также хотелось бы отметить исследования последних лет по вопросу таджикских односоставных предложений, а также сопоставительные исследования в рамках вопроса как наиболее важные для настоящего исследования. Так, работы М.Р. Назаровой рассматривают различные типы односоставных предложений в таджикском и английском языке. Классификация, разработанная исследовательницей, предусматривает две базовые группы односоставных предложений: именные и глагольные. Эти две крупные группы разбиваются на более мелкие подтипы [21].

Данной проблеме также посвящена диссертационная работа Х.Т. Сохибназаровой под названием «Грамматические и функциональные особенности сказуемого в таджикском и английском языках», в которой основное внимание уделяется значению и роли сказуемого в формировании простых двусоставных предложений в таджикском языке с привлечением сказуемого английского языка [38].

Также интересно исследование М.А. Суфибековой, изучающей безличные конструкции на примере таджикского и русского языков, однако данный вопрос уже достаточно подробно рассматривается в работах Р.Д. Салимова. В своем исследовании М.А. Суфибекова делает упор на национальное сознание как фактор, влияющий на распространение таких конструкций как безличные предложения [39].

С учетом вышеизложенных факторов, решение задачи возвращает нас к необходимости создания типологии таджикских и немецких односоставных предложений, а также исследовать возможность передачи таких синтаксических конструкций с одного языка на другой.

Связь работы с научными программами (проектами) и темами. Данная диссертация демонстрирует основную часть связи научной работы с государственными стратегиями и приоритетными направлениями развития науки, включая Закон Республики Таджикистан «О государственном языке Республики Таджикистан» (от 05.10.2009, №553), «Программу развития государственного языка на 2020-2030 годы» (от 28.11.2020, №647), «Программу развития государственного языка Республики Таджикистан на 2012-2016 годы» (от 30.06.2012, №335), Постановление Правительства Республики Таджикистан «О правилах правописания таджикского языка и знаках таджикского языка» (от 30.06.2021, №268), и неразрывно связана с тематикой кафедры теории и типологии английского языка Бохтарского государственного университета им. Носири Хусрава. Разделы и подразделы данной диссертации будут представлены на специализированных научных мероприятиях.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В общем, в характеристике исследования рассматриваются основные аспекты исследования, цели и задачи исследования, включая конкретные научные пункты, определение объекта исследования, теоретические основы исследования на различных этапах, связь исследования с

темой и научными результатами, выводы и конкретные достоверные научные результаты диссертации, полученные в ходе научной деятельности, которые подвергаются тщательному и точному анализу. Предложенные автором аргументы в защиту включают конкретные и специфические научные выводы и являются совершенно новыми для защиты. Подробно представлены теоретическая и практическая значимость, степень достоверности результатов диссертации, соответствие диссертации паспорту научной специальности, личный вклад соискателя в научную степень, утверждение и реализация важных этапов исследовательского процесса, публикации по теме диссертации, ее структура и объем, составляющие один из важных вопросов диссертации, который систематически используется.

Целью исследования является комплексный функционально-семантический анализ односоставных предложений в сравнительно-переводческом аспектах на примере таджикских и немецких художественных текстов. В процессе исследования односоставные предложения, выбранные автором, рассматриваются с точки зрения структуры, семантики, способов использования и функциональных особенностей в системе художественных текстов.

Задачи исследования. Реализация данной цели потребовала решение следующих задач:

- сбор, анализ и изучение теоретических материалов о синтаксисе двух языков;
- обзор классификации односоставных предложений в таджикском и немецком языках;
- выявление принципов формирования классификации односоставных конструкций в таджикском и немецком языках;
- определить теоретические основы места главных членов предложения в структуре односоставных предложений в сопоставляемых языках;
- определение базовых структурно-семантических

групп односоставных конструкций в таджикском и немецком языках;

- изучение подгрупп односоставных конструкций в таджикском и немецком языках, которые входят в базовые группы типологии;

- выявление сходств и различий структурно-семантических типов односоставных конструкций в таджикском и немецком языках;

- анализ способов и средств передачи таджикских односоставных предложений в немецком языке и немецких односоставных предложений в таджикском языке;

- выявление корпуса таджикских односоставных конструкций на базе таджикских художественных текстов с передачей на немецкий язык.

Объект исследования – односоставные предложения современного таджикского и немецкого языков как синтаксические единицы, функционирующие в различных типах речи и отражающие функционально-семантические особенности данных языков.

Предмет исследования – способы и средства формирования и выражения мысли в односоставных конструкциях таджикского и немецкого языка и передача таких конструкций с одного языка на другой.

Теоретические основы диссертационного исследования включают исследования в области общего синтаксиса (Н.Ю. Шведова, В.В. Бабайцева, П.А. Лекант, Ю.Т. Долин, В.А. Белашапкина, Н.Д. Арутюнова, А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, Г.А. Золотова, Н.С. Валгина, А.А. Шахматов, Л.С. Бархударов, Е.М. Галкина-Федорук, М.Н. Петерсон, И.П. Распопов, Т.П. Ломтев, О.И. Москальская, П.В. Чесноков, А.Ф. Калинин, Э.Н. Алсуфьева, О.Ю. Мокроусова, М.Я. Дымарский, Н.Н. Арват, Э.Н. Осипова, Т.П. Дручинина, Н.К. Онипенко, А.С. Казакова, Е.Н. Киселева и др.), синтаксиса односоставных предложений немецкого языка (В.Г. Адмони, Л.Г. Кораблева, О.В. Якушева, С.А. Никифорова, Ц.Н. Шрайбер, К.В.

Гавриленкова, Д.В. Худякова, М.Ф. Косилова, И.П. Сусов, Е.В. Шендельс, Е.И. Гулыга, И.А. Шипова, А.П. Комаров, О.А. Сметанина, С.А. Суркова и др.), синтаксиса односоставных предложений таджикского языка (М.Н. Касимова, Р. Гафаров, М.Ф. Исмагуллоев, Б. Камолиддинов, Б. Ниезмухаммадов, М. Норматов, Ш. Рашидов, Д.Т. Таджиев, А. Эшончонов, С. Сабиржанов, К. Юнусов, А. Кулобиев, А.Халилов, С.Шербоев и др., а также в сфере компаративистики в аспекте изучения односоставных предложений (Р.Д. Салимов, М.С. Ибрагимова, О.В. Гофман, В.И. Борковский, В.Г. Гак, К.Г. Крушельницкая, М.Р. Назарова, Г.Л. Соколова, А.Л. Коляго, М.А. Суфибекова, Л.В. Успенская и др.).

Научная новизна настоящего диссертационного исследования состоит в том, что:

- впервые делается попытка сопоставления структурно-семантической и функциональной специфики односоставных синтаксических конструкций таджикского и немецкого языков;
- в диссертации разрабатывается полная и глубокая структурно-семантическая типология односоставных предложений таджикского и немецкого языков;
- раскрывается специфика и возможность их передачи с одного языка на другой и обратно.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Сопоставительный анализ определенно доказал факт наличия самобытных односоставных синтаксических конструкций в таджикском и немецком языках, а структурное разнообразие этих моделей позволяет лингвистам выстроить точную и системную классификацию таких предложений в каждой из исследуемых систем.

2. Исследования синтаксиса четко выявили прямую зависимость поведения односоставных конструкций от грамматического строя таджикского и немецкого языков, причем ученые доказали также определяющее влияние семантики, контекста, стилистики, интонации и коммуникативно-информативной стороны речи на

формирование этих моделей.

3. Сопоставление языковых моделей выявило абсолютную самобытность синтаксиса, поскольку каждый вид односоставных предложений в таджикском и немецком языках имеет собственный, четко очерченный комплекс структурных, контекстуальных и стилистических параметров.

4. Практика перевода убедительно доказала неизбежность глубоких синтаксических сдвигов: межъязыковой перенос односоставных предложений между таджикским и немецким языками всегда влечет за собой радикальную трансформацию конструкций, уверенно переводя их из одного типа в другой, превращая односоставные структуры в двусоставные и разворачивая простые предложения в сложные.

5. Исследование сопоставительного синтаксиса выявило фундаментальную асимметрию двух систем: высокоинформативные личные окончания таджикского глагола делают определенно-личные предложения абсолютно полноценными структурными схемами и полностью исключают избыточные личные местоимения. Напротив, глубокая аналитизация немецкого глагольного строя и редукция его флексий заставляют язык всегда разворачивать данные конструкции в двусоставные предложения с обязательным, явным употреблением местоимения-подлежащего.

6. В ходе компаративного лингвистического анализа выявилась устойчивая закономерность транспозиции таджикских неопределенно-личных предложений в немецкие пассивные конструкции (Passiv). Данный деривационный процесс обусловлен фундаментальным расхождением коммуникативных стратегий: немецкий синтаксис демонстрирует доминирование объектной перспективы изложения, в то время как таджикский язык верифицирует сохранение активного залога с фиксацией прагматического фокуса на индефинитном круге субъектов.

7. В процессе компаративных синтаксических исследований выявилась изоморфная природа сопоставляемых систем: актуализация флексий второго лица единственного числа для репрезентации обобщенной семантики выступает константной межязыковой параллелью таджикского и немецкого языков. При этом дифференциация данных обобщенно-личных структур детерминирована их специфическим функционально-стилистическим статусом и различной дистрибуцией в дискурсе.

8. В ходе компаративного анализа верифицирована фундаментальная типологическая дихотомия: таджикский синтаксис репрезентирует безличность на морфологическом уровне при абсолютной элиминации грамматического субъекта, продуцируя каноническую односоставную модель. Напротив, в немецком языке безличная семантика эксплицируется сугубо синтаксически посредством облигаторной позиции формального комплемента «es», трансформирующего структуру в грамматически двусоставную единицу, что выступает инвариантным дифференциальным признаком германского синтаксического строя.

Теоретическая и практическая значимость настоящего диссертационного исследования состоит в том, что его результаты дают возможность: а) разрешить проблематику особенностей разработки классификации односоставного предложения в таджикском и немецком; б) выявить базовые и расширенные сходства и различия односоставных конструкций в таджикском и немецком языке на структурно-семантическом уровне; в) внести весомый вклад как в развитие компаративистики, так и в иранистику и германистику. Практическая значимость исследования заключается в том, что ее материалы могут быть использованы в исследовании таджикского и немецкого синтаксиса, для составления учебных пособий по таджикской и немецкой грамматике, в разработке учебных программ и факультативов по

сопоставительной лингвистике, в семинарах, спецкурсах и практических занятиях для студентов вузов, изучающих таджикский и немецкий языки.

Степень достоверности результатов исследования опирается на четко выстроенную научную методологию; ряд философских, лингвистических, лингвокультурных источников информации; глубокое изучение базовой терминологии научного аппарата; многостороннее использование этого аппарата в соответствии с исследовательской методологией относительно заданных целей, объекта и предмета исследования; согласованный опыт теоретического исследования вопроса и практический анализ собранного корпуса. Все вышесказанное позволяет использовать полученные результаты в теоретическую базу и практическую работу образовательных учреждений Республики Таджикистан для подготовки будущих лингвистов и переводчиков.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Сфера настоящего диссертационного исследования отвечает пунктам паспорта специальности 6.2.14. Типологическая и контрастивная лингвистика:

2.1. Исследование функциональных и структурных свойств языков вне зависимости от типа генетических отношений между ними;

3.1. Изучение и описание языка посредством его системного сравнения с другим языком/языками для выявления его особенностей;

5.1. Раскрытие сходств и различий языков (языкового строя) на базе самых общих и важных свойств языка, вне зависимости от генетического родства исследуемых языков.

Личный вклад соискателя учёной степени в исследование заключается в его участии в получении результатов исследования путем анализа необходимых источников, получения данных в новой области; в выстроенной теоретической базе и научно-практической

разработке методов решения заданных целей исследования, способствующих решению поставленных задач; в сборе и анализе корпуса примеров односоставных предложений таджикского и немецкого языка.

Апробация и внедрение результатов диссертационного исследования. Диссертация была подготовлена на кафедре теории и типологии английского языка факультета иностранных языков Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава, а её содержание было представлено в виде докладов и статей на научно-практических международных, республиканских и внутривузовских конференциях, таких, как: Международная научно-практическая конференция на тему «Теоретические и практические проблемы сопоставительно-типологического исследования языков, таджикского языкознания и современные методы обучения иностранным языкам». – Душанбе: МДМТ, 2023 г.; Республиканская научно-теоретическая конференция на тему: «Актуальные проблемы филологии, перевода и методики преподавания русского и английского языков в образовательных учреждениях». – Бохтар, 2023 г.; Международная научно-теоретическая конференция на тему: «Актуальные проблемы сравнительного языкознания, переводоведения и межкультурной коммуникации в современном периоде» в рамках реализации «Государственной программы совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в республике Таджикистан на период до 2030 года». – Куляб, 2025 г. и др.

Результаты диссертационного исследования публикуются в изданных монографиях, статьях и научно-методических материалах, рассматривались на учебно-методических семинарах профессорско-преподавательского состава, заседаниях кафедры методики преподавания иностранных языков Бохтарского государственного университета им. Носира Хусрава и других вузах.

Публикации по теме диссертации. Результаты исследования были отражены в 25 публикациях. Были опубликованы 2 монографии, 20 статей в изданиях рекомендованных ВАК при Президенте РТ, а также 5 статьи на международных и республиканских конференциях.

Структура диссертации. Диссертационная работа включает введение, шесть глав, включающих 24 параграфа, заключение и библиографию. Диссертация состоит из 343 страниц компьютерной распечатки.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Введение диссертационного исследования представляет собой комплексный обзор научного аппарата диссертации, который научно и методологически обоснован.

Первая глава диссертации, которая называется «**Теоретическая база односоставных предложений в таджикском и немецком языках**», состоит из четырех разделов.

Первый раздел называется «**Вопрос об односоставных предложениях в таджикском языке**». В этом разделе обсуждается проблема односоставных предложений в таджикском языке.

Особое место в становлении таджикской теории односоставности принадлежит Б.Н. Ниязмухамедову. Его исследования заложили основы системного описания простого предложения и впервые обосновали существование двух основных структурных типов — двусоставных и односоставных.

Значительный вклад в разработку проблемы внесла профессор М.Н. Касимова. Исследуя синтаксис древнетаджикских письменных памятников, она доказала, что односоставные предложения являются исторически устойчивым явлением таджикского языка.

Существенное место в изучении односоставных предложений занимают исследования М. Норматова «Порядок слов в современном таджикском литературном

языке”, который подробно рассматривает вопросы функционирования данных конструкций в современном таджикском литературном языке, уделяя особое внимание их распространённости в различных стилях речи.

Наиболее полное описание системы односоставных предложений современного таджикского литературного языка представлено в диссертационном исследовании Ш. Рашидова «Простые односоставные предложения в современном таджикском литературном языке» [32, с. 32].

Односоставные предложения в лингвистической науке XIX – начала XX вв. считались неполными реализациями «классических» предложений с двумя главными членами. Подобное понимание определялось самим толкованием сути предложения. Ф.И. Буслаев и его последователи с точки зрения лингвистической логики считали предложение суждением, выраженным словами. При этом подлежащее определялось как «предмет, о котором мы судим, называется подлежащим. То, что мы думаем или судим о предмете (именуется сказуемым)» [6, с. 258].

Теория типологической классификации односоставных предложений связывается, прежде всего, с работами А.А. Шахматова и В.И. Борковского.

А.А. Шахматов говорит о том, как «сочетание субъекта с предикатом в рамках односоставного предложения может выражаться в единственном члене» [43, с. 30]. Описывая главный член односоставных предложений как соответствующий по своей форме сказуемому двусоставного предложения. Он вместе с тем оговаривает, что «главный член бесподлежащих предложений по форме своей соответствует сказуемому двусоставного предложения. Но, конечно, это не сказуемое, точно также как в односоставных подлежащих предложениях нельзя говорить о подлежащем» [43, с. 61].

Итак, основой Шахматовской концепции о предложении является понятие психологической

коммуникации, чьи обязательные члены — это психологический субъект и предикат в смысловых отношениях, которые исследователь считает предикативной связью.

Второй раздел первой главы называется **«Главный член односоставного предложения в современном таджикском литературном языке: синтаксическая квалификация, вопросы, история исследования»** и в нем рассматриваются особенности главного члена односоставного предложения в современном таджикском литературном языке, его синтаксическая роль и способы выражения. Также анализируются спорные вопросы классификации односоставных предложений и история их изучения в таджикском языкознании

В традиционной лингвистике, опирающейся на структурные положения, подлежащее считается самым главным членом предложения. Как доказательство, в пользу данного мнения обычно приводится факт согласования сказуемого с подлежащим в ряде формальных показателей.

В таджикском языке в функции подлежащего, могут употребляться различные типы имен существительных, которые можно объединить в группы по лексико-грамматическим и лексико-семантическим признакам:

«Додарам Ҳамроҳ» [55, с. 149]. «Mein Bruder Hamroh» [51, с.132].

В таджикской грамматической традиции сказуемое определяется как главный член предложения, при этом грамматически подчинён подлежащему. Подобная интерпретация довольно спорная, поскольку, будучи главным членом предложения, не вполне понятно, как сказуемое может быть подчинено подлежащему, ведь отличие главных членов от второстепенных состоит в том, что они грамматически не подчинены никаким другим членам предложения. «Современная лингвистика, напротив, придерживается мнения, согласно которому грамматически

главным членом предложения нужно считать именно сказуемое, в то время как подлежащее ему подчинено» [41, с. 84].

По значению и способам выражения выделяется сказуемое двух типов: глагольное сказуемое и именное сказуемое.

В исследуемых в данной работе языках также частотны сказуемые, которые традиционно делятся на две группы: простые и составные:

Ҳоло нафурухтаам [55, с. 92]. Habe ich noch nicht verkauft [51, с. 81]. Чи шуд? Гуфта пурсид [52, с. 87]. Also was liegt ver?» [60, с. 91].

Главный член однословных односоставных предложениях соотносится непосредственно с чувственным образом настоящего момента действительности либо конкретного предмета. В результате такого соотношения формируется конструкция, объединяющая логический и чувственно-образный компоненты. В таких случаях предмет выделяется через его наглядно-чувственный образ.

Третий раздел первой главы под названием **«Односоставные предложения в современном таджикском литературном языке: история изучения и лингвистические концепции»** посвящен анализу взглядов ученых на их классификацию и развитие односоставных предложений в таджикском языке. В работе рассматриваются основные этапы изучения данной синтаксической категории в системе таджикского литературного языка.

Сопоставительно-типологическим исследованием синтаксиса в целом и проблемами таджикского предложения занимались многие исследователи: Р.А. Самадова [37], М.Н. Касимова [16], С. Сабирджанов [34], Р.Д. Салимов [35; 36], С.А. Иномова [14], С. Кенджаев [17] и др.

Первая грамматика таджикского языка, созданная Саидризо Ализаде, содержит лишь краткие сведения о простых предложениях. Согласно данной грамматике,

«простые предложения можно разделить на именные и глагольные по способу выражения сказуемых. Именными предложениями называются предложения со сказуемым, выраженными именной частью речи. Глагольными предложениями, называются предложения со сказуемым, выраженными глаголом. Члены предложения рассматриваются в главе «Морфология» где определяются их синтаксические функции» [1].

М. Норматова, анализирувавшего порядок слов в простые предложения [26]. С. Сабиржанова, изучавшего вопросительные предложения [34].

Классификация односоставного предложения в таджикском языке соответствует принятой в общем языкознании классификации. Классификация односоставных предложений таджикского языка включает пять структурно-семантических подтипов: «1) номинативные (чумлаҳои номинативӣ). 2) безличные (чумлаҳои бешахс). 3) неопределенно-личные (чумлаҳои яктаркибаи номуайяншахс). 4) определенно-личные предложения (чумлаҳои яктаркибаи муайяншахс). 5) обобщенно-личные (чумлаҳои яктаркибаи умумишахс)» [36, с. 54].

При исследовании односоставных предложений в данной работе мы будем исходить из вышеуказанной классификации.

Четвертый раздел первой главы называется **«Главный член односоставного предложения в современном немецком литературном языке: синтаксическая квалификация, вопросы, история исследования»** и в нем дается обзор синтаксической квалификации односоставного предложения на основе главного члена в современном немецком литературном языке. Также в рамках данного раздела анализируются основные подходы к определению и

классификации односоставного предложения. Наряду с этим в этом разделе особое внимание уделяется истории изучения односоставных конструкций и выявлению структурно-семантических особенностей главного члена предложения в немецкие односоставные предложения.

В немецком языке вопрос определения статуса односоставного предложения играет особую роль, что происходит потому, что традиционный немецкий синтаксис считает необходимой основой предложения присутствие двух компонентов – подлежащего и сказуемого, имеющих, в зависимости от общего направления исследовательской работы, определенные логические, психологические и грамматические характеристики.

Исходя из всего вышесказанного, в немецком синтаксисе односоставные предложения, наряду с неполными и эллиптическими структурами, воспринимались как отклонение от нормативной двусоставной схемы и не признавались самостоятельными синтаксическими единицами. В вербоцентрических теориях, ориентированных на ведущую роль спрягаемой формы глагола, проблема односоставности не ставится в принципе.

Также существует и другая причина скромного внимания исследователей к односоставным предложениям немецкого языка – это специфика немецкого по сравнению с другими языками. Заключаясь в том, что в немецком языке специальное грамматическое средство (местоимение *es*), который позволяет формального сохранения двучленности в структурах, традиционно относимых к безличным:

Es gefällt mir nicht [51, с. 23]. Аз он хушам наомад. [55, с. 23].

К.Ф. Беккер говорит, что «в немецком языке существуют предложения без грамматического подлежащего» [45, с. 29], но он не дает никакого определения или интерпретации подобных конструкций.

Согласно точке зрения Р. Блюмеля, что «если предложение считается предложением, то оно двусоставно, а если структура односоставна, то предложением она не является» [47, с. 87].

Термином «односоставные предложения» пользовался О. Бехагель, понимавший под ним «не только односоставные структуры как таковые, но и структуры, которые исключительно по строению уподоблялись предложениям, имеющим единственный конструктивный центр» [46].

Односоставные предложения в исследованиях немецких германистов рассматривались, в большинстве случаев, в отрыве от общей теории предложения в качестве примера отступления от нормы, свойственной коммуникативным единицам.

Вторая глава диссертации называется «Функционально-семантические типы определенно-личных предложений в таджикском и немецком языках» и состоит из трёх разделов.

Первый раздел второй главы озаглавлен **«Определенно-личные предложения в таджикском и немецком языках»** и в нем рассматривается проблема функционально-семантических типов определенно-личных предложений в таджикском и немецком языках.

В лингвистической литературе до сих пор остается дискуссионным вопрос о признании определенно-личных предложений самостоятельным типом односоставных предложений.

Определенно-личные предложения как тип односоставных предложений выделялись А.А. Шахматовым, который указывал, что «в случае подобных предложений их главным членом будет спрягаемая глагольная форма, которая дает представление о невыраженном подлежащем. Иными словами, подлежащее в таких предложениях выражается представлением о лице» [43, с. 64]:

Одами мисли Алберт дар кор саёю кушиш ва интизом доштаро хеле кам дидаам» [55, с. 55]. In Ordnung und Emsigkeit in Geschäften habe ich wenig seinesgleichen gesehen» [51, с. 30].

В свою очередь, В.В. Виноградов считает определенно-личными такие предложения, которые выражают действие либо признак, соотнесенные с конкретным деятелем либо носителем признака, при этом словесно не выраженным, однако обозначенным формой глаголов. Например:

Мувофиқи ваъдаам ана ҳамин вексельро тайёр карда мондам [52, с. 159]. Hier habe ich einen Wechsel entsprechend diesen Bedingungen ausgefertigt [60, с. 212].

Необходимо отметить, что в вышеприведенных примерах только оригинальные таджикские предложения являются односоставными определенно-личными, в то время как их перевод на немецкий язык представлен другими, т.е. двусоставными предложениями, где подлежащее выражено соответствующими местоимениями.

Среди таджикских исследователей М.Н. Косимова отмечает отличительную черту определенно-личных предложений: «употребление глаголов-сказуемых исключительно в форме первого и второго лица единственного и множественного числа» [18, с. 54]. например:

Ба ягон ҷои хилват равем [52, с. 105]. Suchen wir uns ein stilles Plätzchen [60, с. 136].

В художественных текстах активно употребляются определенно-личные предложения с глаголом-сказуемым во множественном числе, особенно в авторских отступлениях, которые обобщают круг лиц, включающий и автора:

Хуб акнун гувоҳӣ диҳед [52, с. 91]! Ausgezeichnet! Nun machen Sie Ihre Zeugenaussagen [60, с. 117].

Итак, по результатам изучения функционирования определенно-личных предложений в художественных текстах можно прийти к заключениям о единичных случаях

употреблении личного местоимения в форме повелительного наклонения. Лицо, совершающее действие, реализуется в сказуемом и, соответственно, не дублируется в подлежащем.

Второй раздел второй главы называется **«Классификация определено-личных предложений в таджикском языке»** и содержит обзор классификации определено-личных предложений в таджикском языке.

Знакомство с научными работами лингвистов, которые рассматривают в той или иной мере определено-личные предложения, показало, что наиболее полная классификация определено-личных предложений в таджикском языке приводится в диссертационном исследовании Р.Д. Салимова. В настоящей работе исходим классификации из односоставных предложений, предложенной им в своем труде [36, с. 78].

Необходимо отметить, что в таджикском языке определено-личные предложения могут быть двух типов: глагольные и именные.

Наиболее распространенной в современном таджикском языке формой сказуемого в определено-личных предложениях являются сказуемые, выраженные глаголом прошедшего времени в форме первого и второго лица единственного и множественного числа, которые и образуют первую группу настоящей классификации определено-личных предложений:

Ба пеши ҳавлии Қоришқамба расидем [52, с. 40]. In der Kori-Ischkambas Haus stand [60, с. 61].

Во вторую группу входят определено-личные предложения, чье сказуемое выражено формой второго лица в единственном и множественном числе прошедшего времени:

Маро фиреб медихед [52, с. 15]. Sie betrügen mich [60, с. 20]. Аз кучо меёбед [52, с. 15]. Woher finden Sie [60, с. 21]?

Третья группа включает предложения со сказуемыми, выраженными глаголами в форме второго и первого лица

единственного и множественного числа в настоящем и будущем времени изъявительного наклонения:

Аз рӯзгори кунун лаззат мебарам [55, с. 4]. Ich will das Gegenwärtige genießen [51, с. 2].

Четвертая группа содержит определенно-личные предложения со сказуемыми, выраженными глаголом в форме повелительного наклонения. Данный подтип определенно-личных предложений тоже можно назвать достаточно продуктивным в рамках современного таджикского языка:

Мархамат карда бишинетон [52, с. 56]! Seien Sie so liebenswürdig, und nehmen Sie Platz [60, с. 67]!

В пятую группу входят определенно-личные предложения, чье сказуемое которых выражено глаголом в сослагательном наклонении.

Односоставные определенно-личные предложения, чье сказуемое выражает глагол в сослагательном наклонении, могут выражать многообразные модальные оттенки, которые представляют множество видов случаев отклонения от истинной реальности (предположение, желательность, условие, возможность, приказание, намерение и др.). Например:

Чаро бояд тасвири зебои вайро хароб кунам [55, с. 19]? Warum soll ich mir das schöne Bild verderben [51, с. 11]?

Шестую группу составляют определенно-личные предложения, где сказуемое выражено глаголами в форме предположительного наклонения. Данная группа включает всего один обнаруженный в выбранном нами материале.

Например: Хомушона роҳ мерафтем [55, с. 67]. Unterwegs sprach der Bai kein Wort [51, с. 81].

В седьмую группу включены именные определенно-личные предложения, в которых сказуемое выражено глаголом-связкой:

Чашмаи азиз, аз он айём ба ин сӯ боре ҳам аз оби сарди рӯҳафзоят лаззат набурдаам [55, с. 41]. Lieber Brunnen seither hab ich nicht mehr an deiner Kühle geruht [51, с. 23].

По итогам проведенного исследования были выделены семь групп определенно-личных предложений. Наименее объемной оказалось шестая группа, в которую входят определенно-личные предложения со сказуемым-глаголом в форме предположительного наклонения. Наиболее употребительной оказалась четвертая группа, включающая 19 примеров определенно-личных предложений с сказуемым-глаголом в форме повелительного наклонения.

Третий раздел второй главы озаглавлен **«Способы передачи таджикских определенно-личных предложений на немецкий язык»** и в нем анализируются способы передачи таджикских определенно-личных предложений на немецкий язык

Для немецкого языка, характерна одна особенность: в нем отсутствуют определенно-личные предложения как тип. В случаях перевода таджикских определенно-личных предложений на немецкий язык они представляют собой двусоставные либо безличные предложения. Например:

Дар ягон мавриди дигар боз ба ту нафъ расонда чои ин моли ночизонаатро чанд-чанд карда пур мекунам [52, с. 35]. Ich mache mich dir schon noch einmal nützlich und helfe dir, für diese Kleinigkeit ein viel faches zu verdienen [60, с. 37].

Второй вариант передачи определено-личных предложений – это превращение их в немецком языке в неопределенно-личные, например:

Бо растаи чойфурӯшӣ рахсипар гардида то пеши сарои Чаннатмаконӣ расидам [52, с. 34]. Schnelderte also an den Teeständen vorüber und gelangte zur Karawanserei Dshannat-makoni [60, с. 34].

Встречаются случаи, когда передача таджикских односоставных определенно-личных предложений на немецкий язык происходит в виде восстановления

подлежащего-личного местоимения и превращения предложения в двусоставное

Ба болои сандалича марҳамат кунед [52, с. 14]! Setzen Sie sich auf den Schemel [60, с. 78]!

Таким образом, рассмотренные примеры дают возможность говорить о нескольких видах передачи таджикских определенно-личных предложений на немецкий язык. Наиболее распространенным видом оказывается передача двусоставных предложений с восстановленным подлежащим в виде личного местоимения. Также отмечены передачи в виде безличного, обобщенно-личного, неопределенно-личного и инфинитивного предложений.

Третья глава озаглавлена **«Функционально-семантические типы неопределенно-личных предложений в таджикском и немецком языках»** и содержит четыре раздела.

Первый раздел третьей главы под названием **«Неопределенно-личные предложения в таджикском и немецком языках»** охватывает теоретические и практические вопросы, связанные с неопределенно-личными предложениями в таджикском и немецком языках.

Первое упоминание неопределенно-личных предложений в российской лингвистике появляется в «Практической русской грамматике» Н.И. Греча [11] Полноценное описание предложений и ввод термина предложил первым Д.Н. Овсянико-Куликовский, который также указал причины появления данного типа предложений. При этом Д.Н. Овсянико-Куликовский считал: «Обобщенно-личные и неопределенно-личные предложения одним и тем же типом конструкций» [27]. Следующий же шаг по разграничению данных типов односоставных предложений делает А.А. Шахматов [43].

Современная лингвистика включает несколько важных работ по исследованию неопределенно-личных предложений [43; 2; 29; 36 и др].

В настоящей работе неопределенно-личными предложениями, вслед за В.В. Бабайцевой, будут считаться «односоставные предложения, чье действующее лицо считается неопределенным, в то время как сказуемое является глаголом третьего лица множественного числа, в форме настоящего либо будущего времен и изъявительного наклонения» [2, с. 35].

Например: Дар атрофи нигахбони худ халқа зада хобида буданд. [53, с.7]. Da hat man uns eben gesagt, wir sollen uns nicht anschließen und hat uns auch den Grund gesagt [68, с. 87].

В своей монографии В.В. Бабайцева говорит о неопределенно-личных предложениях как о «предложениях, в которых субъект действия считается неопределенным, а сказуемое выражается в форме глаголов третьего лица множественного числа настоящего либо будущего времени изъявительного наклонения» [3, с. 34].

Пас аз ба охир расидани ин чамъомад, хама ба сари кӯча баромаданд [56, с. 16].

Частое употребление неопределенно-личных предложений можно отметить в случае, когда пересказывают что-либо (факт, пословицу, поговорку, сплетню, новости, поверье и др.):

Хоби мард рост мебарояд меғӯянд [56, с. 187]. Man sagt, daß Barlang ist ein großer Fluß[61, с. 172].

Также можно отметить частое употребление неопределенно-личных предложений в описании военных действий. Мы не можем знать имена всех соратников и всех врагов, когда дело доходит до военных столкновений, поэтому в таких описаниях авторы склонны к обобщениям и неопределенностям, употребляя как обобщенно-личные, так и неопределенно-личные предложения. Рассмотрим примеры таких неопределенно-личных предложений:

Ба ҳамин тараф меоянд» [56, с. 279]. «Ohne die denken ging man weiter» [56, с. 177].

Имя противника не всегда точно известно и в целом он представляется некой безликой вражеской массой, чьи действия обозначают без называния лица. Одновременно и «своя» сторона в войне также представляется безликой, хотя дружественной.

Второй раздел третьей главы под названием **«Классификация неопределенно-личных предложений в таджикском языке»** содержит информацию о классификации неопределенно-личных предложений в таджикском языке.

Все современные учебники и учебные пособия по таджикскому языку, исторической грамматике таджикского языка и других родственных дисциплин рассматривают неопределенно-личные предложения. Ученые-таджиковеды пришли к однозначному мнению касательно понятия неопределенно-личных предложений. Таджикские лингвисты также выделяют «неопределенно-личные предложения как отдельный структурно-семантический тип односоставных предложений» [36; 47].

В таджикском языке можно выделить шесть структурно-семантических типов неопределенно-личных предложений, основываясь на таких критериях как способ выражения действия и состояние субъекта. Рассмотрим данную классификацию.

1. Неопределенно-личные предложения с неизвестным подлежащим. Такие конструкции можно разделить на нижеуказанные подтипы по критерию степени неопределенности субъекта.

а) Конструкции, чье действующее лицо совершенно неизвестно, его нельзя предположить или попытаться определить из содержания конструкции. Субъект действия при этом неизвестен ни для слушающего, ни для говорящего:

Кулвору хурчинхоро ягон-ягон кушоданд [53, с. 70].

б) Конструкции, чье сказуемое выражает неподлинность действия, в результате чего субъект действия нельзя определить, так как он неизвестен никому:

Гуё мепурсиданд: [57, с. 83].

2. Конструкции, чьи действующие лица известны всем, поэтому не требуется их называть:

Ба унвони хамватани мухтарам гуфта ёд мекунанд [53, с. 97].

3. Конструкции, где действующие лица можно предположить по совершаемым действиям:

Ба бемориҳои монанди аракӣ (тиф) ва варами шуш гирифта мешуданд [53, с. 108].

4. Конструкции, по которым можно сделать вывод, что слушающим действующие лица известны, так как есть определенная предыстория действий:

Чуз гираву зорӣ дигар чорае надоштанд [53, с. 70].

5. Конструкции, в чем содержании нельзя определить действующее лицо, однако это позволяет сделать окружающий контекст:

– Ман забони мурғонро намедонам.

– Шуморо «хуш омадед» мегӯянд [57, с. 27].

6. Конструкции, чье содержание позволяет предположить личности действующих лиц по контексту:

Монанди ду девонаи бо ҳам дӯстшуда хомӯшона роҳ марафтанд [53, с. 93].

Итак, изучение и анализ таджикских научных исследований и учебных пособий доказал, что в настоящий момент все еще не существует однозначных структурных и семантических критериев таджикских неопределенно-личных предложений в таджикском языке.

В третьем раздел третьей главы под названием **«Классификация неопределенно-личных предложений в немецком языке»** дается полная классификация неопределенно-личных предложений в немецком языке

Неопределенно-личные предложения являются автономным структурно-семантическим типом синтаксических конструкций, чьим предикативным ядром является сказуемое:

Man sah, daß von uns allen Daniil Nikolajewitsch am tiefsten ergriffen war [61, с. 58].

При этом, в отличие от таджикского языка, немецкое неопределенно-личное предложение технически включает грамматическое подлежащее в виде специального местоимения. Семантика неопределенности данного местоимения не снижает его активность как действующего лица, просто фокус значения смещается с производителя на производимое действие:

Man glaubte nicht, daß die Pferde sind müde [61, с. 138].

Кроме использования неопределенно-личного местоимения *man* в немецком языке также может употребляться в неопределённо-личных предложениях местоимением 3-го лица множественного числа *sie*. Встает вопрос, на сколько мы можем считать такие предложения неопределенно-личными. Однозначно можно говорить лишь, что односоставными такие предложения мы считать не можем. Однако и предложения с неопределенно-личным местоимением *man* полностью неопределенно-личные по своей семантике, и не могут считаться односоставными. При этом на таджикский язык предложения с местоимением *sie* могут переводиться как неопределенно-личные:

Sie haben alles vergessen [51, с. 17]. Хамаи чизро дар олам фаромӯш карданд» [55, с. 29].

Семантика таких предложений не изменится в случае употребления вместо личного местоимения третьего лица множественного числа *sie* неопределенно-личное местоимение третьего лица единственного числа *man*.

Четвертый раздел третьей главы под названием **«Способы передачи таджикских неопределенно-личных предложений в немецком языке»** содержит информацию о способах передачи таджикских неопределенно-личных предложений в немецком языке.

По результатам анализа структуры и семантики таджикских и немецких неопределенно-личных предложений,

ядром таких конструкций является сказуемое, выраженное глаголом в форме третьего лица множественного числа изъявительного наклонения.

Рассмотрим примеры передачи таджикских неопределенно-личных предложений на немецкий язык:

Сабаб чи бошад, ки одамро ишкамба номидаанд [52, с. 12]. Warum er wohl Ischkamba heißt [60, с. 6].

В вышеприведенном примере таджикское неопределенно-личное предложение передается в немецком языке безличной конструкцией.

Рафта-рафта калимаи «Исмат»-ро партофта» Кори-Ишкамба» гуфтаанду мондаанд [52, с. 12]. Mit der Zeit geriegt der alte Name in Vergessenheit, und heute kennt ihn jeder nur als Kori-Ischkamba [60, с. 6].

В вышеприведенном примере таджикское неопределенно-личное предложение передается в немецком языке в виде сложносочиненного предложения.

Дигаронро ба остон бардошта, маро ба замин намезаданд [52, с. 31]. Die anderen heben Sie in den Himmel, und mich stoßen sie in den Staub [60, с. 30].

В данном примере простое односоставное неопределенно-личное таджикское предложение, осложненное деепричастным оборотом, переводится в немецком языке как простое двусоставное предложение, осложненное однородными членами предложениями. В роли подлежащего в настоящем примере выступает определительное местоимение.

Таким образом, было обнаружено, какие типы немецких предложений могут переводиться как неопределенно-личные на таджикский язык.

Наиболее распространенным типом стали немецкие неопределенно-личные предложения с неопределенно-личным местоимением *man*, выражающим семантику неопределенности в немецком языке.

Были отмечены редкие случаи перевода как

неопределенно-личных в таджикском языке двусоставных немецких предложений с различными подлежащими, прямо называющих действующих лиц. В переводе же эти лица опускались, оставались же только действия.

Также было отмечено несколько случаев перевода как неопределенно-личных в таджикском языке сложноподчиненных немецких предложений. При этом в таджикском переводе глагол главной части сложноподчиненного немецкого предложения становился сказуемым, а глаголы придаточного формировали инфинитивный оборот.

Четвертая глава, которая называется **«Функционально-семантические типы обобщенно-личных предложений в таджикском и немецком языках»**, состоит из трех разделов.

Первый раздел четвертой главы называется **«Обобщенно-личные предложения в таджикском и немецком языках: история исследования вопроса»** и в нем рассматриваются функционально-семантические типы обобщенно-личных предложений в таджикском и немецком языках

Обобщенно-личные предложения в современной лингвистике все еще считаются актуальной проблемой, требующей изучения. Рассмотрим наиболее важные точки зрения исследователей синтаксиса на данный вопрос.

И.П. Распопов отвергает выделение обобщенно-личных предложений как односоставных, утверждая, что такой конструктивный тип не существует в языке. Исследователь подкрепляет свое мнение «отсутствием типизированных схем предложения как характеристики только данной группы, поскольку обобщенно-личными предложениями могут являться как односоставные, так и двусоставные конструкции, а форма глагола-сказуемого может варьироваться по лицу, наклонению и числу» [31, с. 73-82].

Наиболее глубоко данным вопросом занималась В.В.

Бабайцева, которая говорит об отсутствии вербализуемого субъекта при наличии двучленности идеи, чем и обусловлена грамматическая односоставность обобщенно-личных конструкций» [3, с. 12].

Исследовательница определяет обобщенно-личные конструкции как односоставные, чье действие соотносено с обобщенным лицом и выражено глаголом 2-го лица, либо в некоторых случаях другими личными формами. В.В. Бабайцева указывает на различие степеней обобщенности в обобщенно-личных конструкциях, отмечая, что «действие можно отнести как к всякому лицу, так и условно обобщенной группе лиц» [3, с. 45].

Биёед, худ бубинед, ки чӣ шудааст, яъне шумо дар ҳаққи ман чӣ кардед [53, с. 16]?

Итак, с точки зрения академической грамматики необходимо относить приведенные выше предложения к обобщенно-личным односоставным предложениям, но при этом с точки зрения современных исследований этого делать не стоит. Таким образом, здесь снова возникает дискуссионный вопрос. Рассмотрим аргументы против. Самым главным будет тот факт, что в этих предложениях есть и подлежащее, и сказуемое, таким образом, получается, что они уже не могут относиться к односоставным. Кроме того, одним из двух главных членов предложения здесь является местоимение, поэтому невозможно говорить об обобщенно-личном предложении, так как в таких предложениях местоимение не находится на позиции подлежащего. Более того, иногда отмечают, что местоимение второго лица как в единственном, так и во множественном лице, используется с целью противопоставить, то есть оно здесь обладает вполне конкретным значением и не может относиться к чисто формальному использованию.

Во втором разделе четвертой главы под названием **«Классификация обобщенно-личных предложений в таджикском языке»** дается обзор классификации обобщенно-

личных предложений в таджикском языке.

В таджикском языке не существует четкого деления на группы данного вида предложений, в учебниках есть только общие для всех характеристики. Если обратиться к Грамматике современного таджикского литературного языка, то можно обнаружить, что в этом пособии недостаточно информации по данной теме, так как нет деления на виды. Самая объемная и подробная информация есть в исследовании М. Норматова и Ш. Рашидова, о котором мы писали выше [25, с. 33-63]. Далее мы рассмотрим, какие в данной работе отмечаются виды данного типа предложений.

Первый вид представляет собой предложения, в которых сказуемое является глагольным и стоит во втором лице единственного или множественного числа и употреблено в повелительном наклонении. По своему значению они чаще всего выражают совет, инструкцию, долженствования либо модальность невозможности или, наоборот, неизбежности действия. Форма второго лица обеспечивает обобщенный характер высказывания и делает его адресным для любого слушающего. Например:

«Нахуст аз касби дониш бахравар шав, зи ҷаҳлободи нодонӣ бадар шав» [58, с. 23].

Второй же тип представляет собой такие обобщенно-личные высказывания, в которых используется форма глагола второго лица, единственного, а не множественного числа. Такие предложения употребляются в сослагательном наклонении, выражая условный характер действия. Например:

«Дилатро рост кун, гар росткорӣ, ки ҳаст аз росткорӣ растагорӣ» [58, с. 66].

Обратимся теперь к третьему типу, который выделяют исследователи. Это тоже высказывания, которые содержат глагол в качестве сказуемого, при этом глагол так же стоит во втором лице. Однако при этом ученые отмечают, что здесь применяется как изъявительное, так и сослагательное

наклонение, а время при этом связано как с настоящим, так и с будущим. Этот тип используется, когда автор высказывания хочет спросить совета у своего визави, то есть совет просят в настоящем, но с прицелом на будущее, поэтому говорим сразу о двух временах. Кроме того, сохраняется модальность обязательности, то есть говорящему необходимо получить этот совет, и ответ его собеседника будет для него важен, объективен и обязателен к исполнению:

«Рохро бад марава, ки бад афти, чоҳ дар раҳ макан, ки худ афти» [58, с. 260].

Теперь рассмотрим четвертый тип предложений данного вида. В четвертом типе данного вида предложений также глагол употребляется во втором лице, множественного числа в изъявительном наклонении. Следует отметить, что на современном этапе развития таджикского языка данный тип предложений не очень распространен. Специфика таких предложений заключается в том, что автор высказывания также выступает участником описываемого действия, но намеренно использует обезличенную форму, чтобы исключить прямое указание на себя. Это приводит к тому, что, выявление субъекта действия становится почти невозможным. Рассмотрим несколько примеров:

«Танури меъдаро пурдуд кардӣ, сафои дил ғуборолуд кардӣ» [58, с. 151]. «Осон гардад бар он чӣ ҳиммат бастӣ» [58, с. 319].

Пятый тип этих предложений отличается от предыдущих тем, что на этот раз глагол будет стоять уже в третьем лице. Наклонение будет изъявительное, а число при этом используется только множественное.

В таком случае речь идет о стандартных ситуациях в жизни. Важно, что если в других типах авторы высказываний обобщали свой и чужой опыт, то здесь рассматривается только посторонний. Поэтому получается, что говорящий теоретизирует и утверждает абстрактные моменты, которые

при этом могут быть применены ко всем слушающим. Просто пропадает всякая конкретика и личностный момент:

«Баъд аз ин аз тарафи Арбоб ба ӯ ҳеҷ зулму осебе нарасиданро ваъда доданд» [53, с. 30].

Шестой же тип - это тоже предложения со сказуемым, которое имеет форму третьего лица в изъявительном наклонении. Разница с предыдущим типом, во-первых, в том, что на этот раз применяется единственное число, во-вторых, имеется в виду время на стыке настоящего и будущего. Например:

«Имрӯз метавонад дилхоҳи худ рӯйканию sinaзанӣ намояд» [53, с. 28].

Более того, хотелось бы добавить, что, кроме приведенных выше шести групп, в современном таджикском также используют этот вид односоставных предложений, где глагол стоит в прошедшем времени.

Важно отметить, что обобщенно-личные односоставные предложения необходимо понимать и рассматривать в контексте не только грамматики, но и стилистики и семантики, так как все эти характеристики создают общий образ такого вида предложений. К тому же это позволяет отличать их от других высказываний. То есть в этих предложениях всегда идет речь об общих действиях или явлениях, которые применимы к любому лицу в какой-либо конкретной, но при этом общей ситуации.

Третий раздел четвертой главы озаглавлен **«Способы передачи таджикских обобщенно-личных предложений в немецком языке»** и рассматривает способы передачи таджикских обобщенно-личных предложений в немецком языке.

Структурно обобщенно-личные предложения в немецком языке, как и неопределенно-личные являются двусоставными предложениями с неопределенным местоимением *man*.

Рассмотрим анализ обобщенно-личных предложений

таджикского языка и их эквивалентов в немецком языке. Как мы уже указывали выше, в немецком языке обобщенно-личные предложения выражаются двусоставными структурами. Отметим их семантические и формально-грамматические различия по группам примеров.

Так, можно выделить группу примеров, где обобщенно-личное значение в таджикском языке выражается с помощью глагола **во втором лице единственного числа**:

«Ба ҳамин шарт, ки нимаашро ба ман медиҳӣ» [52, с. 38]; «Unter der Bedingung, das die Hälfte mir gehört. Einverstanden?» [60, с. 38].

В настоящем примере односоставное таджикское предложение в немецком переводе превращается в два односоставных безличных предложения.

Теперь рассмотрим группу примеров, где обобщенно-личное значение в таджикском языке выражается с помощью глагола **во втором лице множественного числа**:

«Оварда додани табакро аз хотир фаромӯш накунед» [52, с. 36]. «Vergessen Sie nicht, die Schlüssel zurückzugeben» [60, с. 39].

В настоящем примере односоставное обобщенно-личное таджикское предложение передается двусоставным немецким предложением с местоимением вежливой формы *sie* второго лица множественного числа в качестве подлежащего.

Таким образом, в результате анализа таджикских предложений, переведенных на немецкий язык, было обнаружено, что несмотря на то, что обобщенно-личное значение в немецком языке может выражаться местоимением *man*, переводчики чаще используют личные местоимения *du*, *Sie* для перевода таджикских обобщенно-личных предложений на немецкий язык.

Перевод таджикских обобщенно-личных предложений на немецкий язык осуществляется с помощью местоимений *du*, *Sie*. Таким образом, таджикские односоставные обобщенно-личные предложения становятся двусоставными в

немецком переводе, сохраняя, однако, обобщенно-личное значение. Также зафиксировано несколько случаев перевода таджикского обобщенно-личного предложения в виде безличного в немецком языке. Еще был обнаружен случай перевода, в котором подлежащее, отсутствующее в таджикском оригинале, в немецком переводе было восстановлено, таким образом предложение потеряло обобщенно-личное значение.

Пятая глава под названием **«Функционально–семантические типы безличных предложений в таджикском и немецком языках»** состоит из пяти разделов.

Первый раздел пятой главы озаглавлен **«Безличные предложения в таджикском и немецком языках: история исследования вопроса»** и посвящён анализу научных подходов к изучению безличных конструкций в таджикском и немецком языкознании.

Односоставные безличные конструкции являются важной частью немецкого и таджикского синтаксиса, как с семантической, так и с формально-грамматической точки зрения. Безличные предложения несут конкретные черты, отличающими данный вид односоставных конструкций от ранее изученных в настоящем исследовании предложений. Подобная характеристика дает возможность посвятить безличным предложениям отдельную главу диссертационного исследования.

В немецком языке наиболее спорной проблемой безличных конструкций в современной лингвистике является вопрос конструкций с элементом *es*. Рассмотрим данный вопрос с точки зрения этимологии. Так, развитие немецкого языка от древненемецкого до верхненемецкого показывает, как элемент *es* функционирует в роли подлежащего и в роли дополнения.

Некоторые исследователи рассматривают определенные безличные предложения как двусоставные конструкции, например, такие как *«Es Zeit war»* [51, с. 21]. Можно увидеть

смысл в таком рассмотрении, например, в таджикском переводе данная конструкция становится двусоставным предложением: «Сари вақт буд» [55, с. 37].

Г.А. Золотова по этому поводу утверждает: «Подобные конструкции косвенно содержат не включенную в предложение контекстуальную информацию, из которой можно восстановить подлежащее» [13, с. 40].

Однако Ю.Т. Долин отрицает возможность считать такие конструкции двусоставными. По мнению ученого, «их можно считать только односоставными, так как, несмотря на семантический след подлежащего в конструкции, на грамматического уровне он отсутствует» [12, с. 25-26].

Итак, изучение существующих работ по безличным конструкциям демонстрирует нам наличие трёх основных точек зрения на их специфику:

1. Согласно первой точке зрения, «при наличии сказуемого в безличной конструкции не может существовать подлежащее ни при каких условиях» [8; 9; 33].

2. Согласно второй точке зрения, «безличная конструкция не может включать подлежащее, однако может существовать семантический субъект, выражающийся косвенным падежом» [4; 2; 3]. Однако, подобное рассмотрение нельзя применять к таджикскому языку, в котором нет безличных глаголов. Так, немецкая безличная конструкция «Es würde ihm wirklich gefallen», где семантический субъект выражается местоимением ihm, на таджикском будет звучать как двусоставное предложение.

«Ў дар ҳақиқат инро дӯст медошт».

3. Третья точка зрения рассматривает возможность наличия подлежащего в безличном предложении, рассматривая «Безличные конструкции как односоставные в структурном плане, однако двусоставные в семантическом аспекте. Подлежащее в таких конструкциях вынесено вне

предложения, однако присутствует на семантическом и контекстуальном уровне» [13].

В настоящем исследовании мы склоняемся ко второй точке зрения, опирающейся на концепцию В.В. Бабайцевой о соответствии форме и содержания в односоставных предложениях, которая при этом допускает семантический след подлежащего в безличных конструкциях.

Второй раздел пятой главы **«Классификация безличных предложений в таджикском языке»** посвящен классификации безличных предложений в таджикском языке.

В настоящий момент таджикские лингвисты все еще не разработали отдельные монографические работы о безличных предложениях таджикского языка. Однако безличные конструкции таджикского языка упоминаются во многих работах таджикских языковедов, таких, как Б.Н. Ниёзмухаммадов [22; 23], М.Н. Косимова [18; 19], Б. Камолиддинов [15], М. Норматов [25; 26], Ш. Рашидов [32] и др. Отдельно отметим масштабную работу Р.Д. Салимова, который создал четкую классификацию односоставных предложений в своем диссертационном исследовании [36]. Также на базе данного исследования ученый разработал компаративное исследование безличных предложений [35], а также несколько других исследований односоставных предложений разного типа [35; 36].

Мы считаем необходимым выделить четкую классификацию безличных конструкций таджикского языка в таджикском языкознании.

Отметим, что в большинстве работ таджикских языковедов отсутствует подобная классификация. Например, в учебнике по таджикскому языку за 1970 г. безличные предложения делятся на конструкции с вспомогательным глаголом «бояд» и конструкции с глаголом «шудан» [10, с. 186]. Например: «Нав бояд кард» [57, с. 18]. «Ба мардум асал бояд дод» [57, с. 23].

М. Норматов и Ш. Рашидов также выделяют типы безличных конструкций с модальными словами [25, с. 90]. Языковеды отмечают такие модальные слова как **лозим**:

«Ба чои трактор танк баровардан лозим» [57, с. 93]; **даркор**: «Ба он кас ёрӣ додан даркор» [57, с. 91]; **мумкин**: «Дубора дӯст доштан мумкин не» [57, с. 44].

Настоящее диссертационное исследование является компаративным, поэтому мы, вслед за Р.Д. Салимовым [36] считаем наиболее приемлемым использовать для настоящей работы классификацию безличных предложений М. Норматова и Ш. Рашидова [25, с. 90]. Рассмотрим данную классификацию:

1. В первую группу М. Норматов и Ш. Рашидов включает безличные конструкции, в которых сказуемое выражается формулой инфинитив + безличный глагол (бояд, боист, набояд, нашоад):

Ба мардум асал бояд дод [57, с. 24].

2. Во втором типе безличных конструкций сказуемое выражено посредством глагола в форме инфинитива и вспомогательного глагола тавонистан, который практически всегда используется с усеченной формой инфинитива. Вспомогательный глагол тавонистан в безличных конструкциях раскрывает семантику возможность действия, которое выражено инфинитивом:

«Милисаро ба даст метавон овард» [57, с. 12].

3. Третий тип безличных конструкций включает структурно-грамматический вид предложений, в которых сказуемое выражено формулой сочетания инфинитива и вспомогательного глагола шудан с семантикой «делаться, становиться». Инфинитив в данной формуле может использовать как в полной, так и в краткой форме. При этом отметим, что усеченная форма является более распространенной:

Ҳавас гуфта конуни ҳукуматро поймол карда намешавад [102, с. 74]. Қафо ҳам рафта намешавад [57, с. 96].

Было обнаружено, что система безличных конструкций современного литературного таджикского языка включает пять структурно-семантических типов. Безличные конструкции в таджикском синтаксисе являются специфичными для этого языка. Характерным признаком такой конструкции является отсутствие грамматического подлежащего.

Третий раздел пятой главы озаглавлен «**Классификация безличных предложений в немецком языке**» и содержит информацию о классификации безличных предложений в немецком языке

Коммуникативная специфика немецких безличных предложений состоит в том, что *es* употребляются в безличных конструкциях, описывающих природные явления, определяющих время и т.п.

Среди немецких безличных конструкций частотны следующие обороты:

es gibt, es handelt sich um: Es gibt noch Treue auf der Welt [63, с. 245].

Также встречаются следующие конструкции, при этом отметим, что они менее частотны, нежели вышеприведенные.

es kommt darauf an + zu + Infinitiv: Darauf kommt es doch nicht an [63, с. 28].

es heißt: Eigentlich heißt es ja Ladies first [67, с. 219].

es steht: Es steht weit von hier in einer öffentlichen Garage [63, с. 69].

es scheint: Es scheint ein gutes Unternehmen zu sein [63, с. 238].

es klopft: Es klopfte an der Gangtüre [63, с. 74].

Ц.Н. Шрайбер проводит анализ конструкций с вступительным *es* на примере современной общественно-политической публицистики и современной немецкой литературы. Исследователь выделяет четыре базовых вида подобных конструкций [44, с. 106].

Первый тип включает глагол *sein* и является констатацией существования чего-либо. Этот тип называется бытийным предложением и его основная форма глагола – это имперфект:

Und immer war es ihm erschienen [63, с. 35]. *Es war eine ebenso glückliche Fügung wie der Erwerb des Birkenhofs in Unterliederbach* [67, с. 6].

Второй тип конструкций, выделенных исследователем, включает глаголы со значением ощущений и чувств. Подобные конструкции часто встречаются в художественных прозаических и поэтических произведениях:

«*Es rauschte und knackte*» [67, с. 210].

Третий тип конструкций включает в качестве сказуемого глаголы с семантикой различных видов бытийных состояний. Семантика таких конструкций близка семантике предложений первого типа. При этом для них характерны, как глагольные, так и именные сказуемые. Наиболее частотными являются примеры с глаголом бытийного состояния *sein*:

«*Und es ist wirklich so gekommen*» [66, с. 26]. «*Es ist kein Spaß*» [66, с. 33].

Четвертый тип конструкций включает сказуемое, выраженное глаголами со значением рода деятельности, либо сложных абстрактных явлений: «*Es freut mich*» [65, с. 99]. *Es freut ihn* [62, с. 27].

Таким образом, подведем итоги изучения безличных предложений немецкого языка. Была обнаружена богатая и разнообразная типология таких конструкций в современном немецком языке и удалось выделить их характерные особенности. Основная функция безличных предложений современного немецкого языка состоит в представлении действия либо состояния вне их производителя или носителя.

Четвертый раздел пятой главы «**Способы передачи таджикских безличных предложений в немецком языке**» посвящён анализу основных способов и средств передачи таджикских безличных предложений в немецком языке, а

также выявлению их структурных и семантических особенностей.

Анализ безличных конструкций в таджикском и немецком языке демонстрирует, что среди их соответствий можно найти как односоставные, так и двусоставные эквиваленты. При этом выбор переводчика часто обусловлен наличием/отсутствием субъекта состояния, а также от главного члена в предложении-оригинале.

Таджикский язык не включает безличных глаголов как таковых, так же как немецкий язык, поэтому большинство переводов близки к оригиналам как семантически, так и структурно. Для примера рассмотрим перевод таджикского произведения писателя С.Айни «Марги судхур» на немецкий язык.

Так, рассмотрим пример с семантикой необходимости:

Дар ҳар ҳол аз Ғиждувониён тарсидан даркор [52, с. 48].
Auf jeden Fall sollte man sich vor Leuten aus Gishduwon in acht nehmen [60, с. 44].

В настоящем примере в оригинале таджикского языка безличная конструкция, которая не предполагает никакого лица. При этом в немецком переводе появляется местоимение и становится понятно, кому именно нужно бояться. Таким образом, появляется семантическое лицо, однако, грамматически это все еще односоставное предложение, но не безличное, а инфинитивное. При этом отметим, что ранее мы упоминали, что некоторые исследователи относят инфинитивные предложения к безличным конструкциям [5, с. 35]. Мы, в свою очередь, склонны отделять эти два вида конструкций и согласны с мнением К.А. Тимофеева, что это разные типы односоставных предложений [40, с. 250-259].

Рассмотрим пример со значением невозможности совершения действия:

Ин роҳи вазнинро тай карда ба ончо рафта расидан мумкин нест [52, с. 69].
Man kann be idem Wetter nicht in dieser Zeit erreichen [60, с. 77].

В данном примере в переводе сохраняется семантика безличности предложения, однако заметим, что грамматически в переводе конструкция становится неопределенной-личной посредством использования местоимения *man*.

Таким образом, мы изучили способы передачи в немецком языке таджикских безличных предложений с разной конструкцией и семантикой. Таджикские безличные предложения могут переводиться на немецкий язык как безличные с помощью безличного местоимения *es*, с помощью неопределенно-личного местоимения *man* и с помощью инфинитивных конструкций.

Также таджикские безличные конструкции могут передаваться в немецком языке как двусоставные предложения, в случае, когда объект в переводе становится субъектом, а глагол из воздействия на объект превращается в действие субъекта.

Еще таджикские безличные конструкции могут передаваться в немецком языке как двусоставные предложения, в случае, когда в таджикском предложении появляется притяжательное окончание, которое в немецком переводе трансформируется в личное местоимение.

Кроме того, распространенные таджикские безличные предложения имеют тенденцию в передаче на немецкий язык трансформироваться в сложные бессоюзные либо в сложноподчиненные предложения, которые состоят из безличных или инфинитивных простых предложений.

Пятый раздел пятой главы озаглавлен **«Способы передачи немецких безличных предложений в таджикском языке»** и показывает способы передачи немецких безличных предложений на таджикский язык.

В данном пункте рассмотрим способы передачи немецких безличных предложений в таджикском языке. Как и таджикский язык, немецкий менее склонен к формированию безличных конструкций. Основной способ образования таких

конструкций в немецком языке – это безличное местоимение *es*. Рассмотрим передачу немецких конструкций с *es* в таджикском языке.

Данные конструкции способны передаваться в таджикском языке как безличные, однако в них присутствует то, что мы называем контекстуальным членом предложения. В таких примерах отсутствует подлежащее, однако контекст предложения подразумевает, что подлежащее существует, только вне рамок данного предложения, но в тексте, в котором предложение находится:

Es gibt für mich keine Entschuldigung [63, с. 148]. Барои ман ягон узр надорад.

Рассмотрим передачу в таджикском языке немецких безличных предложений с **конструкцией *es ist***. В большинстве случаев такие предложения на таджикский переводятся с помощью вспомогательного глагола *аст*, который в сочетании с прилагательным либо существительным образует безличное именное сказуемое. Такие конструкции в передаче на таджикский язык, как правило, сохраняют семантику безличности и синтаксическую структуру:

Es ist schade [67, с. 34]. Дареғ аст; *Es ist doch selbstverständlich* [67, с. 67].

Рассмотрим немецкие безличные предложения с **конструкцией *es wurde***. Подобные немецкие безличные предложения в таджикском языке чаще всего передаются с помощью составного именного или глагольного сказуемого с вспомогательным глаголом *шудан*: «*Es wurde täglich sauber gemacht*» [59, с. 10]. Он ҳар рӯз тоза карда шуд;

Таким образом, мы рассмотрели передачу в таджикском языке немецких безличных предложений. Немецкие безличные предложения, как правило, выражаются сочетанием безличного местоимения *es* с различными пассивными глаголами. В таджикском переводе эти безличные конструкции чаще всего переводятся также как

безличные, однако в некоторых случаях передача на таджикский происходит в виде двусоставного предложения, а в самых редких случаях – в виде сложного предложения.

Также отметим, что немецкие безличные конструкции с **es war** переводятся с помощью таджикского вспомогательного глагола **будан**, немецкие безличные конструкции с **es ist** переводятся с помощью таджикского вспомогательного глагола **аст**, и немецкие безличные конструкции с **es wurde** переводятся с помощью таджикского вспомогательного глагола **шудан**. Отметим, что такая передача немецких безличных конструкций не является абсолютным правилом, однако большинство случаев передачи немецких безличных предложений в таджикском языке происходит именно так.

Шестая глава - «Функционально-семантические типы номинативных предложений в таджикском и немецком языках» - состоит из четырёх разделов.

Первый раздел шестой главы под названием **«Номинативные предложения в немецком и таджикском языках: история исследования вопроса»** рассматривает становление и развитие взглядов на номинативные предложения в немецком и таджикском языкознании, анализирует основные научные подходы к определению их статуса, структуры и функций.

Номинативными предложениями занимались многие крупные ученые-грамматисты. В исследовании этого типа предложений затрагивались такие вопросы как их происхождение, структура, семантика и стилистика [6; 7; 29; 30; 43]. Типология номинативных предложений разрабатывалась такими исследователями как Е.М. Галкина-Федорук, В.В. Бабайцева, П.А. Лекант [3; 8; 20].

Особенность номинативных конструкций состоит в соединении морфологических и синтаксических характеристик. Такая специфика номинативных предложений актуализируется в конструкциях, в которых подлежащее

выражено именем существительным в именительном падеже. «С синтаксической точки зрения такой предикат содержит двойную грамматическую нагрузку, а с морфологической точки зрения номинативная конструкция является не только синтаксической структурой, но и лексическим знаком с определенным денотатом» [24].

Предметные номинативные конструкции, как правило, актуализируют локализатор, для которого исходной точкой является имя бытующего предмета, а содержанием выступает указание на сферу при помощи второстепенных членов обстоятельственного типа. Такая актуализация появляется в силу коммуникативной потребности указывать пространственные и временные позиции предметов в номинативных конструкциях.

Также встречаются субъектные номинативные конструкции, где объектами выступают люди - участники событий, происходящих в конструкции. Подобные конструкции, как правило, содержат контекст ближайшей предметной сферы человека-объекта, как то его состояние, внешние характеристики и т.п.:

Ох, сарнавишти инсон! [55, с. 9]. O Bestimmung des Menschen [51, с. 5]!

Бытийные предложения функционируют как синтаксическое выражение семантики существования: «Меҳмонхонаи Мирбадал. Ду тирезае, ки якеаш ба тарафи кӯча, дигараш ба тарафи ҳавли дарун» [56, с. 79];

Для углубления классификации отметим еще одну важнейшую грамматическую характеристику номинативных конструкций – синтаксическую нечленимость. По типу структуры можно выделить нераспространенные и распространенные номинативные предложения:

Сахт ё сабук [56, с. 283]? Не, рафиқ фармондеҳи артиш [56, с. 284]. Хуб, рафиқ генерал [56, с. 284]. Geliebte Rut [64, с.77].

Таким образом, можно сделать вывод, что номинативные предложения являются особым типом односоставных предложений, чья грамматическая основа является подлежащим. Специфика таких конструкций состоит в том, что они не имеют аналогов вне настоящего момента и что вне контекста они не являются даже полноценными предложениями, имея структуру субстантивного словосочетания.

Можно выделить такие типы номинативных предложений как бытийные, оценочные и эмоциональные. С точки зрения семантики также можно выделить номинативные конструкции, которые включают описание состояния природы и описания состояния человека. Семантически номинативные предложения достаточно ограничены, что не мешает им быть одним из наиболее ярких синтаксических средств выразительности.

Во втором разделе шестой главы, озаглавленном **«Классификация номинативных предложений в таджикском языке»**, представлена классификация номинативных предложений на основе мнений лингвистов.

Номинативные предложения в современной таджикской лингвистике относят к структурно-семантическому типу односоставных конструкций таджикского языка. Номинативные предложения анализируются в работах советских и современных таджикских лингвистов [18; 19; 15; 25; 26; 22; 23; 32; 35; 36].

Таджикский язык включает повествовательные, вопросительные и восклицательные номинативные конструкции: Кафшхоятон, зани бовафо? [57, с. 60].

В таджикском языке встречаются нераспространенные номинативные конструкции, то есть без второстепенных членов предложения: «Бибиҷон!!!» [57, с. 59]. «Чакка?» [57, с. 59], а также распространенные с второстепенными членами, чаще всего в виде определения: «– Бӯи аҷиб» [57, с. 57]; «Домодатон серкор» [57, с. 60].

Современный таджикский язык включает расчлененные и нерасчлененные номинативные предложения. Нерасчлененные предложения в таджикском языке могут как нераспространенными, так и распространенными: Дурӯғ [57, с. 101] ! Рост [57, с. 18]! Мардак [57, с. 70]?

«Расчлененные номинативные конструкции в таджикском языке могут включать обстоятельственные и объектные детерминанты. Каждая часть такой конструкции может употребляться также как словосочетание» [10, с. 340].

Наиболее частотными для современного таджикского языка являются описательные номинативные конструкции, которые в свою очередь можно отнести к следующим группам:

1) номинативные конструкции, называющие место и действие: «Марғзори канори дарёча» [54, с. 27].

2) номинативные конструкции, описывающие природные явления и состояния, которые в некоторых случаях являются временными детерминантами для главного члена предложения: «Ҳаво гарм» [57, с. 73]. «Хомӯшӣ» [57, с. 391].

3) номинативные конструкции, описывающие природу как объект, пейзаж: «Зулол барин» [57, с. 192]. «Дашти ҳамвору якранг» [54, с. 5].

4) номинативные конструкции, называющие различные собрание: «Паи пой мардуми хабаргирӣ» [57, с. 391].

5) звукоподражательные номинативные конструкции: «Шақ-шақ, шақара-шақ» [57, с. 112]! «Шав-шуви оби сойчае» [54, с. 5].

6) номинативные конструкции, описывающие эмоциональные состояния, окружающую обстановку, социальные ситуации: Кор бисёр [57, с. 63]. Мудири дӯкон [54, с. 8].

7) номинативные конструкции, называющие любые явления, субъектов действия и т.д.: Одамон [57, с. 92]. Бачаи Шайдо [57, с. 390].

Отметим, что номинативные конструкции описательного типа типичны для художественных текстов и практически не

употребляются в устной речи современного таджикского языка.

Итак, анализ номинативного предложения в таджикском и немецком языках говорит о том, что отсутствие глагола в этих конструкциях имеет системную природу. Номинативные конструкции создаются не для выражения действия, а для описания, и потому обладают огромными изобразительными возможностями. Такие их черты способствуют тому, что номинативные предложения активно используются в художественных текстах.

Третий раздел шестой главы называется **«Классификация номинативных предложений в современном немецком языке»** и устанавливает типы номинативных предложений в немецком языке на основе мнений лингвистов.

Некоторые немецкие лингвисты-грамматисты [49; 50 и др.] считают все односоставные предложения, включая номинативные отклонением от нормы, неполноценным предложением или даже частью «нормального» предложения. Х. Бринкман высказывает мнение, что «номинативные конструкции являются двусоставными с фальшивой односоставностью и считает, что двусоставность таких конструкций зависит от коммуникационной ситуации» [48, с. 460].

Перцептивность – одна из самых важных характеристик номинативных предложений. Такое свойство номинативных предложений говорит о том, что они являются фрагментами восприятия явлений внешнего мира. Номинативное предложение фокусируется на предмете в момент непосредственного наблюдения за ним. В таких конструкциях могут отражаться различные типы восприятия мира через семантику имени существительного:

Так, в номинативных предложениях могут появляться виды:

зрительной перцепции: Das unscharfe Schwarzweißbild [67, с. 85]; Ein Mann mit hellen Haaren [67, с. 85].

1) слуховой перцепции: Die Schimpftiraden [67, с. 4].

2) обонятельной перцепции: Süßlichen Duft verwelkender Blumen [67, с. 2].

3) тактильной перцепции: Ein Kribbeln im Genick [67, с. 87].

Экспликация перцептивного значения в номинативных предложениях может быть реализована через обстоятельственные элементы. Эти элементы фиксируют пространственное положение воспринимающего субъекта, который выступает в роли исходной точки отсчета:

Auf der untersten Treppenstufe [67, с. 97]. Hinter einem hohen Zaun [67, с. 100].

В итоге, номинативное предложение представляет собой синтаксическую единицу, чьи грамматические свойства непосредственно обуславливают её значительный стилистический и текстовый потенциал. Как элемент, формирующий текст, оно активно участвует в организации общего текстового целого. Благодаря своей информативной насыщенности в сочетании с лаконичной структурой, номинативное предложение является эффективным средством текстообразования. Кроме того, такие неотъемлемые характеристики номинативного предложения, как перцептивность и импликация субъекта, позволяют фиксировать различные структурные и смысловые изменения, происходящие в тексте.

Четвертый подраздел шестой главы озаглавлен **«Способы передачи таджикских номинативных предложений в немецком языке и немецких номинативных предложений в таджикском языке»** и показывает способы передачи номинативных предложений в таджикском и немецком языках.

Номинативные (назывные) предложения являются ключевыми синтаксическими конструкциями, выражающими

констатацию существования предмета, явления или обстановки без необходимости указания на действие или динамику. В рамках общей проблематики межкультурной коммуникации грамматических структур, особое внимание заслуживает сопоставление подходов к выражению назывности в типологически различных языках.

Рассмотрим передачу немецких номинативных предложений в таджикском языке:

1) бытийные: Eine offenstehende Feuerschutztür [67, с. 248]; Дари мухофизат аз сӯхтор, ки боз аст.

2) указательные: Bis zum nächsten Dorf [67, с. 248]. То деҳаи наздиктарин.

3) оценочные: Zwei hässlichen, mehrstöckigen Bausünden [67, с. 6]. Ду хатои бисёртабакаи меъмории зишт; Hilflloser Zorn [67, с. 241]. Ғазаби бечорагӣ;

4) побудительно-пожелательные: Scheiße, Scheiße, Scheiße [67, с. 118]! Лаънат! Punkt Aus [67, с. 19]. Нукта. Тамо;

5) собственно-назывные: Gregor Lauterbach [67, с. 45].

Грегор Лаутербах; Nadja von Bredow Надя фон Бредов [67, с. 3].

Немецкие номинативы – это краткие, бессвязочные фразы, которые в таджикском (как и во многих восточных языках) часто требуют эксплицитной грамматической связи или вспомогательных элементов, чтобы утвердить факт существования, принадлежности или местоположения.

Таджикский язык передаёт немецкие номинативные конструкции (которые часто являются констатацией факта без глагола sein – быть) тремя основными способами:

а) передача через чистую номинативную группу: Bis zum nächsten Dorf [67, с. 248]. То деҳаи наздиктарин;

б) передача через утверждение отсутствия/присутствия (с использованием вспомогательных глаголов):

Eine offenstehende Feuerschutztür [67, с. 248]. Дари мухофизат аз сӯхтор, ки боз аст.

в) передача собственно-назывных предложений: Nadja von Bredow Надя фон Бредов [67, с. 3].

Теперь рассмотрим передачу таджикских номинативных предложений на немецкий язык.

1) бытийные: Муддао якта [56, с. 192]. Das Ziel ist nur eines.

2) указательные: Ин ҳоло аз нӯги хамир фатир [56, с. 30]. Das ist jetzt nur der Anfang; Xūū, ana! [57, с. 54].

3) оценочные: Ҳаминаш давлати калон [56, с. 87]. Das ist der wahre Reichtum;

4) побудительно-пожелательные: Ихтиёрат, писар [56, с. 122]. Dein Wille, mein Sohn!

5) собственно-назывные: Мудири дӯкон [54, с. 8]. Der Ladenleiter;

Передача таджикских номинативных предложений в немецком языке также происходит тремя способами. Один из них мы рассмотрели выше, и он применяется исключительно к собственно-назывным предложениям и является абсолютно идентичным тому, как немецкие собственно-назывные предложения передаются в таджикском языке.

Способы передачи других типов номинативных предложений с таджикского на немецкий язык также аналогичны таким способам с немецкого на таджикский, так как привязаны к двум точкам отсчета: либо к номинативной семантике, либо к глаголу бытия.

а) передача через чистую номинативную группу:

Бегоҳони тирамоху зимистон [57, с. 58]. Die Abende des Herbstes und Winters.

б) передача через утверждение отсутствия/присутствия (с использованием вспомогательных глаголов): Дашт сабз. [57, с. 47]. Die Steppe ist grün.

Немецкий синтаксис категорически требует глагола-связки (ist/sind) в тех случаях, где таджикский язык опускает его, чтобы выразить состояние или идентичность, вследствие чего односоставные номинативные предложения таджикского

языка при передаче на немецкий превращаются в двусоставные. Это подтверждает, что чистые бытийные и оценочные предложения в немецком языке имеют гораздо более узкую сферу применения, чем в таджикском (и вообще в языках, где глагол-связка опускается). Если бытийные таджикские предложения чаще сохраняют свою номинативность, то указательные в половине случаев превращаются в двусоставные конструкции в немецкой передаче.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, суммируем выводы, полученные в ходе настоящего исследования. Основой шахматовской концепции о предложении является понятие психологической коммуникации, чьи обязательные члены – это психологический субъект и предикат в смысловых отношениях, которые исследователь считает предикативной связью. Проведенный в исследовании обзор литературы исследуемого вопроса дает возможность считать, что: 1) для выделения односоставных предложений в качестве особого типа структур могут предлагаться различные признаки; б) в вопросе определения главного члена односоставных конструкций на данный момент не существует единства.

Анализ синтаксиса языка классического периода свидетельствует о функционировании всех типов односоставных предложений в таджикском языке. Если резюмировать приведенные в исследовании определения односоставных предложений таджикского языка, то можно сделать вывод, что их специфической особенностью является отсутствие второго главного члена. По результатам анализа работ таджикских исследователей и настоящего исследования можно говорить о широком употреблении в современном таджикском языке определенно-личных предложений.

С немецкими односоставными предложениями на данный момент ситуация состоит в том, что исследование подобных конструкций проходило вне общей теории предложения и четкая теоретическая база по односоставным предложениям в современной германистике все еще не выстроена.

В настоящей работе под определенно-личными предложениями в таджикском языке подразумеваются, вслед за М.Н. Касымовой, М.Норматовым и Р.Д. Салимовым, односоставные предложения, чей главный член может быть выражен посредством глаголов всех времен и наклонений, глаголами, форма которых указывает на конкретное лицо,

совершающее действие.

По итогам шести глав исследования были сделаны следующие выводы об односоставных конструкциях в таджикском и немецком языке:

1. Определенно-личные предложения включают лицо в сказуемом и потому не дублируют его в подлежащем. В таджикском языке определено-личные предложения никогда не включают подлежащее. Определенно-личные предложения, не включающее личное местоимение, обозначающее деятеля, является исторической нормой в силу способности сказуемого-глагола обозначать лицо посредством глагольных окончаний. В таджикском языке глаголы обладают такой способностью в любом времени и наклонении. В немецком языке один глагол может выражать разные лица, в силу чего в немецком языке отсутствуют определено-личные предложения [6-A].

2. Для таджикского языка характерно активное функционирование определено-личных предложений, поскольку они позволяют убрать ненужное повторение личных местоимений. Для таджикского языка определено-личные предложения весьма актуальны в силу вышеупомянутой особенности таджикских глаголов. Также использование определено-личных предложений важно в рамках художественных текстов, так как способствует динамичности, живости и непринужденности повествования, повышая уровень экспрессии. Также употребление в художественном тексте определено-личных предложений фокусирует внимание читателя на самом важном для писателя действии [9-A].

3. Классификация определено-личных предложений включает 7 групп. Передача на немецкий язык таджикских определено-личных предложений зачастую весьма сложна по причине отсутствия определено-личных предложений как типа в немецком языке. Можно отметить несколько видов передачи таджикских определено-личных предложений на немецкий язык. Наиболее распространенной является передача в виде двусоставного предложения с восстановлением подлежащего-местоимения. Также отмечена передача в виде

односоставного неопределенно-личного предложения и односоставного инфинитивного предложения. Наиболее интересной для переводчика представляется передача в виде безличного предложения – такой вид передачи таджикских определенно-личных предложений требует значительную переработку оригинального смысла в предложения, при этом с его сохранением [10-А].

4. Виды передачи на немецкий язык определенно-личных предложений разнятся от наклонения и лица таджикского оригинала. Так, предложения со сказуемыми, выраженными глаголами в изъявительном и сослагательном наклонении, наиболее часто передавались в немецком языке в виде двусоставных предложений, в то время как у предложений со сказуемыми, выраженными глаголом в повелительном наклонении, такая передача составила меньшую часть примеров.

5. Также отмечено, что предложения со сказуемыми, выраженными глаголами в единственном числе, чаще переводились на немецкий как обобщенно-личные предложения, в то время предложения со сказуемыми, выраженными глаголами в множественном числе чаще переводились на немецкий язык как неопределенно-личные предложения.

6. Все найденные примеры обобщенно-личных предложений со сказуемыми, выраженными глаголами в форме второго лица единственного числа передавались на немецкий язык только в виде двусоставных предложений. Достаточно частотными видами передачи таджикских определенно-личных предложений стали передачи в виде безличных и инфинитивных предложений. При этом передача определенно-личного предложения в виде номинативного встречалась всего 3 раза, 2 из которых составили примеры передачи таджикских определенно-личных предложений со сказуемым, выраженным глаголами в повелительном наклонении [13-А].

7. Необходимо также отметить особые факторы,

определяющие односоставность предложений, помимо семантического и информативного факторов. Важными для таджикских определенно-личных предложений и их передачи на немецкий язык будут:

а) контекстуально-речевой фактор, обуславливающий неполную реализацию структурной схемы (т.е., пропуск в речи конкретной обязательной либо желательной части предложения].

б) коммуникативно-информативный фактор, определяющий односоставные конструкции как единственное либо наиболее удобное средство оформления, передачи и хранения той или иной информации в конкретном языке.

8. Неопределенно-личные предложения включают следующие признаки: а) отсутствие подлежащего и невозможность его восстановления из контекста; б) выраженность сказуемого глаголом в третьем лице настоящего, будущего либо прошедшего времени. Отсутствие подлежащего в неопределенно-личных предложениях является не случайной недосказанностью, как в неполных и безличных предложениях, а намеренным устранением [11-А].

9. Основными условиями функционирования таджикских неопределенно-личных предложений являются: а) осуществление действия множеством лиц, при этом количество делает невозможным их называние; б) неопределенность субъекта; в) отсутствие необходимости называния субъекта, так как упоминание действующих лиц не повлияет на содержание и цель высказывания.

10. В таджикском языке можно выделить два структурно-семантических типа неопределенно-личных предложений: а) неопределенно-личные предложения с неизвестным подлежащим; б) неопределенно-личные предложения, чьи действующие лица известным всем, поэтому не требуется их называть; в) неопределенно-личные предложения, где действующие лица можно предположить по совершаемым действиям; г) неопределенно-личные предложения, по которым можно сделать вывод, что

слушающим действующие лица известны, так как есть определенная предыстория действий; д) неопределенно-личные предложения, в чьем содержании нельзя определить действующее лицо, однако это позволяет сделать окружающий контекст; е) неопределенно-личные предложения, чье содержание позволяет предположить личности действующих лиц по контексту [12-А].

11. Специфика неопределенно-личных предложений в немецком языке определяется тем, что немецкое предложение невозможно построить без подлежащего. Для выражения неопределенности субъекта в немецком языке используется специальное неопределенно-личное местоимение «man» в качестве подлежащего. В отличие от таджикского языка, немецкое неопределенно-личное предложение технически включает грамматическое подлежащее в виде специального местоимения. Семантика неопределенности данного местоимения, однако, не снижает его активность как действующего лица, просто фокус значения смещается с производителя на производимое действие. Кроме использования неопределенно-личного местоимения man в немецком языке также может употребляться в неопределённо-личных предложениях местоимение 3-го лица множественного числа sie [11-А].

12. Неопределенно-личные таджикские предложения, в зависимости от своего состава и распространенности, переводятся на немецкий язык как а) простые двусоставные предложения; б) безличные предложения; в) простые двусоставные предложения, осложненные однородными членами предложения; г) сложносочиненные предложения; д) сложные бессоюзные предложения; е) сложноподчиненные предложения либо как простое двусоставное предложение с однородными сказуемыми.

13. Немецкие предложения, которые переводятся на таджикские на неопределенно-личные, можно разделить на следующие типы:

а) неопределенно-личные предложения с неопределенно-личным местоимением *man*; б) безличные и инфинитивные предложения; в) двусоставные предложения с подлежащим, выраженным личным местоимением третьего лица множественного числа *sie*; двусоставные предложения с различными подлежащими, прямо называющих действующих лиц; сложноподчиненные предложения [25-А].

14. Обобщенно-личные предложения таджикского языка имеют широкое употребление во всех стилях речи. Чаще всего обобщенно-личные предложения используются с глаголом, который стоит в форме второго лица единственного числа, при этом наиболее часто используется изъявительное, а не повелительное наклонение, а также самое частое время — это настоящее. Таким образом, к семантике и функциональности этого типа предложения можно отнести как обобщенность, так и саму глагольную форму, отмеченную выше. Получается, что она будет являться основным признаком этого типа предложения [14-А].

15. Спецификой таджикского обобщенно-личного предложения является использование настоящего-будущего времени. Также в таджикском существует шесть форм изъявительного наклонения, что позволяет создавать более широкий спектр обобщенно-личного значения. Еще важен фактор использования в современном таджикском языке вместо глагольного сказуемого именного, то есть обращаться к причастию, прилагательному или даже существительному. При этом значение и модальность обобщенности, всеобщности, объективности и долженствования остаются прежними [13-А].

16. Перевод таджикских обобщенно-личных предложений на немецкий язык осуществляется с помощью местоимений *du*, *Sie*. Таким образом, таджикские односоставные обобщенно-личные предложения становятся двусоставными в немецком переводе, сохраняя, однако, обобщенно-личное значение. Также зафиксировано несколько случаев перевода таджикского обобщенно-личного предложения в виде безличного в немецком языке. Еще был

обнаружен случай перевода, в котором подлежащее, отсутствующее в таджикском оригинале, в немецком переводе было восстановлено, таким образом предложение потеряло обобщенно-личное значение.

17. Безличные предложения таджикского языка могут выражать множество различных семантически-модальных оттенков, таких как возможность/невозможность, необходимость, долженствование, состояние [21-А].

В таджикском языке существуют пять структурно-семантических типов безличного предложения. Структура таджикского безличного предложения ст не имеет четкого соответствия членов предложениям членам суждения, поскольку в таких суждениях описывается состояние, явление либо процесс, которые независимы от их исполнителя и никак на него не указывают. Центральное ядро такой конструкции – это, как правило, глагольное либо именное сказуемое, связанное с второстепенными членами предложения.

18. В немецком языке обнаружена богатая и разнообразная типология безличных предложений, однако большинство из них использует безличное местоимение *es*. Основная функция безличных предложений современного немецкого языка состоит в представлении действия либо состояния вне их производителя или носителя. Конструкции с *es gibt* и *es handelt* оказались самыми частотными среди подобных примеров. Также распространенным видом оказались конструкции с *es ist* и *es war* [20-А].

19. Таджикские безличные предложения могут переводиться на немецкий язык как безличные с помощью безличного местоимения *es*, с помощью неопределенно-личного местоимения *man* и с помощью инфитивных конструкций; как двусоставные предложения, в случае, когда объект в переводе становится субъектом, а глагол из воздействия на объект превращается в действие субъекта; как двусоставные предложения, в случае, когда в таджикском предложении появляется притяжательное окончание, которое в

немецком переводе трансформируется в личное местоимение.

20. Распространенные таджикские безличные предложения могут в передаче на немецкий язык трансформироваться в сложные бессоюзные либо в сложноподчиненные предложения, которые состоят из безличных или инфинитивных простых предложений.

21. Немецкие безличные предложения в таджикской передаче чаще всего переводятся также как безличные, однако в некоторых случаях передача на таджикский происходит в виде двусоставного предложения, а в самых редких случаях – в виде сложного предложения. Немецкие безличные конструкции с *es war* переводятся с помощью таджикского вспомогательного глагола будан, немецкие безличные конструкции с *es ist* переводятся с помощью таджикского вспомогательного глагола аст, и немецкие безличные конструкции с *es wurde* переводятся с помощью таджикского вспомогательного глагола шудан. Такая передача не является обязательной, однако весьма частотна [18-А].

Номинативные предложения используются авторами как мощный стилистический инструмент для достижения краткости, динамики и эмоционального напряжения, поскольку они мгновенно констатируют факт, избегая синтаксической тяжести глаголов.

Таким образом, можно сделать вывод, что номинативные предложения являются особым типом односоставных предложений, чья грамматическая основа является подлежащим. Специфика таких конструкций состоит в том, что они не имеют аналогов вне настоящего момента и что вне контекста они не являются даже полноценными предложениями, имея структуру субстантивного словосочетания.

22. Можно выделить такие типы номинативных предложения как бытийные, указательные, оценочные, побудительно-пожелательные и собственно-назывные. С точки зрения семантики также можно выделить номинативные

конструкции, которые включают описание состояния природы и описания состояния человека. Семантически номинативные предложения достаточно ограничены, что не мешает им быть одним из наиболее ярких синтаксических средств выразительности.

Номинативные конструкции могут включать следующие модальные значения: уверенность/неуверенность, эмоциональное усиление, предположение и др. Модальность в номинативных предложениях выражается посредством модальных слов и частиц [22-А].

23. Анализ номинативного предложения в таджикском и немецком языках говорит о том, что отсутствие глагола в этих конструкциях имеет системную природу. Номинативные конструкции создаются не для выражения действия, а для описания, и потому обладают огромными изобразительными возможностями. Такие их черты способствуют тому, что номинативные предложения активно используются в художественных текстах.

24. Немецкий язык наиболее жёстко требует глагола-сказуемого для утверждения состояния или идентичности (бытийные и оценочные предложения]. Однако он легко принимает номинативность в предложных группах, вопросах и описательных именных конструкциях, что позволяет сохранить краткость и ударность таджикского оригинала.

25. Собственно-назывные предложения являются самыми чистыми формами номинатива и наиболее устойчивы к смене языка. В обоих языках они сохраняют свою безглагольную форму, поскольку их функция — это мгновенное именование и идентификация. В таджикском они используют изафет, а в немецком — артикли и родительный падеж для связи, но без необходимости в глаголе-сказуемом. При этом прямые имена передаются простой транслитерацией [27-А].

Бытийные и оценочные предложения демонстрируют наибольшее расхождение в синтаксисе при передаче

конструкций, которые утверждают существование, состояние или субъективную оценку.

26. Сутью таджикской номинативностью можно считать изафет: В таджикском языке изафет выступает как главный грамматический механизм, который позволяет опускать глагол-связку *аст* в бытийных и оценочных фразах. Изафет скрепляет существительные с их атрибутами, создавая статичную, но информативно насыщенную группу.

Немецкий синтаксис, однако, категорически требует явного выражения глагола-связки *ist/sind*, особенно для утверждения тождества или метафорической оценки. Таджикская безглагольность в этих случаях жертвуется в пользу грамматической полноты немецкого предложения.

Указательные номинативные предложения, которые фокусируют внимание на месте или объекте также демонстрируют высокую устойчивость, передаваясь без изменения с таджикского на немецкий и с немецкого на таджикский [22-A].

27. Побудительно-пожелательные предложения, выражающие волю, призыв или эмоцию, также легко сохраняют безглагольность, поскольку оба языка используют восклицательные существительные и устойчивые формулы. Единственным исключением, требующим экспликации, являются отрицательные и категоричные номинативы, где таджикский язык вынужден явно использовать частицу *не*ст или *не* для обеспечения грамматической ясности [27-A].

В целом, таджикский язык является исключительно толерантным к номинативности, используя изафет как универсальную связку для именных групп. Это позволяет ему успешно передавать стилистическое сжатие немецких номинативов. Расхождение возникает только тогда, когда синтаксис немецкого языка строго требует явного глагола *sein* для утверждения тождества или состояния, в то время как таджикский язык оставляет его подразумеваемым.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

По результатам выполненного исследования разработаны следующие научные рекомендации, ориентированные на дальнейшее совершенствование теоретического и практического изучения функционально-семантических типов односоставных предложений в таджикском и немецком языках

1. Материалы и выводы исследования могут найти применение в процессе преподавания теоретических и практических дисциплин по языкознанию, включая курсы по сравнительно-сопоставительной лингвистике, теоретической и практической грамматике немецкого и таджикского языков, а также в курсах, посвящённых изучению синтаксиса простого предложения и функционально-семантических особенностей односоставных конструкций в таджикском и немецком языках.

2. Результаты настоящего исследования могут рассматриваться как достоверная научная база при изучении функционально-семантических особенностей односоставных предложений в разносистемных языках, в частности немецком и таджикском языках, а также при определении способов их адекватной передачи в процессе перевода с таджикского языка на немецкий и с немецкого на таджикский язык.

3. Результаты данного исследования могут применяться в научно-исследовательской работе, а также при разработке учебных программ и рассмотрении различных вопросов, связанных с функционально-семантическими особенностями односоставных предложений в разносистемных языках, выявлением их структурно-синтаксических, семантических и коммуникативно-прагматических характеристик, а также определением специфики их функционирования в таджикском и немецком языках.

4. Материалы диссертации могут послужить теоретической и практической основой для дальнейших исследований в области сопоставительного синтаксиса, функциональной грамматики, типологии языков и

переводоведения. Кроме того, результаты исследования могут применяться при анализе художественных, публицистических и разговорных текстов, а также в практике преподавания таджикского и немецкого языков в высших учебных заведениях.

5. Результаты диссертационного исследования могут использоваться при подготовке лингвистов и преподавателей таджикского и немецкого языков, а также в научно-исследовательской работе в области языкознания, особенно сравнительно-сопоставительного направления. Они также могут быть полезны при разработке учебных пособий и методических материалов, а также при организации практических занятий по грамматике и синтаксису. Кроме того, полученные выводы помогут студентам лучше понимать особенности синтаксических конструкций в таджикском и немецком языках и применять эти знания в практике анализа и перевода.

6. Проведённое исследование функционально-семантических типов односоставных предложений в таджикском и немецком языках показало, что некоторые вопросы в области синтаксиса, особенно в рамках сопоставительного языкознания, до сих пор остаются недостаточно разработанными и требуют дополнительного внимания исследователей. В частности, это касается более точного разграничения функционально-семантических типов односоставных конструкций, особенностей их употребления, а также специфики их передачи при переводе между таджикским и немецким языками. Полученные результаты подтверждают необходимость дальнейшего комплексного изучения данных явлений с привлечением более широкого языкового материала и современных методов лингвистического анализа.

7. Результаты данного исследования функционально-семантических типов односоставных предложений в таджикском и немецком языках свидетельствуют о том, что, несмотря на наличие значительного количества работ, посвященных синтаксическим конструкциям, вопросы их чёткого разграничения и описания в сопоставительном плане

остаются недостаточно разработанными. В частности, это касается определения функциональных разновидностей односоставных предложений, а также выявления особенностей их употребления в различных речевых ситуациях и стилях. Нередко отдельные типы таких конструкций трактуются неоднозначно, что создаёт определённые трудности при их анализе и сопоставлении в разных языках. В этой связи дальнейшее изучение односоставных предложений в таджикском и немецком языках представляется особенно актуальным, так как оно позволяет не только уточнить существующие классификации, но и более точно описать их реальные функции в живой речи и письменных текстах.

8. Результаты данного исследования могут использоваться при определении трудностей, возникающих в процессе сопоставительного анализа и перевода функционально-семантических типов односоставных предложений в таджикском и немецком языках, а также при определении наиболее адекватных способов их передачи с учётом структурных и семантических особенностей каждого языка. Кроме того, его использование позволяет обратить внимание на типичные ошибки, возникающие при интерпретации подобных конструкций в переводе, и на различия в их функционировании в разных стилях речи. Это, в свою очередь, способствует более точному и осознанному выбору языковых средств при переводе и повышает его качество.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ:

I. Монографии:

[1-А]. Раджабов, Н.Ф. Определенно-личные предложения в таджикском и немецком языках: функционально-семантический анализ. Монография / Н.Ф. Раджабов. – Душанбе, 2018. -133 с.

[2-А]. Раджабов, Н.Ф. Сопоставительный анализ неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений в таджикском и немецком языках. Монография / Н.Ф. Раджабов. – Бохтар, 2022. -95 с.

II. Научные статьи, опубликованные в рецензируемых журналах, утвержденных ВАК при Президенте РТ:

[3-А]. Раджабов, Н.Ф. Синтаксическая квалификация и история исследования главного члена односоставного предложения в современном немецком литературном языке / Н.Ф. Раджабов // Вестник Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава. Серия гуманитарных и экономических наук. – Бохтар, 2018. – №1-1 (59). – С. 64-67.

[4-А]. Раджабов, Н.Ф. Сопоставительный анализ односоставных предложений в немецком и таджикском языках / Н.Ф. Раджабов // Вестник Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни. – Душанбе, 2018. – №1 (73). – С. 106-110.

[5-А]. Раджабов, Н.Ф. Семантика номинативных односоставных предложений в таджикском и немецком языках / Н.Ф. Раджабов // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2018. – №6. – С. 135-139.

[6-А]. Раджабов, Н.Ф. Определенно-личные предложения в таджикском и немецком языках / Н.Ф. Раджабов // Вестник Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава. Серия гуманитарных и экономических наук. –

Бохтар, 2019. – №1/4 (57). Т.2. – С. 17-19.

[7-А]. Раджабов, Н.Ф. История изучения и лингвистические концепции односоставных предложений в современном таджикском литературном языке / Н.Ф. Раджабов // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2019. – №2. – С. 77-82.

[8-А]. Раджабов, Н.Ф. Синтаксическая квалификация главного члена односоставного предложения в современном таджикском литературном языке / Н.Ф. Раджабов // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2019. – №1. – С. 149-155.

[9-А]. Раджабов, Н.Ф. Способы передачи таджикских определенно-личных предложений на немецкий язык / Н.Ф. Раджабов // Вестник Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава. Серия гуманитарных и экономических наук. – Бохтар, 2019. – №1/4 (68). – С. 82-85.

[10-А]. Раджабов, Н.Ф. Классификация определенно-личных предложений в таджикском языке / Н.Ф. Раджабов // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2020. – №6. – С. 118-121.

[11-А]. Раджабов, Н.Ф. Сопоставительный анализ неопределенно-личных предложений и их классификация в немецком языке / Н.Ф. Раджабов // Вестник Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава. Серия гуманитарных и экономических наук. – Бохтар, 2021. – №1/3 (89). – С. 60-63.

[12-А]. Раджабов, Н.Ф. Неопределенно-личные предложение и их классификация в таджикском языке / Н.Ф. Раджабов // Вестник Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава. Серия гуманитарных и экономических наук. – Бохтар, 2021. – №1/4 (92) – С. 45-50.

[13-А]. Раджабов, Н.Ф. Обобщенно-личные предложения в таджикском и немецком языках: история исследования вопроса / Н.Ф. Раджабов // Вестник Бохтарского

государственного университета имени Носира Хусрава Серия гуманитарных и экономических наук. – Бохтар, 2022. – №1/2 (98). – С. 49-53.

[14-А]. Раджабов, Н.Ф. Способы передачи таджикских обобщенно-личных предложений в немецком языке / Н.Ф. Раджабов // Вестник Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава. Серия гуманитарных и экономических наук. – Бохтар, 2022. – №1/3 (101). – С. 67-71.

[15-А]. Раджабов, Н.Ф. Способы передачи таджикских неопределенно-личных предложений на немецкий язык / Н.Ф. Раджабов // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2022. – №2. – С. 155-160.

[16-А]. Раджабов, Н.Ф. Использование неопределенно-личных предложений в таджикском и немецком языках / Н.Ф. Раджабов // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2022. – №4. – С. 146-151.

[17-А]. Раджабов, Н.Ф. Синтаксическая классификация обобщенно-личных предложений в таджикском языке / Н.Ф. Раджабов // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2023. – №1. – С. 111-118.

[18-А]. Раджабов, Н.Ф. История исследования вопроса безличных предложений в таджикском и немецком языках / Н.Ф. Раджабов // Вестник Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава. Серия гуманитарных и экономических наук. – Бохтар, 2024. – №1/2 (122) – С. 61-65.

[19-А]. Раджабов, Н.Ф. Классификация безличных предложений в таджикском языке / Н.Ф. Раджабов // Вестник Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава. Серия гуманитарных и экономических наук. – Бохтар, 2025. – №1-2 (134). – С. 81-85.

[20-А]. Раджабов, Н.Ф. Классификация безличных предложений в немецком языке / Н.Ф. Раджабов // Вестник

Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава Серия гуманитарных и экономических наук. – Бохтар, 2025. – №1-3 (137). – С. 126-129.

[21-А]. Раджабов, Н.Ф. Способы передачи безличных предложений таджикского языка на немецкий язык / Н.Ф. Раджабов // Вестник Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава. Серия гуманитарных и экономических наук. – Бохтар, 2025. – №1-4 (140). – С. 182-187.

[22-А]. Раджабов, Н.Ф. Виды номинативных предложений в современном немецком языке / Н.Ф. Раджабов // Вестник Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава. Серия гуманитарных и экономических наук. – Бохтар, 2026. – №1/1 (143). – С. 63-67.

III. Статьи и тезисы в других научных изданиях:

[23-А]. Раджабов, Н.Ф. Простые односоставные глагольные предложения в таджикском и немецком языках / Н.Ф. Раджабов // Материалы международной научно-практической конференции на тему «Актуальные проблемы сопоставительно-типологического исследования языков и современные методы обучения иностранным языкам». – Душанбе: МДМТ, 2018. – С.149-153.

[24-А]. Раджабов, Н.Ф. Анализ неопределенно-личных предложений в таджикском и немецком языках / Н.Ф. Раджабов // Международный научно-практический журнал «ENDLESS LIGHT in SCIENCE». – Алма-Ата, Казахстан, 2023 г. – С. 706-710.

[25-А]. Раджабов, Н.Ф. Классификация обобщенно-личных предложений в таджикском языке / Н.Ф. Раджабов // Материалы международной научно-практической конференции на тему «Теоретические и практические проблемы сопоставительно-типологического исследования языков, таджикского языкознания и современные методы обучения иностранным языкам». – Душанбе: МДМТ, 2023. – С. 591-597.

[26-А]. Раджабов, Н.Ф. Усули тахвили ҷумлаҳои шахсии номуайяни забони тоҷикӣ ба забони олмонӣ / Н.Ф. Раджабов // Материалы республиканской научно-теоретической конференции на тему: «Актуальные проблемы филологии, перевода и методики преподавания русского и английского языков в образовательных учреждениях». – Бохтар 2023. – С. 192-197.

[27-А]. Раджабов, Н.Ф. Формирование и развитие научных подход к изучению номинативных предложений в немецком и таджикском языках / Н.Ф. Раджабов // Материалы международной научно-теоретической конференции на тему: «Актуальные проблемы сравнительного языкознания, переводоведения и межкультурной коммуникации в современном периоде» в рамках реализации «Государственной программы совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в республике Таджикистан на период до 2030 года». – Куляб, 2025. – С. 252-257.

**ВАЗОРАТИ МАОРИФ ВА ИЛМИ ҶУМҲУРИИ
ТОҶИКИСТОН МУАССИСАИ ДАВЛАТИИ ТАЪЛИМИИ
«ДОНИШГОҲИ ДАВЛАТИИ БОХТАР БА НОМИ
НОСИРИ ХУСРАВ»**

Бо ҳуқуқи дастнавис

ВБД 809.155.0+803.0 (81.2 Тоҷ+81.2 Немис.)

P-15

РАҶАБЗОДА НЕЪМАТУЛЛО ФАЙЗАЛӢ

**НАВЪҲОИ ФУНКЦИОНАЛӢ ВА СЕМАНТИКИИ
ҶУМЛАҲОИ ЯКТАРКИБА ДАР ЗАБОНҲОИ ТОҶИКӢ
ВА ОЛМОНӢ**

АВТОРЕФЕРАТИ

диссертатсия барои дарёфти дараҷаи илмии доктори илмҳои
филологӣ аз рӯи ихтисоси 6.2.14. Забоншиносии типологӣ ва
муқобилавӣ

БОХТАР – 2026

Диссертатсия дар кафедраи назария ва типологияи забони англисӣ, факултети забонҳои хориҷии Донишгоҳи давлатии Бохтар ба номи Носири Хусрав ба анҷом расонида шудааст.

Роҳбари илмӣ: **Раҳмон Наргис Шариф** – доктори илмҳои филологӣ, профессори кафедраи забонҳои хориҷии Академияи идоракунии давлатии назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон

Муқарризони расмӣ: **Собирова Санобар Ғаниевна** – доктори илмҳои филологӣ, дотсент, мудири кафедраи забоншиносии Филиали Донишгоҳи давлатии Москва ба номи М.В. Ломоносов дар шаҳри Душанбе

Нозимов Абдулҳамид Абдуалимович – доктори илмҳои филологӣ, профессор, муовини директори Филиали Муассисаи федералии давлатии таълимии таҳсилоти олии автономии «Донишгоҳи миллии тадқиқотиҳои технологияи МИСИС» дар шаҳри Душанбе;

Муҳиддинова Таҳмина Ҳамроқуловна – доктори илмҳои филологӣ, дотсенти кафедраи умумидонишгоҳии забони англисӣ, Донишгоҳи миллии Тоҷикистон.

Муассисаи пешбар: Донишгоҳи давлатии Хоруғ ба номи Моёншо Назаршоев

Ҳимояи диссертатсия санаи 31-уми октябри соли 2026 соати 9:00 дар шурои диссертатсионии 6D.KOA-117 назди Донишгоҳи байналмилалӣ забонҳои хориҷии Тоҷикистон ба номи Сотим Улуғзода (нишонӣ: 734019, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, кӯчаи Муҳаммадиев 17/6, e-mail: shtddm@gmail.com; тел.: (+992) 882891717) баргузор мегардад.

Бо мазмуну мухтавои диссертатсия ва автореферати он дар китобхонаи илмӣ Донишгоҳи байналмилалӣ забонҳои Тоҷикистон ба номи Сотим Улуғзода ва тавассути сомонаи www.dbz.tj шинос шудан мумкин аст.

Автореферат санаи «__» _____ соли 2026 фиристода шуд.

Котиби илмӣ шурои диссертатсионӣ, доктори илмҳои филологӣ, дотсент

Соҳибназарзода Ҳ.Т.

МУҚАДДИМА

Диссертатсия ба омӯзиши намудҳои функционалӣ ва семантикии ҷумлаҳои яктаркиба дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ ва хусусиятҳои тарҷумаи онҳо бахшида шудааст.

Мубрамии мавзӯи таҳқиқ. Ҷумла муҳимтарин унсури синтаксис ба ҳисоб меравад. Дар дохили ҷумла ҳамчун сохтор, воҳидҳои забонии ҳама сатҳҳо бо ҳам мепайванданд ва муттаҳид мешаванд. Дар назарияи муосири синтаксис таълими парадигма (қолаб)-и ҷумла муҳим ба ҳисоб меравад. Дар асоси концепсияи парадигмаи ҷумла муайян кардани нақшаи сохтории ҷумлаи сода амалӣ мегардад. Ҳар як чунин нақша дар худ мундариҷаи грамматикӣ ва семантикиро муттаҳид мекунад. Таъсири мутақобилаи ҷузъҳои грамматикӣ ва семантикӣ дар ҷумла ба мақсадҳои мушаххаси иртиботие хизмат мекунанд, ки дар амалия тавассути ҷузъбандии воқеии он ифода меёбанд.

Масъалаи ҷумла мураккабтарин муаммо дар омӯзиши синтаксис ба ҳисоб меравад. Сарфи назар аз он ки ҷумла воҳиди асосии синтаксис ва мавриди таҳқиқоти зиёд мебошад, ҳанӯз ҳам ҷумла таърифи мушаххасе надорад. Таърифҳои зиёди ҷумла ҳамчун истилоҳ кӯшиши тавсифи хусусияти гуногунҷанбавии онро мефаҳмонанд.

Дар забоншиносӣ нисбати ҷумла як қатор таърифҳои ба якдигар тазод мавҷуданд. Новобаста аз он ки дар аксари таърифҳо ҷумла ҳамчун воҳиди нутқе, ки фикри тамомшударо мефаҳмонад, доништа мешавад, ин андеша дар забоншиносии муосир баҳсбарангез аст, зеро мафҳуми «фикри тамомшуда» аз нигоҳи мантикӣ ва равоӣ хеле нисбӣ мебошад.

Ҳамин тариқ, ҳатто дар таърифҳои асосии ҷумла низ метавон муҳолифатҳоро мушоҳида намуд. Масъалаи муайян кардани ҷумлаи яктаркибаи сода низ он қадар одӣ нест. Дар забоншиносии классикӣ ҷумлаҳои яктаркиба ҳамчун қолабҳои синтаксисие баррасӣ мешаванд, ки асоси грамматикии онҳо аз як аъзои асосӣ - мубтадо ё хабар иборат мебошанд. Дар забоншиносӣ дар бораи моҳияти ҷумлаи яктаркиба назарияҳои

зиёде мавҷуданд, ки зарурати идома додани омӯзиши ин бахши забонро дар сатҳи наву амиқтар тақозо мекунанд.

Қайд кардан ҷоиз аст, ки омӯзиши муқоисавии синтаксис имрӯз низ дорои муаммоҳои зиёд мебошад. Таҳқиқоти типологии забонҳо бояд бо омӯзиши хусусиятҳо маҳдуд нашавад ва он вижагиҳоеро ба назар гирад, ки метавонанд гурӯҳҳои типологиро ташкил дода, асоси таҳқиқоти оянда бошанд.

Сарфи назар аз он ки омӯзиши муқоисавии ҷумлаҳои русӣ ва тоҷикӣ идома дорад, муқоисаи ҷумлаҳои тоҷикӣ бо ҷумлаҳои забонҳои дигар хеле суст ҷараён дорад ва таҳлили пурраи муқоисавии нахвии забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ, дар айни замон, гузаронида нашудааст, ки ин аҳамият ва мубрамии ин таҳқиқотро асоснок менамояд.

Мубрамии ин мавзӯ, инчунин, аз фарқиятҳои амиқи типологӣ дар роҳҳои ифодаи бесубъектӣ дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ муайян карда мешавад. Агар барои забони тоҷикӣ бо сохтори таҳлилӣ истифодаи озои сохторҳои бесубъект хос бошад, дар забони олмонӣ ба тавсифи ҷиддии грамматикӣ мубтадо ва хабар таваҷҷуҳ мешавад.

Зарурати таҳқиқот боз аз он ҷиҳат асоснок карда мешавад, ки тибқи талаботи грамматикаи забони олмонӣ мавқеи ҳатмии мубтадо (аз ҷумла нишондиҳандаҳои расмӣ ба монанди *es ё man*) бо сохтори ҷумлаҳои яктаркибаи тоҷикӣ муҳолифат мекунад. Таҳлили муқоисавии он шароите, ки дар он муодилии функционалӣ-семантикӣ тарҷума ва муоширати байнизабонӣ ҳифз мешавад, ҳанӯз тавсифи мукамал надошта, интиҳоби баррасии ин мавзӯро муайян мекунад.

Мубрамии ин таҳқиқ, инчунин, дар омӯзиши муфассали ҷумлаҳои яктаркиба ва ҷанбаҳои грамматикӣ функционалии онҳо дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ ифода меёбад.

Ҳадафи таҳқиқ муайян кардани хусусиятҳои сохторӣ-семантикӣ ва синтаксисӣ-морфологӣ ҷумлаҳои яктаркиба мебошад, ки дар ҳарду забон то ҳол ба қадри кофӣ омӯхта нашудаанд. Дар доираи диссертатсия таҳлили пайдарҳами

ҷумлаҳои яктаркиба бо назардошти вазифаҳои грамматикӣ ва хусусияти тарҷумавии онҳо гузаронида мешавад. Дар он ,аз ҷумла, нақши ҷумлаҳои яктаркиба дар таъмини якпорчагии коммуникативӣ ва мувофиқати нутқ низ муайян мегардад.

Далелҳои зикргардида ҳамчун асоси интихоби мавзӯи диссертатсия бо номи «Навҳои функционалӣ ва семантикии ҷумлаҳои яктаркиба дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ» хизмат кардаанд.

Омӯзиши навҳои функционалӣ ва семантикии ҷумлаҳои яктаркибаи забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ ба мақсад мувофиқ мебошад, зеро дарки ҳуби хусусиятҳои семантикӣ ва функционалиҳои онҳо ба истифодаи дурусти онҳо дар ҷумлаҳо ва тарҷумайи комил мусоидат мекунад. Аз ин рӯ, таҳқиқи ин нави ҷумлаҳо муҳим буда, омӯзиши онҳо аҳамияти махсуси илмӣ, назариявӣ ва амалӣ дорад.

Дарачаи таҳқиқи мавзӯи илмӣ. Масъалаи ҷумлаҳои яктаркиба дар як қатор корҳои диссертатсионӣ ва дастурҳои таълимӣ мавриди омӯзиш ва баррасӣ қарор дода шудааст. Аксари ин корҳо ба давраи шуравӣ рост меоянд. В.В. Бабайтсева [2], У.М. Галкина-Федорук [8], Б. Камолиддинов [15], М.Н. Қосимова [18], Б.Н. Ниёзмӯҳаммадов [22], М. Норматов [25], Э.Н. Осипова [28], И.П. Ш. Рашидов [32], К.А. Тимофеев [40] ва дигарон, аммо як қатор таҳқиқот дар илми муосир ба омӯзиши ҷумлаҳои яктаркиба дар забонҳои гуногун бахшида шудаанд Ю.Т. Долин [12], П.А. Лекант [20], М. Р. Назарова [21], С.А. Никифорова [24], Р.Д. Салимов [36], ва дигарон.

Дар омӯзиши ҷумлаҳои яктаркибаи тоҷикӣ Р.Д. Салимов дар қатори илмӣ худ дар солҳои 2002- 2010 доир ба пажӯҳиши муқоисавии ҷумлаҳои яктаркибаи тоҷикӣ ва русӣ саҳми назаррас дорад. Муҳаққиқ дар диссертатсияи худ типологияи ҳамаҷонибаи ҷумлаҳои яктаркибаро коркард намуда, усулҳои имконпазири тарҷумайи чунин таркибҳоро аз як забон ба забони дигар пешниҳод кардааст [36]. Дар таҳқиқи мо ин таснифот ба асос гирифта шуда, барои таҳияи

типологияи монанд дар таҳлили муқоисавии ҷумлаҳои яктаркиба дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ мавриди истифода қарор дода шудааст.

Мавриди таъкид аст, ки таҳқиқоти ҷумлаҳои яктаркибаи забони тоҷикӣ, ки дар солҳои охир анҷом ёфтаанд, инчунин омӯзиши муқоисавӣ дар доираи ин мавзӯ барои таҳқиқи мо муҳим мебошад. Масалан, М.Р. Назарова дар кори хеш навиҳои гуногуни ҷумлаҳои яктаркибаи забонҳои тоҷикӣ ва англисиро мавриди таҳқиқ қарор додааст. Таснифоте, ки аз ҷониби муҳаққиқ таҳия шудааст, ду гурӯҳи асосии ҷумлаҳои яктаркибаро муайян мекунад: номӣ ва феълӣ. Ин ду гурӯҳи калон боз ба зергурӯҳҳои хурдтар ҷудо карда шудаанд [21].

Кори диссертатсионии Х. Т. Соҳибназарова таҳти унвони “Хусусиятҳои грамматикӣ ва функционалии хабар дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ”, ки дар он диққати асосӣ ба нақши хабар дар ташаккули ҷумлаҳои содаи дутаркиба дар забони тоҷикӣ ва хабари забони англисӣ нигаронида шудааст, мавзӯи мавриди омӯзишро фаро мегирад [38].

Таҳқиқоти М.А. Суфибекова, ки дар он таркибҳои ғайришахсиро дар мисоли забонҳои тоҷикӣ ва русӣ омӯхтааст, ҷолиб мебошад. Аммо ин масъала дар корҳои Р.Д. Салимов ба таври муфассал баррасӣ шудааст. М.А. Суфибекова дар таҳқиқи худ шуури миллиро ҳамчун омиле таъсиррасон ба паҳншавии чунин таркибҳои ғайришахсӣ муҳим донистааст [39].

Мавзӯи мазкур, инчунин, бо “Барномаи давлатии тақмили таълим ва омӯзиши забонҳои русӣ ва англисӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои давраи то соли 2030” ва лоиҳаи бучетии “Мушкилоти “тарҷуманоназирӣ” дар шароити густариши равобити байналмилалӣ Тоҷикистони муосир (солҳои 2024-2027)” вобастагӣ дорад.

Бо назардошти омилҳои дар боло зикршуда, ҳалли масъала моро ба зарурати таҳияи типологияи ҷумлаҳои яктаркибаи тоҷикӣ ва олмонӣ, инчунин омӯхтани имконияти

интиқоли чунин таркибҳои синтаксисиро аз як забон ба забони дигар водор мекунад.

Робитаи таҳқиқот бо барномаҳо (лоиҳаҳо) ва мавзӯҳои илмӣ. Диссертатсияи мазкур қисми асосии робитаи кори илмиро ба стратегияҳои давлатӣ ва самтҳои афзалиятноки рушди илм, аз ҷумла, бо Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи забони давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон” (05.10.2009, № 553), “Барномаи рушди забони давлатӣ барои солҳои 2020-2030” (аз 28.11.2020, №647), “Барномаи рушди забони давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон барои солҳои 2012-2016” (аз 30.06.2012, 335), Қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи Қоидаҳои имлои забони тоҷикӣ ва Аломатҳои китобати забони тоҷикӣ” (аз 30.06.2021, №268) нишон дода, бо мавзӯҳои кафедраи назария ва типологияи забони англисии Донишгоҳи давлатии Бохтар ба номи Носири Хусрав робитаи ногусастанӣ дорад. Фаслу зерфаслҳои диссертатсияи мазкур он дар чорабиниҳои илмӣ тахассусӣ хонда мешаванд.

ТАВСИФИ УМУМИИ ТАҲҚИҚОТ

Дар тавсифи умумии таҳқиқ оид ба ҷанбаҳои асосии таҳқиқ суҳан рафта, мақсаду вазифагузориҳои таҳқиқ бо фарогирии бандҳои мушххаси илми, муайян намудани объекти таҳқиқ, асосҳои назариявии таҳқиқ дар марҳилаҳои гуногун, робитаҳои таҳқиқ бо мавзӯ ва натиҷаҳои илмӣ, ҳулосаҳо ва натиҷаҳои мушаххасу муътамади илмӣ диссертант, ки дар фаъолияти илмӣ ба даст омадаанд, мавриди баррасии амиқу дақиқ қарор дода шудаанд. Нуктаҳои ба ҳимоя пешниҳодшаванда, ки аз ҷониби муаллиф пехниҳод шудаанд, ҳулосаҳои мушаххас ва махсуси илмиро дар бар гирифта, комилан нав ба ҳимоя манзур гардидаанд. Аҳамияти назариявӣ амалӣ, дараҷаи эътимоднокии натиҷаҳои диссертатсия, мутобикати диссертатсия бо шиносномаи ихтисоси илмӣ, саҳми шахсии докталаби дараҷаи илмӣ, тасвиб ва амалисозии марҳилаҳои муҳими раванди таҳқиқот,

интишорот аз рӯи мавзуи диссертатсия, сохтор ва ҳаҷми он муфассал пешниҳод гардида, яке аз масъалаҳои муҳимми диссертатсияро ташкил медиҳанд, ки ба таври муназзам мавриди қорбарӣ қарор гирифтааст.

Мақсади таҳқиқ – таҳлили васеи ҷумлаҳои яктаркиба аз нигоҳи тарҷумаи муқоисавӣ дар мисоли матнҳои адабии тоҷикӣ ва олмонӣ мебошад. Дар раванди таҳқиқ ҷумлаҳои яктаркибаи интиҳобкардаи муаллиф аз нуқтаи назари сохтор, семантика, тарзи истифода ва хусусиятҳои функционалӣ дар системаи матнҳои бадеӣ мавриди баррасӣ қарор дода шудаанд.

Вазифаҳои таҳқиқ. Амалӣ намудани ин мақсад ҳалли **вазифаҳои** зеринро талаб мекунад:

- ҷамъоварӣ, таҳлил ва омӯзиши маводи назариявӣ оид ба синтаксиси (наҳви) ду забон;

- баррасии таснифоти ҷумлаҳои яктаркиба дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ;

- муайян кардани принципҳои ташаккули таснифоти сохти яктаркибаи ҷумлаҳо дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ;

- муайян кардани асосҳои назариявии мавқеи аъзоҳои асосии ҷумла дар ҷумлаҳои яктаркибаи забонҳои муқоисашаванда;

- муайян кардани гурӯҳҳои асосии сохторӣ ва семантикии ҷумлаҳои яктаркиба дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ;

- омӯзиши зергурӯҳҳои сохти яктаркибаи ҷумлаҳо дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ, ки ба гурӯҳҳои асосии типологӣ шомиланд;

- муайян кардани монандӣ ва тафовути навъҳои сохторӣ ва семантикии ҷумлаҳои яктаркиба дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ;

- таҳлили усулҳо ва воситаҳои тарҷумаи ҷумлаҳои яктаркибаи тоҷикӣ ба олмонӣ ва ҷумлаҳои яктаркибаи олмонӣ ба забони тоҷикӣ;

- муайян кардани бунёди ҷумлаҳои яктаркибаи тоҷикӣ

дар мисоли матнҳои адабии тоҷикӣ ва тарҷумаи онҳо ба забони олмонӣ.

Объекти таҳқиқ – ҷумлаҳои яктаркибаи забонҳои муносири тоҷикӣ ва олмонӣ ҳамчун воҳидҳои синтаксисӣ, ки дар намудҳои гуногуни нутқ амал карда, хусусиятҳои функционалӣ ва маъноии ин забонҳоро инъикос менамояд.

Мавзӯи таҳқиқ – тарзу воситаҳои ташаккул ва ифодаи фикр дар ҷумлаҳои яктаркибаи тоҷикӣ ва олмонӣ ва интиқоли ин таркибҳо аз як забон ба забони дигар.

Дар рафти таҳқиқи диссертатсионӣ якҷанд фарзие пешниҳод гардид, ки онҳо метавонанд соҳаи таҳқиқи синтаксис (наҳв)-и забонҳои тоҷикӣ ва олмониро фарохтар намоянд:

- ҳам дар забонҳои тоҷикӣ ва ҳам дар забони олмонӣ, хусусияти асосии ҷумлаи яктаркиба ифодаи луғавии танҳо як аъзои асосии ҷумла аст, дар ҳоле ки дар сатҳи семантикӣ ва матнӣ аъзои дуҷуми асосӣ низ пайдо шуда метавонад.

- дар забони олмонӣ гурӯҳҳои муайяни ҷумлаҳои яктаркиба мавҷуданд, ки аз ҷиҳати семантикӣ ва грамматикӣ яктаркиба мебошанд, аммо дар сатҳи сохторӣ дар онҳо хусусиятҳои хоси ҷумлаи дутаркибаро мушоҳида кардан мумкин аст.

- анвои зерини сохторӣ-семантикии ҷумлаҳои яктаркибаро фарқ кардан мумкин аст: ҷумлаҳои яктаркибаи муайяншаҳс, номуайяншаҳс, умумишаҳс, бешаҳс ва унвонӣ, дар ҳоле ки хусусиятҳои ин ҷумлаҳо дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ метавонанд тафовут дошта бошанд.

- тарҷума ва ё интиқоли як нави ҷумлаи яктаркиба аз забони тоҷикӣ ба забони олмонӣ ва ё баръакс метавонад боиси иваз шудани сохт ва таркиби ҷумла гардад.

Асосҳои назариявии таҳқиқи диссертатсионии пажӯҳишро дар соҳаи синтаксиси умумӣ (Н.Ю. Шведова, В.В. Бабайтсева, П.А. Лекант, Ю.Т. Долин, В.А. Белошапкова, Н.Д. Арутюнова, А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, Г.А.

Золотова, Н.С. Валгина, А.А. Шахматов, Л.С. Бархударов, Е.М. Галкина-Федорук, М.Н. Петерсон, И.П. Распопов, Т.П. Ломтев, О.И. Москальская, П.В. Чесноков, А.Ф. Калинин, Э.Н. Алсуфева, О.Ю. Мокроусова, М.Я. Димарский, Н.Н. Арват, Э.Н. Осипова, Т.П. Дручинина, Н.К. Онипенко, А.С. Казакова, Е.Н. Киселева ва диг.), синтаксиси ҷумлаҳои яктаркибаи забони олмонӣ (В.Г. Адмони, Л.Г. Кораблева, О.В. Якушева, С.А. Никифорова, С.Н. Шрайбер, К.В. Гавриленкова, Д.В. Худякова, М.Ф. Косилова, И.П. Сусов, Е.В. Шенделс, Е.И. Гулига, И.А. Шипова, А.П. Комаров, О.А. Сметанина, С.А. Суркова ва диг.), синтаксиси ҷумлаҳои яктаркибаи забони тоҷикӣ (М.Н. Қосимова, Р. Ғаффоров, М.Ф. Исматуллоев, Б. Камолиддинов, Б. Ниёзмухаммадов, М. Норматов, Ш. Рашидов, Д.Т. Тоҷиев, А. Эшонҷонов, С. Сабирҷонов, К. Юнусов, А. Кӯлобиев, А.Халилов, С.Шербоев ва диг.), инчунин соҳаи компаративистика, яъне ҷанбаи омӯзиши муқоисавии ҷумлаҳои яктаркибаро (Р.Д. Салимов, М.С. Ибрагимова, О.В. Гофман, В.И. Борковский, В.Г. Гак, К.Г. Крушелнитская, М.Р. Назарова, Г.Л. Соколова, А.Л. Коляго, М.А. Суфибекова. Л.В. Успенская ва диг.) фаро мегирад.

Навгониҳои илмӣ кори диссертатсионӣ аз он иборат аст, ки:

- аввалин маротиба кӯшиши муқоисаи хусусиятҳои сохторӣ-семантикӣ ва функционалии ҷумлаҳои яктаркибаи забони тоҷикӣ ва забони олмонӣ мушоҳида мешавад;

- дар диссертатсия ба таври амиқ ва ҳамаҷониба типологияи ҷумлаҳои яктаркибаи тоҷикӣ ва олмонӣ омӯхта шудааст;

- вижагӣ ва роҳҳои тарҷумаи онҳо аз як забон ба забони дигар ва баръакс баррасӣ шудааст.

Нуқтаҳои ба ҳимоя пешниҳодшаванда:

1. Таҳлили муқоисавӣ ба таври возеҳ мавҷудияти ҷумлаҳои яктаркибаи мустақилро дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ исбот намудааст. Гуногунии сохтори ин намунаҳо ба забоншиносон имкон медиҳад, ки барои ҳарду забон

таснифоти дақиқ ва низоми чунин ҷумлаҳоро таҳия намоянд.

2. Таҳқиқи сохтори наҳвӣ вобастагии мустақими ҷумлаҳои яктаркибаро аз сохтори грамматикӣ забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ муайян кардааст. Ҳамзамон, нақши муҳими маъно, матн, услуб, оҳанг ва хусусиятҳои коммуникативӣ иттилоотӣ нутқ дар ташаккули сохторҳо низ исбот гардидааст.

3. Муқоисаи намунаҳои забонӣ нишон дод, ки дар ҳар як наҳви ҷумлаҳои яктаркиба дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ хусусиятҳои сохторӣ матн ва услубӣ ба худ хос дошта мустақилияти комили синтаксисӣ худро нигоҳ медорад

4. Таҷрибаи тарҷума собит намуд, ки ҳангоми интиқоли ҷумлаҳои яктаркиба байни забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ тағйироти амиқи синтаксисӣ ҳатмӣ аст. Ин раванд аксаран боиси дигаргун шудани сохтори ҷумла мегардад. Ҷумлаҳои яктаркиба метавонанд ба дутаркиба табдил ёбанд ва ҷумлаҳои сода дар ҳолати зарури ба ҷумлаҳои мураккаб мубаддал гарданд.

5. Таҳқиқи синтаксисӣ муқоисавӣ нобаробарии бунёди ду низоми забониро ошкор намуд. Пасвандҳои шахсии дорои иттилооти баланди феълии тоҷикӣ ҷумлаҳои муайяншахсиро ба сохторҳои комилан мукамал табдил дода, зарурати истифодаи ҷонишинҳои шахсиро аз байн мебаранд. Баръакс, таҳлили амиқи сохтори феълии забони олмонӣ ва кам гардидани шаклҳои тасрифии он боис мегардад, ки чунин сохторҳо ҳамеша ба ҷумлаҳои дутаркиба бо истифодаи ҳатмӣ мубтадои ифодашуда тавассути ҷонишин табдил дода шавад.

6. Дар ҷараёни таҳлили муқоисавӣ забоншиносӣ қонуниятҳои устувори гузариши ҷумлаҳои номуайяншахсӣ забони тоҷикӣ ва сохторҳои ғайрифаволи забони олмонӣ муайян гардид. Ин раванд аз фарқияти асосӣ стратегияҳои коммуникативӣ ду забон бар меояд. Синтаксисӣ забони олмонӣ ба нуқтаи назари объектӣ бартарӣ медиҳад, дар ҳоле, ки забони тоҷикӣ бештар нигоҳ доштани сохтори фаволи ҷумла ва диққат додан ба доираи номуайяни иҷрокунандаи

амалро афзал медонад.

7. Дар раванди таҳқиқоти муқоисавии синтаксис хусусияти монандии қоидаҳои муқоисашаванда муайян гардид. Истифодаи шаклҳои тасрифии шахси дуҷуми танҳо барои ифодаи маънои умумӣ хусусияти доимии маъмулии забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ мебошад. Дар аини замон, фарқияти ин гуна ҷумлаҳои умумишахсӣ аз мақоми хоси вазифавию услубии онҳо ва тарзи гуногуни истифодаашон дар гуфтугӯ вобаста аст.

8. Дар чараёни таҳлили муқоисавӣ чунин фарқияти бунёдии типологӣ тасдиқ гардид: синтаксиси забони тоҷикӣ бешахсро дар сатҳи морфологӣ тавассути пурра аз байн бурдан субъекти грамматикӣ ифода намуда, сохтори классикии ҷумлаҳои яктаркибаро ба вучуд меорад. Баръакс, дар забони олмонӣ маънои бешахсӣ танҳо дар сатҳи синтаксисӣ воситаи мавқеи ҳатмии шаклии “es” ифода мешавад, ки сохтори ҷумларо ба сохти дутаркибаи грамматикӣ табдил медиҳад. Ин хусусият ҳамчун аломати доимӣ ва фарқкунандаи сохтори синтаксисии забони олмонӣ баромад мекунад.

Аҳаммияти назариявӣ ва амалии таҳқиқ дар он аст, ки натиҷаҳои он имкон медиҳанд, ки: а) мушкilotи хусусияти таснифоти ҷумлаҳои яктаркиба дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ ҳал карда шавад; б) монандӣ ва тафовути асосӣ ва густурдаи ҷумлаҳои яктаркиба дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ дар сатҳи сохторӣ-семантикӣ муайян карда шаванд; в) дар рушди забоншиносии муқоисавӣ, инчунин дар омӯзиши эроншиносӣ ва забонҳои германӣ саҳм гузошта шавад.

Аҳаммияти амалии таҳқиқ дар он аст, ки маводи онро дар омӯзиши синтаксиси тоҷикӣ ва олмонӣ, барои тартиб додани китобҳои дарсӣ оид ба грамматикаи тоҷикӣ ва олмонӣ, дар таҳияи барномаҳои таълимӣ ва интиҳобӣ оид ба забоншиносии муқоисавӣ, дар семинарҳо, курсҳои махсус ва дарсҳои амалӣ барои донишҷӯёни донишгоҳҳои, ки забонҳои тоҷикӣ ва олмониро меомӯзанд, истифода бурдан мумкин аст.

Дарачаи эътимоднокии натиҷаҳои таҳқиқ бар асоси методологияи илмӣ возеҳ муайяншуда; доираи васеи манбаҳои иттилоотӣ фалсафӣ, забонӣ ва лингвофарҳангӣ; омӯзиши амиқи истилоҳоти асосии сохтори илмӣ; истифодаи ҳамаҷонибаи он тибқи методологияи таҳқиқ доир ба ҳадафҳо, объект ва мавзӯи таҳқиқ ва омӯзиши назариявии ҳамоҳангшуда ва таҳлили амалии маҷмуи кор ба даст омадааст. Ҳамаи ин фаъолияти зикргардида имкон медиҳад, ки натиҷаҳои бадастомада дар самти назариявӣ ва амалии муассисаҳои таълимии Ҷумҳурии Тоҷикистон барои тайёр кардани забоншиносон ва тарҷумонҳои оянда истифода шаванд.

Мутобиқати диссертатсия бо шиносномаи ихтисоси илмӣ. Доираи таҳқиқи ин диссертатсия ба нуктаҳои шиносномаи ихтисоси 6.2.14 - Забоншиносии типологӣ ва муқоисавӣ мувофиқат мекунад.

2.1. Омӯзиши хосиятҳои функционалӣ ва сохтори забонҳо, новобаста аз намуди робитаи генетикии байни онҳо;

3.1. Омӯзиш ва тавсифи забон тавассути муқоисаи систематикӣ он бо забон/забонҳои дигар барои муайян кардани хусусиятҳои фарқкунандаи он;

5.1. Кашфи шабоҳат ва тафовути байни забонҳо (сохтори забонӣ) дар асоси хосиятҳои умумӣ ва муҳимтарини забон, новобаста аз робитаи генетикии забонҳои мавриди таҳқиқ.

Саҳми шахсии доктараи дараҷаи илмӣ дар таҳқиқ аз иштироки ӯ дар ба даст овардани натиҷаҳои таҳқиқ тавассути таҳлили манбаҳои зарурӣ ва дастрас кардани маълумот дар соҳаи нав; дар таҳияи равишҳои назариявӣ ва усулҳои илмиву амалӣ барои ноил гардидан ба мақсади таҳқиқ; дар ҷамъоварӣ ва таҳлили маҷмуи мисолҳои ҷумлаҳои яктаркиба бо забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ иборат мебошад.

Тасвир ва амалисозии натиҷаҳои диссертатсия. Диссертатсия дар кафедраи назария ва типологияи муқоисавии забони англисии факултети забонҳои хориҷии Донишгоҳи давлатии Бохтар ба номи Носири Хусрав омода карда шуда,

мазмун ва муҳтавои он дар шакли гузориш ва мақолаҳо дар конференсияҳои илмӣ-амалии байналмилалӣ, ҷумҳуриявӣ ва дохилидонишгоҳӣ ба монанди: Конференсияи илмӣ амалии байналмилалӣ бо номи “Таҳқиқи масъалаҳои назариявӣ ва амалии типологияи муқоисавии забонҳо, забоншиносии тоҷик ва методҳои муосири таълими забонҳои хориҷӣ”. – Душанбе: МДМТ, 2023; конференсияи ҷумҳуриявии илмӣ назариявӣ дар мавзӯи “Масъалаҳои мубрами филология, тарҷума ва методикаи таълими забонҳои русӣ ва англисӣ дар муассисаҳои таълимӣ” – Бохтар, 2023; конференсияи илмӣ назариявӣ бо номи “Масъалаҳои мубрами забоншиносии муқоисавӣ, тарҷумашиносӣ, ва алоқаҳои байнифарҳангӣ дар давраи муосир дар доираи татбиқи «Барномаи давлатии таълими таълим ва омӯзиши забонҳои русӣ ва англисӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои то давари соли 2030”. – Кӯлоб, 2025 ва амсоли ин ироа гардидааст.

Натиҷаҳои таҳқиқи диссертатсионӣ дар шакли монография, мақола ва маводи илмӣ-методӣ нашр шудаанд ва дар семинарҳои таълимӣ-методии ҳайати профессорон ва устодон, чаласаҳои кафедраи методикаи таълими забонҳои хориҷии Донишгоҳи давлатии Бохтар ба номи Носир Хусрав ва дигар донишгоҳҳо муҳокима карда шудаанд.

Интишорот аз рӯйи мавзӯи диссертатсия. Натиҷаҳои таҳқиқ дар 25 интишороти муаллиф: ду монография, 20 мақола дар маҷаллаҳои тақризшавандаи Комиссияи олии аттестатсионии назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ва панҷ мақола дар конференсияҳои байналмилалӣ ва ҷумҳуриявӣ ба нашр расонида шудаанд.

Соҳтор ва ҳаҷми диссертатсия. Кори диссертатсионӣ аз шаш боб, 24 зербоб, хулоса ва рӯйхати адабиёти истифодашуда иборат мебошад. Диссертатсия аз 343 саҳифаи чопи компютерӣ иборат мебошад.

ҚИСМҲОИ АСОСИИ ТАҲҚИҚОТ

Муқаддимаи таҳқиқи диссертатсионӣ баррасии ҳамаҷонибаи сохтори илмии диссертатсия буда, аз ҷиҳати илмӣ ва методологӣ асоснок карда шудааст.

Боби якуми диссертатсия **“Пойгоҳи назариявии ҷумлаҳои яктаркибаи забони тоҷикӣ ва олмонӣ”** ном дошта, аз чор фасл иборат мебошад.

Фасли якуми боби якум **“Масъалаи ҷумлаҳои яктаркиба дар забони тоҷикӣ”** унвон дорад. Дар ин фасл масъалаи ҷумлаҳои яктаркибаи забони тоҷикӣ мавриди баррасӣ қарор дода шудааст.

Дар ташаккули назарияи тоҷикии ҷумлаҳои яктаркиба саҳми махсус ба Б.Н. Ниёзмӯҳаммадов тааллуқ дорад. Таҳқиқи ӯ асосҳои тавсифи низоммандии ҷумлаи содара гузошта, бори аввал мавҷудияти ду навъи асосии сохторӣ: ҷумлаҳои дутаркиба ва яктаркибаро аз ҷиҳати илмӣ асоснок намуд.

Профессор М.Н. Қосимова низ дар таҳқиқи ин масъала саҳми назаррас гузошта аст. Ӯ ҳангоми омӯзиши синтаксиси ёдгориҳои хаттии қадимаи тоҷикӣ исбот намуд, ки ҷумлаҳои яктаркиба падидаи таърихан устувори забони тоҷикӣ мебошанд.

Дар омӯзиши ҷумлаҳои яктаркиба таҳқиқоти М. Норматов таҳти унвони “Тартиби калимаҳо дар забони адабии муосири тоҷик” низ мавқеи муҳим дорад. Дар ин асар масъалаҳои фаъолияти ин гуна сохторҳо дар забони адабии муосири тоҷик муфасссал баррасӣ гардида, ба паҳншавии онҳо дар сабқҳои гуногуни нутқ диққати махсус дода шудааст.

Тавсифи мукамалтарини низоми ҷумлаҳои яктаркибаи забони адабии муосири тоҷик дар рисолаи илмӣ Ш. Рашидов таҳти унвони “Ҷумлаҳои содаи яктаркиба дар забони адабии муосири тоҷик” пешниҳод шудааст [32, с. 32].

Дар забоншиносии асри XIX ва аввали асри XX ҷумлаҳои яктаркиба татбиқи нопурраи ҷумлаҳои “классикӣ” бо ду аъзои асосӣ ҳисобида мешуданд. Ин фаҳмиш аз тафсири моҳияти ҷумла бармеомад. Ф.И. Буслаев ва

пайравони ӯ аз нигоҳи мантиқи забонӣ чумларо ҳамчун андешае, ки бо калимаҳо ифода ёфтааст, меҳисобиданд. Дар айни замон мубтадо ҳамчун “предмете, ки мо дар бораи он қазоват мекунем, муайян карда мешуд. Он чизе, ки мо дар бораи предмет фикр мекунем ё қазоват мекунем, хабар номида мешавад” [6, с. 258].

Назарияи таснифи типологии чумлаҳои яктаркиба пеш аз ҳама ба корҳои А. А. Шахматов ва В. И. Борковский алоқаманд мебошад.

А.А. Шахматов мегӯяд, ки “омезиши мубтадо ва хабар метавонад дар дохили чумлаи яктаркиба дар як аъзо ифода ёбад” [43, с. 30], баҳс мекунад. Ӯ аъзои асосии чумлаҳои яктаркибаро, ки аз рӯи шакл ба хабари чумлаи дутаркиба мувофиқат мекунад, тавсиф менамояд. Вай ҳамзамон таъкид мекунад, ки “аъзои асосии чумлаҳои бе мубтадо аз рӯи шакл ба хабари чумлаҳои дутаркиба шабоҳат дорад. Аммо, он ҳатман мубтадо нест, ҳамон тавре ки дар чумлаҳои яктаркибаи номӣ дар бораи мубтадо сухан гуфтан мумкин нест” [43, с. 61].

Ҳамин тариқ, асоси назарияи Шахматов дар бораи чумла мафҳуми муоширати равоние мебошад, ки аъзои ҳатмии он субъекти равонӣ ва предикат дар муносибатҳои семантикӣ буда, муҳаққиқ онро пайванди предикативӣ мешуморад.

Фасли дуюми боби якум **“Аъзои асосии чумлаи яктаркиба дар забони адабии ҳозираи тоҷик: таснифи наҳвӣ, масъалаҳо, таърихи таҳқиқот”** ном дошта, дар он хусусиятҳои аъзои асосии чумлаи яктаркиба дар забони адабии ҳозираи тоҷик, нақши наҳвии он ва воситаҳои ифода баррасӣ шудааст. Инчунин масъалаҳои баҳсноки таснифи чумлаҳои яктаркиба ва таърихи омӯзиши онҳо дар забоншиносии тоҷикӣ таҳлил карда мешаванд.

Дар забоншиносии анъанавӣ, ки ба муқаррароти сохторӣ таъяс мекунад, мубтадо муҳимтарин аъзои чумла ҳисобида мешавад. Барои исботи ин андеша далели

мувофикати мубтадо бо хабар дар як қатор нишондиҳандаҳои маъмулӣ оварда мешавад.

Дар забони тоҷикӣ намудҳои гуногуни исмҳо метавонанд ҳамчун мубтадо истифода шаванд, ки онҳоро мувофиқи хусусиятҳои луғавию грамматикӣ, луғавию маъноӣ гурӯҳбандӣ кардан мумкин аст:

“Додарам Ҳамроҳ” [55, с. 149]. “Mein Bruder Hamroh” [51, с.132].

Дар анъанаи грамматикӣ тоҷикӣ, хабар ҳамчун аъзои асосии ҷумла ба мубтадо тобеъ аст. Ин таъриф хеле баҳснок аст, зеро ҳамчун аъзои асосии ҷумла, ҷӣ гуна хабар метавонад ба мубтадо тобеъ бошад, ҳол онки фарқи байни аъзои асосӣ ва дуумдараҷа дар он ифодаи меёбад, ки онҳо аз ҷиҳати грамматикӣ ба ягон аъзои дигари ҷумла тобеъ нестанд. “Баръакс, забоншиносии муосир ба ақидаи пайравӣ мекунад, ки хабар бояд аъзои асосии грамматикӣ ҷумла ҳисобида шавад, дар ҳоле ки мубтадо ба он тобеъ аст” [41, с. 84].

Вобаста ба маъно ва воситаи ифода хабарҳо ба ду гурӯҳ тақсим мешаванд: хабарҳои феълӣ ва хабарҳои номӣ.

Дар забонҳои мавриди таҳқиқ хабарҳои бештар истифода мешаванд, ки маъмулан ба ду гурӯҳ: сода ва таркибӣ ҷудо мешаванд:

Ҳоло нафурухтаам [55, с. 92]. Habe ich noch nicht verkauft [51, с. 81]. Чи шуд? Гуфта пурсид [52, с. 87]. “Also was liegt ver?” [60, с. 91].

Аъзои асосии ҷумлаҳои яккалимагӣ ва яктаркиба мустақиман бо тасвири ҳиссии лаҳзаи ҳозираи воқеият ё ашёи мушаххас алоқаманд мебошад.

Дар натиҷаи ин таносуб таркибе, ки унсури тасвирӣ ва мантиқиро бо ҳам алоқаманд мекунад, ташаккул меёбад. Дар чунин ҳолат предмет тавассути тасвири аёнӣ ва эҳсосии он ҷудо карда мешавад.

Фасли сеюми боби якуми рисола бо номи **“Ҷумлаҳои яктаркиба дар забони адабии ҳозираи тоҷик: таърихи омӯзиш ва консепсияҳои забоншиносӣ”** ба таҳлили омӯзиши

андешаҳои донишмандон ва таснифоти онҳо доир ба рушди ҷумлаҳои яктаркиба дар забони тоҷикӣ бахшида шудааст. Дар қор марҳилаҳои асосии омӯзиши ин категорияи нахвӣ дар системаи забони адабии тоҷик баррасӣ шудааст.

Бо таҳқиқи муқоисавӣ ва типологии нахвӣ, дар маҷмӯъ, муҳаққикони зиёде аз қабилӣ: Р.А. Самадова [36], М.Н. Қосимова [18; 19], С. Собирҷонов [34], Р.Д. Салимов [35; 36], С.А. Иномова [14], С. Кенчаев [17] ва диг. машғул шудаанд.

Аввалин грамматикаи забони тоҷикӣ, ки аз ҷониби Саидризо Ализода таҳия шудааст, танҳо шарҳи мухтасари ҷумлаҳои содаро дар бар мегирад. Мувофиқи ин грамматика, «ҷумлаҳои содаро вобаста ба тарзи ифодаи хабарҳои онҳо ба ҷумлаҳои номӣ ва феълӣ тақсим кардан мумкин аст. Ҷумлаҳои номӣ ҷумлаҳои мебошанд, ки хабари онҳо бо ҳиссаҳои номии нутқ ифода мешавад. Ҷумлаҳои феълӣ ҷумлаҳои мебошанд, ки хабари онҳо бо феъл ифода меёбад. Аъзоҳои ҷумла дар боби “Морфология” баррасӣ гардида, дар он вазифаҳои нахвӣ онҳо муайян карда шудаанд [1].

М.Норматов, ки тартиби калимаро дар ҷумлаҳои сода таҳлил кардааст [26]; С. Собирҷонов, ки ҷумлаҳои саволиро мавриди омӯзиш қарор додааст [34] мушоҳида кардан мумкин аст.

Таснифи ҷумлаҳои яктаркиба дар забони тоҷикӣ ба таснифоти дар забоншиносии умумӣ қабулшуда мувофиқ аст. Таснифи ҷумлаҳои яктаркиба дар забони тоҷикӣ панҷ зергурӯҳи сохторӣ-семантикиро дар бар мегирад: 1) ҷумлаҳои унвонӣ, 2) ҷумлаҳои бешаҳс, 3) номуайяншаҳс (ҷумлаҳои яктаркибаи номуайяншаҳс), 4) ҷумлаҳои муайяншаҳс (ҷумлаҳои яктаркибаи муайяншаҳс). 5) умумӣшаҳс (ҷумлаҳои яктаркибаи умумишаҳс) [36, с. 54].

Дар мавриди таҳқиқи ҷумлаҳои яктаркиба мо таснифоти дар боло зикршударо истифода намудаем.

Фасли чоруми боби якуми рисола **“Аъзои асосии ҷумлаи яктаркиба дар забони адабии ҳозираи олмонӣ: масъалаҳо, таърихи таҳқиқ”** номгузорӣ карда шуда, дар

бораи таснифи наҳвии чумлаи яктаркиба дар забони адабии ҳозираи олмонӣ маълумот медиҳад. Инчунин дар доираи ин фасл муносибатҳои асосӣ нисбат ба таъриф ва таснифи чумлаҳои яктаркиба мавриди таҳлил қарор гирифтааст. Бар замми ин, дар ин фасл ба муайян кардани хусусиятҳои сохтори семантикии аъзои асосии чумла дар чумлаҳои яктаркибаи олмонӣ таваҷҷуҳ шудааст.

Дар забони олмонӣ масъалаи муайян кардани мақоми чумлаи яктаркиба нақши махсус дорад, зеро наҳви анъанавии олмонӣ зарурияти ду ҷузъи асосии чумла: мубтадо ва хабарро муҳим мешуморад, ки вобаста ба самти умумии кори таҳқиқотӣ хусусиятҳои муайяни мантиқӣ, равонӣ ва грамматикӣ доранд.

Бар асоси гуфтаҳои боло, дар синтаксиси олмонӣ чумлаҳои яктаркиба дар баробари сохторҳои нопурра ва эллиптикӣ, ҳамчун дуршавӣ аз қолаби дутаркибаи меъёрӣ шинохта шуда, чун воҳидҳои мустақили наҳвӣ эътироф намегардиданд. Дар назарияҳои илмие, ки ба нақши пешбари шакли тасрифшавандаи феъл нигаронида шудаанд, масъалаи чумлаҳои яктаркиба умуман баррасӣ нашудаанд.

Сабаби дигари кам таваҷҷуҳ зоҳир намудани муҳаққиқон ба чумлаҳои яктаркибаи забони олмонӣ вижагии хоси ин забон дар муқоиса бо забонҳои дигар мебошад. Дар забони олмонӣ будани воситаи грамматикии махсус (ҷонишини *es*), ба таври умумӣ нигоҳ доштани дуъзогиро дар сохторҳои анъанавӣ, ки ба чумлаҳои бешахс нисбат дода мешаванд, имкон медиҳад:

Es gefällt mir nicht [51, с.23]. Аз он хушам наомад [55, с. 23].

К.Ф. Беккер мегӯяд, ки “дар забони олмонӣ чумлаҳои бидуни мубтадои грамматикӣ мавҷуданд” [45, с. 29], вале ӯ дар бораи чунин сохторҳо ҳеҷ гуна таърифе ва ё шарҳе намодааст.

Тибқи нуқтаи назари Р. Блюмел “агар ҷумла ҳисобида шавад, пас он дутаркиба аст, агар сохтор яктаркиба бошад, пас он ҷумла нест” [47, с. 87].

Истилоҳи “ҷумлаҳои яктаркиба”-ро О. Беагел истифода намуда, зери ин мафҳум “на танҳо сохторҳои яктаркиба, балки сохторҳое, ки аз рӯи таркиб ба ҷумла шабоҳат доранд ва танҳо як маркази конструктивӣ доранд”-ро мефаҳмад [46].

Ҷумлаҳои яктаркиба дар таҳқиқоти донишмандони олмонӣ дар аксари маврид ҷудо аз назарияи умумии ҷумла, ба сифати мисоли инҳироф аз меъёр, ки ба воҳидҳои коммуникативӣ хос мебошад, мавриди баррасӣ қарор гирифтаанд.

Боби дууми диссертатсия **“Навъҳои функционалию семантикии ҷумлаҳои муайяншахс дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ”** ном дошта, аз се фасл иборат мебошад.

Фасли якуми боби дууми диссертатсия **“Ҷумлаҳои муайяншахс дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ”** номгузори шуда, дар он масъалаи навъҳои функционалию семантикии ҷумлаҳои муайяншахс дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ мавриди таҳлил қарор дода шудааст.

Дар забоншиносӣ то ҳол масъалаи эътирофи ҷумлаҳои муайяншахс чун ҷумлаҳои мустақили навъи яктаркиба баҳснок боқӣ мондааст.

Ҷумлаҳои муайяншахс ҳамчун як навъи ҷумлаҳои яктаркиба аз тарафи А. А. Шахматов ҷудо карда шуда, таъкид намудааст, ки “дар мавриди чунин ҷумлаҳо аъзои асосии онҳо шакли тасрифшавандаи феъл буда, дар бораи мубтадои ифоданашуда дарак медиҳад”. Ба таври дигар карда гӯем, мубтадо дар чунин ҷумлаҳо бо тасаввурот дар бораи шахс ифода мешавад [43, с. 64]:

“Одами мисли Алберт дар кор саъю кушиш ва интизом доштарао хеле кам дидаам” [55, с. 55]. “In Ordnung und Emsigkeit in Geschäften habe ich wenig seinesgleichen gesehen” [51, с. 30].

Дар навбати худ, В.В. Виноградов чумлахоеро муайяншахс меҳисобад, ки онҳо амал ё хусусиятеро ифода мекунанд, ки бо як амали мушаххас ё ирсоли хусусият алоқаманд бошанд, онҳо ба таври шифоҳӣ ифода нашуда бошанд ҳам, бо шакли феълӣ зоҳир шудаанд. Масалан:

Мувофиқи ваъдаам ана ҳамин вексельро тайёр карда мондам [52, с. 159]. Hier habe ich einen Wechsel entsprechend diesen Bedingungen ausgefertigt [60, с. 212].

Қайд кардан зарур аст, ки дар мисолҳои болозикр фақат чумлаҳои аслии тоҷикӣ яктаркибаи муайяншахс мебошанд, дар сурате ки тарҷумани онҳо ба забони олмонӣ ба шакли дигар сурат гирифта, чумлаҳои дутаркиба, ки дар он ҷо мубтадо бо ҷонишини мувофиқ ифода шудааст, меоянд.

Дар байни муҳаққиқони тоҷик М.Н. Қосимова «аломати фарқкунандаи чумлаҳои муайяншахсро дар шакли истифодаи феъл-хабарҳо дар шахси якум ва дуҷуми шумораи танҳо ва ҷамъ» [18, с. 54] муайян намудааст. Масалан:

Ба ягон ҷои хилват равам. [52, с. 105]. Suchen wir uns ein stilles Plätzchen [60, с. 136].

Дар матнҳои бадеӣ чумлаҳои муайяншахс бо феълҳои хабарӣ дар шакли ҷамъ, бавежа дар ручуъҳои муаллифон, ки доираи ашхос ва ҳуди муаллифро фаро мегиранд, ба таври васеъ истифода мебаранд:

Хуб акнун гувоҳӣ диҳед [52, с. 91]! Ausgezeichnet! Nun machen Sie Ihre Zeugenaussagen [60, с. 117].

Ҳамин тариқ, пас аз омӯхтани натиҷаи истифодаи чумлаҳои муайяншахс дар матнҳои бадеӣ метавон ба ҳулосае омад, ки онҳо ба таври ҳеле кам дар шакли ҷонишини шахсӣ дар шакли сиғаи амрӣ истифода мешавад. Шахси иҷроқунандаи амал бо хабар ифода ёфта, дар шакли мубтадо намеояд.

Ҳасли дуҷуми боби дуҷуми рисола **“Таснифи чумлаҳои муайяншахс дар забони тоҷикӣ”** ном дошта, дар бораи таснифи чумлаҳои муайяншахс дар забони тоҷикӣ маълумот медиҳад.

Шиносой бо асарҳои илмии забоншиносоне, ки ҷумлаҳои муайяншахсро дар сатҳҳои гуногун таҳқиқ кардаанд, нишон дод, ки таснифи ҳамачонибаи ҷумлаҳои муайяншахси забони тоҷикӣ дар таҳқиқи диссертатсионии Р.Д. Салимов пешниҳод шудааст. Дар рисолаи хеш мо аз таснифи ӯ истифода бурдаем [36, с. 78].

Бояд қайд кард, ки дар забони тоҷикӣ ҷумлаҳои муайяншахс метавонанд ду навъ бошанд: хабарӣ ва номӣ.

Шакли маъмултарини ҷумлаҳои муайяншахс дар забони муосири тоҷик шакли хабарӣ буда, бо шаклҳои феъли замони гузаштаи шахси якум ва дуум дар шакли танҳо ва ҷамъ ифода мешаванд, ки гурӯҳи аввали ҷумлаҳои муайяншахсро ташкил мекунанд:

Ба пеши ҳавлии Қоришкамба расидем [52, с. 40]. In der Kori-Ischkambas Haus stand [60, с. 61].

Ба гурӯҳи дуум ҷумлаҳои муайяншахсе дохил мешаванд, ки хабари онҳо дар шакли шахси дууми шумораи танҳо ва ҷамъи замони гузашта ифода ёфтаанд:

Маро фиреб медихед [52, с. 15]. Sie betrügen mich. [60, с. 20]. Аз кучо меёбед [52, с. 15]. Woher finden Sie [60, с. 21]?

Гурӯҳи сеюм фарогири ҷумлаҳои мебошанд, ки хабари онҳо бо феълҳои шахси якум ва дууми шумораи танҳо ва ҷамъ дар замони ҳозира – оянда бо сифаи амрӣ ифода шудаанд:

Аз рӯзгори кунун лаззат мебарам [55, с. 4]. Ich will das Gegenwartige genießen [51, с. 2].

Гурӯҳи чорум аз ҷумлаҳои муайяншахсе иборат аст, ки хабархояшон бо сифаи амрии феъл ифода шудаанд. Ин нави ҷумлаҳои муайяншахсродар забони муосири тоҷик сермаҳсул номидан мумкин аст:

Марҳамат карда бишинетон [52, с. 56]! Seien Sie so lebenswürdig, und nehmen Sie Platz [55, с. 67]!

Ба гурӯҳи панҷум ҷумлаҳои муайяншахсе шомиланд, ки хабари онҳо бо сифаи шартӣ феъл ифода шудааст.

Чумлаҳои яктаркибаи муайяншахсе, ки хабари онҳо дар шакли сиғаи шартии феъл ифода шудаанд, метавонанд тобишҳои гуногуни модалӣ, ки аз воқеияти ҳақиқӣ дуранд, ифода кунанд (тахмин, эҳтимолият, шарт, супориш, қасд, маром ва амсоли инҳо). Масалан:

Чаро бояд тасвири зебои вайро хароб кунам [55, с. 19]?
Warum soll ich mir das schöne Bild verderben [51, с. 11]?

Гурӯҳи шашумро чумлаҳои муайяншахсе ташкил медиҳанд, ки хабари онҳо бо сиғаи эҳтимолии феъл ифода шудааст. Барои ин мисолеро, ки мо дар маводи интиҳоб кардаи хеш мушоҳида кардем, меорем. Масалан:

Хомӯшона роҳ мерафтем [55, с. 67]. Unterwegs sprach der Bai kein Wort [51, с. 81].

Ба гурӯҳи ҳафтум чумлаҳои муайяншахсе дохил мешаванд, ки дар онҳо хабар ба воситаи бандаки феълӣ ифода шудааст:

Чашмаи азиз, аз он айём ба ин сӯ боре ҳам аз оби сарди руҳафзоят лаззат набурдаам [55, с. 41]. Lieber Brunnen seither hab ich nicht mehr an deiner Kühle geruht [51, с. 23].

Бар асоси натиҷаҳои таҳқиқи гузаронидашуда ҳафт гурӯҳи чумлаҳои муайяншахс муайян карда шуданд. Гурӯҳи аз ҳама хурд гурӯҳи шашум буд, ки чумлаҳои муайяншахси бо хабари дар шакли сиғаи эҳтимолии феъл ифодаёфтаре дар бар мегирад. Гурӯҳи аз ҳама серистеъмол гурӯҳи чорум аст, ки шомили 19 нави чумлаҳои муайяншахс бо ифодаи сиғаи фармоишии феъл мебошад.

Фасли сеюми боби дуюм **“Усулҳои интиқол (тарҷумани) чумлаҳои муайяншахси тоҷикӣ ба забони олмонӣ”** ном дошта, дар он тарзҳои тарҷумани чумлаҳои муайяншахси тоҷикӣ ба забони олмонӣ таҳлил ёфтаанд.

Барои забони олмонӣ як аломат хос мебошад: дар он чумлаҳои муайяншахс ҳамчун навъ вучуд надоранд. Дар сурати тарҷумани чумлаҳои муайяншахси тоҷикӣ ба забони олмонӣ онҳо ё дар шакли дутаркиба ва ё дар шакли чумлаҳои бешахс тарҷума мешаванд. Масалан: Дар ягон мавриди дигар

боз ба ту нафъ расонда ҷойи ин моли ночизонаатро чанд-чанд карда пур мекунам [52, с. 35] Ich mache mich dir schon noch einmal nützlich und helfe dir, für diese Kleinigkeit ein viel faches zu verdienen [60, с. 37].

Муодили дуоми тарҷумаи ҷумлаҳои муайяншахс ба забони олмонӣ ин баргардонидани онҳо ба ҷумлаи номуайяншахс мебошад. Масалан:

Бо растаи ҷойфурӯшӣ раҳсипар гардида то пеши сарои Ҷаннатмаконӣ расидам [52, с. 34]. Schnelderte also an den Teeständen vorüber und gelangte zur Karawanserei Dshannatmakoni [60, с. 34].

Ҳолатҳое вомеҳӯранд, ки ҳангоми тарҷумаи ҷумлаҳои муайяншахси тоҷикӣ ба забони олмонӣ барқарор кардани мубтадо дар шакли ҷонишин ва табдил додани он ба ҷумлаи дутаркиба ба амал меояд.

Ба болои сандалича марҳамат кунед [52, с. 14]! Setzen Sie sich auf den Schemel [60, с. 78]!

Ҳамин тариқ, мисолҳои таҳлилшуда моро ба ҳулосае меорад, ки тарҷумаи ҷумлаҳои муайяншахси тоҷикӣ ба забони олмонӣ бо якчанд роҳҳо сурат мегирад. Навъи аз ҳама бештари тарҷумаи ин қабил ҷумлаҳо барқарор намудани мубтадо дар шакли ҷонишини шахсӣ ва табдил додани он ба ҷумлаи дутаркиба мебошад. Инчунин тарҷумаҳо дар шакли ҷумлаи бешахс, умумишахс, номуайяншахс ва масдарӣ низ ба қайд гирифта шудаанд.

Ҳасли якуми боби сеюм рисола **“Навъҳои функционалӣ ва семантикии ҷумлаҳои номуайяншахс дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ”** унвон дошта, масъалаҳои назариявӣ ва амалии марбут ба ҷумлаҳои номуайяншахсро дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ фаро мегирад.

Қайдҳои аввалин дар бораи ҷумлаҳои номуайяншахс дар забоншиносии Россия дар китоби Н.Н. Греч “Грамматикаи амалии забони русӣ” ба мушоҳида мерасад. [11]. Тавсифи пурраи ҷумлаҳо ва муаррифии истилохро бори аввал Д.Н. Овсянко-Куликовский пешниҳод карда буд, ки

сабабҳои пайдоиши ин навъи чумларо низ шарҳ дод. Д.Н. Овсяннико-Куликовский “Чумлаҳои умумишахс ва номуайяншахсро як навъи чумла” меҳисобид. [27]. Иқдоми навбатӣ доир ба тафовути навъҳои чумлаҳои яктаркиба аз ҷониби А.А. Шахматов гузошта шуд [43]

Забоншиносии муосир якчанд таҳқиқи муҳимро дар бораи омӯзиши чумлаҳои номуайяншахсро дар бар мегирад [43; 3; 29; 36 ва ғайра].

Дар ин самт чумлаҳои номуайяншахс дар пайравӣ ба В.В. Бабайтсева чун “Чумлаҳои яктаркибае, ки шахси ичрокунандаи онҳо номуайян ҳисобида мешавад, дар ҳоле ки дар ин чумлаҳо хабар дар шакли шахси сеюми шумораи ҷамъи сиғаи хабарии феъл меояд” фаҳмида мешаванд. [3, с. 35].

Масалан: Дар атрофи ниғаҳбони худ ҳалқа зада хобида буданд [53, с. 7]. Da hat man uns eben gesagt, wir sollen uns nicht anschließen und hat uns auch den Grund gesagt [68, с. 87].

Дар монографияи худ В.В. Бабайтсева дар бораи чумлаҳои номуайяншахс чун “чумлаҳое, ки дар онҳо субъекти амал дар шакли шахси сеюми шумораи ҷамъи замони ҳозираи феъл ва ё замони ояндаи сиғаи хабарии феъл меояд” маълумот додааст [2, с. 34].

Пас аз ба охир расидани ин ҷамъомад, ҳама ба сари кӯча баромаданд [56, с. 16].

Истеъмоли бештари чумлаҳои номуайяншахсро вақте мушоҳида кардан мумкин аст, ки чизеро ҳикоя мекунанд (факт, зарбулмасал, мақол, ғайбат, хабар, боварҳо ва амсоли инҳо):

Хоби мард рост мебарояд меғӯянд [56, с. 187]. Man sagt, daß Barlang ist ein großer Fluß [61, с. 172].

Инчунин метавон истифодаи васеи чумлаҳои номуайяншахсро дар тасвири амалиётҳои низомӣ низ мушоҳида кард. Азбаски мо наметавонем номи ҳамаи ҳамасафрон ва рақибони худро ҳангоми задухӯрдҳои ҳарбӣ донем, дар чунин маврид муаллифон ба таври умумӣ ва

номуайян суҳан меғӯянд ва навъҳои ҷумлаҳои умумишаҳс ва номуайяншаҳс истифода мебаранд. Мисолҳои ҷунин ҷумлаҳои номуайяншаҳсро дида мебароем:

Ба ҳамин тараф меоянд [56, с. 279]. Ohne die denken ging man weiter [61, с. 177].

Номи рақиб на ҳама вақт аниқ маълум аст ва дар маҷмӯъ, он дар шакли ҷамъи бе шаҳс ва ҳаракатҳои ӯ дар шакли умумӣ баён мешавад. Ҳамзамон тарафи “худӣ” низ дар ҷанг ба таври бешаҳс, аммо бо муносибати хайрхоҳонаву дӯстона ифода меёбад.

Фасли дуҷоми боби сеюм **“Таснифи ҷумлаҳои номуайяншаҳс дар забони тоҷикӣ”** ном дошта, оид ба таснифи ҷумлаҳои номуайяншаҳси тоҷикӣ маълумот медиҳад.

Дар ҳамаи китобҳои дарсӣ ва васоити таълимии муосир оид ба забони тоҷикӣ, грамматикаи таърихи забони тоҷикӣ ва дигар фанҳои марбута ҷумлаҳои номуайяншаҳсро таҳқиқ мекунанд. Олимони забоншиноси тоҷик дар бораи мафҳуми ҷумлаҳои номуайяншаҳс ба як ҳулосаи умумӣ омадаанд. Забоншиносони тоҷик инчунин “ҷумлаҳои номуайяншаҳсро ҳамчун як навъи алоҳидаи сохторӣ ва семантикии ҷумлаҳои яктаркиба” тавсиф медиҳанд [36; 47;].

Дар забони тоҷикӣ шаш навъи сохторӣ ва семантикии ҷумлаҳои номуайяншаҳс, ки бар асоси меъёрҳо ба монанди тарзи ифодаи амал ва ҳолати субъект фарқ мекунанд, ҷудо кардан мумкин аст. Ин таснифро дида мебароем.

1. Ҷумлаҳои номуайяншаҳс бо мубтадои номаълум. Ҷунин сохти ҷумлаҳоро вобаста ба дараҷаи номуайянии субъект ба зернамудҳои зерин тақсим кардан мумкин аст.

а) Таркибҳое, ки субъекти онҳо қомилан номаълум буда, онро аз мундариҷа тахмин кардан ё муайян кардан мумкин нест. Субъекти амал дар ин ҳолат ҳам барои шунаванда ва ҳам барои ғӯянда номаълум аст:

Кӯлвору хурчинҳоро ягон-ягон кушоданд [53, с. 70];

б) Таркибҳое, ки хабари онҳо ноаслиӣ амалро ифода мекунад, ки дар натиҷа субъекти амалро муайян кардан

мумкин нест, зеро он ба касе маълум нест:

Гӯё мепурсиданд [57, с. 83].

2. Таркибҳое, ки иҷрокунандаи амали онҳо ба ҳама маълуманд, бинобар ин номбар кардани он лозим нест:

Ба унвони ҳамватани муҳтарам гуфта ёд мекунамд [53, с. 97].

3. Таркибҳое, ки дар онҳо иҷрокунандаи амалро метавон аз рӯйи иҷрои амал тахмин кард:

Ба бемориҳои монанди аракӣ (тиф) ва варами шуш гирифтор мешуданд [53, с. 108].

4. Таркибҳое, ки аз рӯйи онҳо метавон хулоса кард, ки шахсони ғушкунанда ашхоси амалкунандаро мешиносанд, чунки он амал пештар ба вуқӯ пайваستاаст:

Чуз гиряву зорӣ дигар чорае надоштанд [53, с. 70].

5. Таркибҳое, ки аз муҳтавои онҳо шахсони амалкунандаро муайян кардан имконнопазир аст, аммо он имкон медиҳад, ки матни муҳит таҳия карда шавад:

– Ман забони мурғонро намедонам.

– Шуморо «хуш омадед» мегӯянд [57, с. 27].

6. Таркибҳое, ки муҳтавои онҳо имкон медиҳанд ашхоси амалкунанда аз рӯйи матн муайян гарданд:

Монанди ду девонаи бо ҳам дӯстшуда хомӯшона роҳ мерафтанд [53, с. 93].

Ҳамин тариқ, омӯзиш ва таҳлили пажӯҳиши илмӣ ва васоити таълимии тоҷикӣ нишон медиҳад, ки то ба ҳол меъёрҳои таркиб ва маъноии ҷумлаҳои яктаркибаи номуайяншахси тоҷикӣ дар забони тоҷикӣ мушаххас нашудааст.

Дар фасли сеюми боби сеюми рисола **“Таснифи ҷумлаҳои номуайяншахс дар забони олмонӣ”** ба таври муфасссал таснифи ҷумлаҳои номуайяншахси забони олмонӣ дода шудааст.

Ҷумлаҳои номуайяншахс таркибҳои мустақили навъи семантикӣ мебошанд, ки ҷавҳари предикативии онҳоро хабар ташкил медиҳад:

Man sah, daß von uns allen Daniil Nikolajewitsch am tiefsten ergriffen war [61, с. 58].

Ғайр аз ин, бар хилофи забони тоҷикӣ, ҷумлаи номуайяншаҳси олмонӣ аз ҷиҳати техникӣ субъекти грамматикиро дар шакли ҷонишини махсус дорад. Аммо, семантикаи номаълумии ин ҷонишин ғайриодӣ онро ҳамчун шахси ғайриодӣ қарор диҳад; фақат маъно аз истисноӣнада ба амали иҷрошаванда интиқол меёбад:

Man glaubte nicht, daß die Pferde sind müde [61, с. 138].

Ба ҷуз аз ҷонишини номуайяншаҳси *man* дар забони олмонӣ инчунин дар ҷумлаҳои номуайяншаҳс метавонад ҷонишини шахси 3-юми шумораи ҷамъӣ *sie* истифода шавад. Саволе ба миён меояд, ки то кадом андоза мо ин ҷумлаҳоро ҷумлаҳои номуайяншаҳс ҳисобида, ҷумлаҳои яктаркиба номида метавонем. Ҳатто ҷумлаҳо бо ҷонишини шахсии номуайяни “*man*”, ки аз ҷиҳати семантикии худ қисман номуайяншаҳс мебошанд, наметавонанд ҷумлаҳои яктаркиба бошанд. Новобаста ба ин, ҷумлаҳо бо ҷонишини “*sie*”-ро ба забони тоҷикӣ ҳамчун ҷумлаҳои номуайяншаҳс тарҷума кардан мумкин аст:

Sie haben alles vergessen [51, с. 17]. Ҳамаи чизро дар олам фаромӯш карданд [55, с. 29].

Маънои ҷунин ҷумлаҳо дар сурати ба ҷойи ҷонишини шахси сеюми шумораи ҷамъӣ *sie* истифода намудани ҷонишини номуайяншаҳси шахси сеюми шумораи танҳо *man* тағйир намеёбад.

Ҷамъи ҷоруми боби сеюми рисола “**Усулҳои интиқол ва тарҷумани ҷумлаҳои номуайяншаҳси тоҷикӣ ба забони олмонӣ**” ном дошта, дар бораи воситаҳои интиқол ва тарҷумани ҷумлаҳои номуайяншаҳси тоҷикӣ ба забони олмонӣ баҳс мекунад.

Натиҷаи таҳлили сохтор ва семантикаи ҷумлаҳои номуайяншаҳси забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ нишон медиҳад, ки, асоси чунин таркибҳоро хабаре, ки дар шакли шахси сеюми шумораи ҷамъи сифаи хабарии феъл аст, ташкил медиҳад.

Мисоли тарҷумашудаи ҷумлаи номуайяншаҳси забони тоҷикиро ба забони олмонӣ дида мебароем:

Сабаб ҷӣ бошад, ки одамро ишкамба номидаанд [52, с. 12] Warum er wohl Ischkamba heißt [60, с. 6].

Дар ҷумлаи номуайяншаҳси тоҷикии ба забони олмонӣ баргардоншуда навъи таркиби бешаҳс истифода шудааст.

Рафта-рафта калимаи «Исмат»-ро партофта, “Қорӣ-Ишкамба” гуфтаанду мондаанд [52, с. 12]. Mit der Zeit geriegt der alte Name in Vergessenheit, und heute kennt ihn jeder nur als Kori-Ischkamba [60, с. 6].

Дар мисоли дар боло овардашуда ҷумлаи номуайяншаҳси тоҷикӣ ба забони олмонӣ дар шакли ҷумлаҳои мураккаби пайваст тарҷума карда шудаанд.

Дигаронро ба осмон бардошта, маро ба замин намезаданд [52, с. 31]. Die anderen heben Sie in den Himmel, und mich stoßen sie in den Staub [60, с. 30].

Дар мисоли мазкур ҷумлаи содаи яктаркибаи номуайяншаҳси тоҷикӣ, ки бо феъли ҳол мураккаб гаштааст, ба забони олмонӣ ҳамчун ҷумлаи содаи дутаркиба, ки бо воҳидҳои ҷидааъзо мураккаб гардонида шудааст, тарҷума шудааст. Дар ин ҷо дар нақши мубтадо ҷонишини муайяни баромад намудааст.

Ҳамин тарик, мо муайян кардем, ки кадом навъи ҷумлаҳои олмониро мо метавонем ҳамчун ҷумлаҳои номуайяншаҳс ба забони тоҷикӣ тарҷума намоем.

Навъи маъмултарини ҷумлаҳои номуайяншаҳси олмонӣ бо ҷонишини номуайянии тап, ки семантикаи номуайяниро ифода мекунад, нисбатан серистеъмол мебошад.

Ҳолатҳои аҳён–аҳён тарҷума шудани ҷумлаҳои дутаркибаи олмонӣ ба забони тоҷикӣ ҳамчун ҷумлаҳои

номуайяншахс бо субъектҳои гуногун, ки мустақиман иҷрокунандаи амал номбар мешавад, ба қайд гирифта шудааст. Дар тарҷума ин шахсҳо фуруғузурӣ шуда, танҳо амалҳо боқӣ мондаанд.

Якчанд ҳолати тарҷумаи ҷумлаҳои мураккаби олмонӣ ба забони тоҷикӣ ҳамчун ҷумлаи номуайяншахс низ мушоҳида шудаанд. Дар ин маврид феъли ҷумлаи асосии ҷумлаи мураккаби олмонӣ дар тарҷумаи тоҷикӣ ба хабар табдил ёфта ва феълҳои ҷумлаи пайрав бошад, шакли масдариро гирифтанд.

Боби чоруми диссертатсия **“Навҳои функционалӣ ва семантикии ҷумлаҳои умумишахс дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ”** номгузурӣ карда шуда, се фасл дорад.

Фасли якуми боби чоруми диссертатсия **“Ҷумлаҳои умумишахс дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ: таърихи таҳқиқи масъала”** буда, дар он навҳои ҷумлаҳои умумишахс дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ мавриди омӯзиш қарор гирифтааст.

Ҷумлаҳои умумишахс то ҳол дар забоншиносии муосир ҳамчун масъалаи муҳим ба ҳисоб меравад, ки таҳқиқро тақозо мекунад. Муҳимтарин нуқтаи назари муҳаққиқони синтаксисро доир ба ин масъала дида мебароем.

И.П. Распопов таснифи ҷумлаҳои умумишахсро чун ҷумлаҳои яктаркиба инкор мекунад ва изҳор медорад, ки чунин навъи сохтор дар забон вучуд надорад. Муҳаққиқ андешаи худро бо набудани қолабҳои типии ҷумла ҳамчун хусусияти гурӯҳӣ дошта, имкони ҷумлаҳои умумишахс дар қолаби ҳам яктаркиба ва дутаркиба, аммо шакли хабари дутаркиба метавонад вобаста ба шахс, сиға ва шумора фарқ кунад» таъвият додааст [31, с. 73-82].

Ин масъаларо В.В.Бабайтсева амиқтар омӯхтааст, ки дар бораи набудани субъекти феълӣ дар идеяи дуаъзогӣ сухан меронад, ки ин “хусусияти грамматикии яктаркибагии сохти ҷумлаҳои умумишахсро нишон медиҳад” [2, с. 12].

Муҳаққиқ сохтори ҷумлаҳои умумишахсро ҳамчун

сохторҳои яктаркиба муайян мекунад, ки амали онҳо бо шахси умумӣ алоқаманд аст ва бо феъли шахси дуҷум ё дар баъзе мавридҳо бо шаклҳои дигари шахсӣ ифода меёбад. В.В. Бабайтсева ба фарқияти дараҷаҳои умумӣ дар таркиби ҷумлаҳои умумишахс ишора карда, қайд мекунад, ки “Амалро ба ҳар як шахс ё ба гурӯҳи шахсони шартан умумӣ нисбат додан мумкин аст” [2, с. 45].

Биёед, худ бубинед, ки чӣ шудааст, яъне шумо дар ҳаққи ман чӣ кардед [53, с. 16]?

Ҳамин тариқ, аз нигоҳи грамматикаи академӣ, ҷумлаҳои дар боло зикршударо бояд ба ҷумлаҳои умумишахси яктаркиба нисбат дод. Аммо, аз нигоҳи таҳқиқоти муосир, ин дуруст нест. Ҳамин тариқ, дар ин ҷо боз як масъалаи баҳснок ба миён меояд. Далелҳои муқобили онро баррасӣ мекунем. Муҳимтар аз ҳама он аст, ки ин ҷумлаҳо ҳам мубтадо ва ҳам ҳабар доранд, аз ин рӯ, онҳоро ҷумлаҳои яктаркиба гуфтан мумкин нест. Ғайр аз ин, яке аз ду ҷузъи асосии ҷумла ҷонишин аст, ки дар бораи ҷумлаи умумишахс будани он сухан гуфтан нашояд, зеро дар чунин ҷумлаҳо ҷонишин дар мавқеи мубтадо нест. Ғайр аз ин, баъзан ҷонишини шахси дуҷум, ҳам дар шакли танҳо ва ҳам дар шакли ҷамъ, барои мақсадҳои муқобил истифода мешавад, маънои хеле мушаххас дорад ва онро танҳо ба таври маъмулӣ истифода бурдан мумкин нест.

Дар фасли дуҷуми боби чорум **“Таснифи ҷумлаҳои умумишахс дар забони тоҷикӣ”** дар бораи таснифи ҷумлаҳои умумишахси забони тоҷикӣ маълумот дода мешавад.

Дар забони тоҷикӣ таснифоти возеҳи ин навъи ҷумлаҳо вуҷуд надошта, дар китобҳои дарсӣ танҳо ба таври умумӣ маълумот пешниҳод шудааст. Агар ба “Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик” муроҷиат кунем, мебинем, ки дар ин китоби дарсӣ низ маълумот дар бораи ин мавзӯ кам буда, тафовути байни навъҳо дида намешавад. Маълумоти мукаммалу муфассалтарро дар таҳқиқоти М. Норматов ва Ш.

Рашидов дарёфт кардан мумкин аст, ки мо дар боло зикр кардаем. [25, с. 33-63]. Сипас, мо навъҳои ин ҷумларо, ки дар рафти кор муайян кардаем, баррасӣ хоҳем намуд.

Навӣ аввал аз ҷумлаҳои иборат аст, ки дар онҳо хабар феълӣ буда, дар шахси дуҷуми шумораи танҳо ё ҷамъ ва дар шакли сиғаи амрӣ меояд. Маънои онҳо аксар маслиҳат, дастур, ухдадорӣ ё имконнопазирӣ ё баръакс, ногузирии амалро ифода мекунад. Шакли шахси дуҷуми танҳо хусусияти умумии изҳоротро таъмин мекунад ва онро барои ҳар як шунаванда мувофиқ мегардонад.

Масалан: “Нахуст аз касби дониш баҳравар шав, Зи ҷаҳлободӣ нодонӣ бадар шав” [58, с. 23].

Навӣ дуҷум аз ҷумлаҳои умумишахсе иборат аст, ки шакли шахси дуҷуми танҳои феълро ба ҷойи шакли ҷамъ истифода мебаранд. Чунин ҷумлаҳо дар сиғаи шартӣ корбаст шуда, хусусияти шартии амалро ифода мекунанд. Масалан:

“Дилатро рост кун, гар росткорӣ, Ки ҳаст аз росткорӣ растагорӣ” [58, с. 66].

Акнун ба баррасии навӣ сеюми ҷумлаҳо, ки муҳаққиқон муайян кардаанд, мегузарем. Инҳо чунин ҷумлаҳои ҳастанд, ки феълро ҳамчун хабар дар бар мегиранд ва он дар шакли шахси дуҷум меояд. Аммо олимони қайд мекунанд, ки дар ин ҷо ҳам сиғаи хабарӣ ва ҳам сиғаи шартӣ истифода мешаванд ва замони феъл ҳам ба замони ҳозира ва ҳам оянда алоқаманд аст. Ин навъ вақте истифода мешавад, ки шахси якум меҳаҳад аз ҳамсухбати худ маслиҳат пурсад; яъне маслиҳат дар замони ҳозира, аммо бо ояндабинӣ. Аз ин рӯ, мо дар як вақт дар бораи ду замон гап мезанем. Ғайр аз ин, модалияти ҳатмӣ нигоҳ дошта мешавад, яъне гӯянда бояд ин маслиҳатро пазирада ва ҷавоби ҳамсухбат барои ӯ муҳим, объективӣ ва ҳатмӣ барои иҷро хоҳад буд:

“Роҳро бад марав, ки бад афтӣ, ҷоҳ дар раҳ макан, ки худ афтӣ” [58, с. 260].

Акнун навӣ чоруми ин қабил ҷумлаҳоро дида мебароем. Дар навӣ чоруми ҷумлаҳо феъл дар шахси дуҷуми шумораи

чамъи сиғаи хабарӣ истифода мешавад. Бояд қайд кард, ки дар марҳилаи кунунии рушди забони тоҷикӣ ин навъи ҷумла чандон маъмул нест. Хусусияти чунин ҷумлаҳо дар он аст, ки гӯянда низ ҳамчун иштирокчии амали тавсифшуда амал мекунад, аммо қасдан шакли ғайришахсиро барои истисно кардани худ истифода мебарад. Ин муайян кардани субъекти амалро қариб ғайриимкон мегардонад. Ҳоло чанд мисолро дида мебароем:

“Танӯри меъдаро пурдуд кардӣ, сафои дил ғуборолуд кардӣ” [58, с. 151]. “Осон гардад бар он чӣ ҳиммат бастӣ” [58, с. 319]”

Навъи панҷуми ҷумлаҳо аз навъҳои қаблӣ бо он фарқ мекунад, ки феъл шахси сеюмро ифода мекунад. Сиға хабарӣ буда, шумора бошад, фақат дар шакли чамъ меояд.

Дар ин ҳолат, мо дар бораи вазъиятҳои меъёрии ҳаёт сухан меронем. Муҳим он аст, ки агар дар дигар навъи ҷумлаҳо муаллифон аз таҷрибаи худ ва дигарон хулоса карда бошанд, дар ин ҷо танҳо таҷрибаи дигарон ба назар гирифта мешавад. Аз ин рӯ, маълум мешавад, ки гӯянда нуктаҳои абстрактиро, ки метавонанд ба ҳамаи шунавандагон дастрас бошанд, пешниҳод менамояд. Ҳама гуна мушаххасӣ ва фардият аз байн мераванд:

“Баъд аз ин аз тарафи Арбоб ба ӯ ҳеҷ зулму осебе нарасиданро ваъда доданд” [53, с. 30].

Навъи шашум низ ҷумлаи дорои хабар аст, ки бо шахси сеюми сиғаи хабарӣ ифода меёбад. Тафовут бо навъи болозикр дар он аст, ки шумораи танҳо истифода шуда, амал дар сарҳади замони ҳозираву оянда сураат мегирад. Масалан:

“Имрӯз метавонад бо дилхоҳи худ рӯйканию синазанӣ намояд” [53, с. 28].

Ғайр аз ин, меҳоҳем илова кунем, ки бар замми шаш гурӯҳи дар боло зикршуда, дар забони ҳозираи тоҷик чунин навъи ҷумлаҳои яктаркибае истифода мешаванд, ки дар онҳо феъл дар замони гузашта меояд.

Бояд қайд кард, ки ҷумлаҳои умумишахси яктаркиба

бояд на танҳо дар асоси грамматика, балки дар заминаи услубиносии ва семантика низ баррасӣ карда шаванд, зеро ҳамаи ин хусусиятҳо тавсифи умумии ин навъи ҷумларо ба вучуд меоранд. Ин имкон медиҳад, ки онҳоро аз якдигар фарқ кунем. Дар ин ҷумлаҳо ҳамеша ба амалҳо ё падидаҳои умумӣ ишора мекунанд, ки ба ҳар як шахс дар вазъияти мушаххас ва ҳамзамон умумӣ дахл дошта метавонад.

Фасли сеюми боби чоруми рисола **“Усулҳои интиқоли (тарҷумай) ҷумлаҳои умумишахси тоҷикӣ ба забони олмонӣ”** тарзҳои тарҷумай ҷумлаҳои умумишахси тоҷикиро ба забони олмонӣ мавриди баррасӣ қарор додааст.

Ҷумлаҳои умумишахси олмонӣ аз назари таркиб ба мисли ҷумлаҳои номуайяншахс ҷумлаҳои дутаркиба бо ҷонишини номуайнии *man* мебошанд.

Таҳлили ҷумлаҳои умумишахси тоҷикӣ ва муодили онҳоро дар забони олмонӣ дида мебароем. Чи тавре ки мо болотар қайд кардем, дар забони олмонӣ ҷумлаҳои номуайяншахс сохтори дутаркиба доранд. Фарқияти семантикӣ ва маъмуливу грамматикӣ онҳоро дар мисоли гурӯҳҳои ҷумлаҳо муайян мекунем.

Инак, метавон гурӯҳеро ҷудо кунем, ки дар он маънои умумӣ ба забони тоҷикӣ ба воситаи феъли **шахси дуҷуми шумораи танҳо** ифода меёбад:

“Ба ҳамин шарт, ки нимаашро ба ман медиҳӣ” [52, с. 38].
“Unter der Bedingung, das die Hälfte mir gehört. Einverstanden” [60, с. 38]”

Дар мисоли мазкур ҷумлаи яктаркибаи тоҷикӣ дар тарҷумай олмонӣ ба ду ҷумлаи яктаркибаи бешахс табдил меёбад.

Гурӯҳи дигари мисолҳоро мавриди таҳлил қарор медиҳем, ки дар он ҷо маънои умумишахсӣ ба воситаи феъли **шахси дуҷуми шумораи чамъ** ифода меёбад:

“Оварда додани табакро аз хотир фаромӯш накунед” [52, с. 36]. “Vergessen Sie nicht, die Schlüssel zurückzugeben” [60, с. 39].

Дар ин мисол ҷумлаи яктаркибаи умумишахси тоҷикӣ ба забони олмонӣ бо ҷумлаи дутаркибаи олмонӣ ва ҷонишини боэҳтироми “Sie”-и шахси дуёми шумораи ҷамъ ҳамчун мубтадо тарҷума шудааст.

Ҳамин тариқ, дар натиҷаи таҳлили ҷумлаҳои тоҷикӣ, ки ба забони олмонӣ тарҷума шудаанд, мушоҳида гардид, ки сарфи назар аз он ки маънои умумишахсӣ дар забони олмонӣ бо ҷонишини тап ифода мегардад, тарҷумонҳо дар аксари маврид барои тарҷумаи ҷумлаҳои умумишахси тоҷикӣ ба забони олмонӣ аз ҷонишинҳои шахсии (*du, Sie*) истифода мекунанд.

Тарҷумаи ҷумлаҳои умумишахси тоҷикӣ ба забони олмонӣ ба воситаи ҷонишинҳои *du, Sie* сурат мегирад.

Ҳамин тариқ, ҷумлаҳои яктаркибаи умумишахси тоҷикӣ дар тарҷума ба забони олмонӣ ба ҷумлаҳои дутаркиба табдил ёфта, ҳамзамон маънои умумишахсии худро ҳифз мекунанд. Якчанд ҳолати тарҷумаи ҷумлаи умумишахси тоҷикӣ ба ҷумлаи бешахс дар забони олмонӣ низ ба қайд гирифта шуд. Мисоли дигаре мушоҳида гардид, ки дар он мубтадое, ки дар асли тоҷикӣ вучуд надошт, дар тарҷумаи олмонӣ барқарор карда шуд ва бо ин васила ҷумлаи тоҷикӣ маънои умумишахсиро дар ҷумла аз даст дод.

Боби панҷуми рисола **“Навъҳои функционалию семантикии ҷумлаҳои бешахс дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ”** ном дошта, аз панҷ фасл иборат мебошад.

Фасли якуми боби панҷуми кор **“Ҷумлаҳои бешахс дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ: таърихи таҳқиқи масъала”** ба масъалаи пажӯҳиши муносибатҳои илмӣ ба омӯзиши навҳои ҷумлаҳои бешахс дар забоншиносии тоҷикӣ ва олмонӣ бахшида шудааст.

Ҷумлаҳои яктаркибаи бешахс ҳам аз нигоҳи семантикӣ ва ҳам грамматикӣ бахши муҳимми наҳв дар забонҳои

олмонӣ ва тоҷикӣ маҳсуб меёбанд. Ҷумлаҳои бешаҳс хусусиятҳои хосе доранд, ки ин нави ҷумлаҳои яктаркибаро аз ҷумлаҳои қаблан дар ин таҳқиқот омӯхташуда фарқ мекунонанд. Ин хусусият имкон медиҳад, ки боби алоҳидаи диссертатсия ба ҷумлаҳои бешаҳс бахшида шавад.

Дар забони олмонӣ муаммои нисбатан баҳснок масъалаи ҷумлаҳои бешаҳс дар забоншиносии муосир таркиб бо унсури *es* мебошад. Ин масъаларо аз нуқтаи назари этимологӣ дида мебароем. Рушди забони олмонӣ аз давраҳои забони қадимаи олмонӣ то давраҳои болоии забони олмонӣ нишон медиҳад, ки ҳамчун *чузъ es* нақши мубтадо ва пуркунамдаро мебозад.

Баъзе муҳаққиқон теъдоди муайяни ҷумлаҳои бешаҳсро ҳамчун сохторҳои дутаркиба баррасӣ мекунанд, масалан, ба монанди “*Es Zeit war*” [51, с. 21]. Дар чунин баррасӣ мантиқеро дидан мумкин аст, ки дар тарҷумаи тоҷикӣ ин нави ҷумлаҳо ба ҷумлаи дутаркиба табдил меёбанд: “Сари вақт буд” [55, с. 37].

Г.А. Золотова дар ин бора қайд мекунад, ки “Чунин таркиби ҷумлаҳо бавосита маълумотеро дар бар мегиранд, ки ба ин таркиб ворид карда нашудааст ва тавассути он мубтадоро низ барқарор кардан мумкин аст” [13, с. 40].

Аммо Ю.Т. Долин имкони баррасии чунин таркибҳоро ҳамчун ҷумлаҳои дутаркиба инкор мекунад. Мувофиқи гуфтаи ин донишманд “Онҳоро метавон фақат дутаркиба номид. Чунки сарфи назар аз маънои семантикӣ мубтадо дар ин ҷумла дар сатҳи грамматикӣ он вучуд надорад” [12, с. 25-26].

Ҳамин тариқ, баррасӣ ва омӯзиши корҳои анҷомдодашуда доир ба ҷумлаҳои бешаҳс ба мо мавҷудияти се муносибатро нисбат ба таснифи онҳоро нишон медиҳад:

1. “Мутобиқ ба нуқтаи назари яқум хангоми мавҷуд будани хабар дар ҷумлаҳои бешаҳс мубтадо дар ин ҷумлаҳо ба ҳеҷ вачҳ вучуд дошта наметавонад” [8; 9; 33].

2. Тибки нуқтаи назари дуҷум, “ҷумлаи бешаҳс наметавонад мубтадо дошта бошад, аммо субъекти

семантикие, ки ба ҳолати ғайриаслӣ ифода шудааст, вучуд дошта метавонад” [4; 2; 3]. Аммо чунин баррасиро нисбат ба забони тоҷикӣ нисбат додан имконнопазир аст, чунки дар забони тоҷикӣ феълҳои бешахс вучуд надорад. Барои мисол, ҷумлаи олмонӣ бешахс *Es würde ihm wirklich gefallen*, ки дар он субъекти семантикӣ ба воситаи ҷонишини *ihm* ифода ёфтааст, дар забони тоҷикӣ ҳамчун ҷумлаи дутаркиба садо медиҳад.

Ў дар ҳақиқат инро дӯст медошт.

3. Нуқтаи назари сеюм имкони мавҷудияти мубтадоро дар ҷумлаҳои бешахс баррасӣ намуда, “ҷумлаҳои бешахсро ҳамчун ҷумлаҳои яктаркиба баррасӣ мекунад, аммо онҳоро аз нуқтаи назари семантикӣ дутаркиба мепиндорад. Мубтадо дар чунин ҷумлаҳо хориҷ карда шудааст, аммо дар шакли семантикӣ ва концептуалӣ вучуд дорад” [13].

Дар ин таҳқиқот мо бештар ба концепсияи В. В. Бабайтсева дар бораи мутобиқати шакл ва мазмун дар ҷумлаҳои яктаркиба таъя кардаем, зеро имкони семантикии мубтадоро дар ҷумлаҳои бешахс иҷозат медиҳад.

Фасли дуюми боби панҷум **“Таснифи ҷумлаҳои бешахс дар забони тоҷикӣ”** ном дошта, ба таснифи ҷумлаҳои бешахс дар забони тоҷикӣ бахшида шудааст.

Забоншиносони тоҷик ҳанӯз дар бораи ҷумлаҳои бешахс дар забони тоҷикӣ монографияҳои алоҳидаро таҳия накардаанд. Аммо ҷумлаҳои бешахси забони тоҷикӣ дар бисёр асарҳои забоншиносони тоҷик, ба монанди Б.Н. Ниёзмӯҳаммадов [22; 23], М.Н. Қосимова [18; 19], Б. Камолиддинов [15], М. Норматов [25; 26], Ш. Рашидов [32] ва диг. зикр шудаанд. Қайд кардан бамаврид аст, таҳқиқи густурдаи Р.Д. Салимов дар ин самт назаррас аст. Ў дар таҳқиқоти диссертатсионии худ таснифоти возеҳи ҷумлаҳои яктаркибаро додааст [36]. Муҳаққиқ аз ҷумла таҳқиқоти муқоисавии ҷумлаҳои бешахс [35], дар бораи навъҳои гуногуни ҷумлаҳои яктаркибаро гузаронидааст. [35; 36].

Мо бар он ақидаем, ки таснифоти возеҳи ҷумлаҳои бешахси забони тоҷикӣ дар забоншиносии тоҷик зарур аст. Бояд қайд кард, ки дар аксари асарҳои забоншиносони тоҷик

чунин таснифот вучуд надорад. Масалан, дар китоби дарсии соли 1970 оид ба забони тоҷикӣ ҷумлаҳои бешахс бо феъли модалӣи “*бояд*” ва бо феъли ёридиҳандаи «шудан» тақсим шудаанд [10, с. 186].

Масалан: “Нав бояд кард” [57, с. 18]. “Ба мардум асал бояд дод” [57, с. 23].

М. Норматов ва Ш. Рашидов низ дар навбати худ навиҳои ҷумлаҳои бешахсро бо калимаҳои модалӣ ҷудо кардаанд [25, с. 90]. Забоншиносон калимаҳои модалӣи зеринро мисол овардаанд: **лозим**:

“Ба ҷойи трактор танк баровардан **лозим**” [57, с. 93]; **даркор**: “Ба он кас ёрӣ додан даркор” [57, с. 91]; **мумкин**: “Дубора дӯст доштан мумкин не” [57, с. 44];

Ин таҳқиқи диссертатсионӣ муқоисавӣ мебошад, аз ин рӯ, дар пайравӣ ба Р.Д. Салимов [36] истифодаи таснифоти ҷумлаҳои бешахсро, ки аз тарафи М. Норматов ва Ш. Рашидов [25, с. 90] анҷом дода шудааст, ба мақсад мувофиқ мешуморем. Ин таснифотро мавриди истифода қарор медиҳем. Таснифоти мазкурро дида мебароем.

1. М. Норматов ва Ш. Рашидов ба гурӯҳи яқум ҷумлаҳои бешахсро ворид намудаанд, ки дар онҳо хабар дар шакли масдар ба иловаи феъли бешахс ифода шудааст (бояд, боист, набояд, нашоад):

Ба мардум асал бояд дод [57, с. 24].

2. Дар навиҳои дуҷумлаи ҷумлаҳои бешахс хабар ба воситаи феъл дар шакли масдар ва феъли ёридиҳандаи **тавонистан**, ки тақрибан ҳамеша дар шакли кӯтоҳшудаи масдар истифода мешавад, ифода гаштааст. Феъли ёридиҳандаи **тавонистан** дар ҷумлаҳои яктаркиба ба семантикаи имкони амалро, ки бо масдар ифода гаштааст, мусоидат мекунад:

“Милисаро ба даст метавон овард” [57, с. 12].

3. Навиҳои сеҷумлаи ҷумлаҳои бешахс навиҳои таркиби грамматикӣи ҷумлаҳои мебошад, ки дар онҳо хабар дар шакли масдар бо феъли ёридиҳандаи **шудан** ба маънои «шудан, шакл гирифтани» ифода меёбад. Масдар дар таркиби мазкур

метавонад дар шакли пурра ва ё нопурра ояд. Бештар шакли нопурраи он истифода мешавад:

Ҳавас гуфта қонуни ҳукуматро поймол карда намешавад [56, с. 74]. Қафо ҳам рафта намешавад [57, с. 96].

Мушоҳида гардид, ки системаи ҷумлаҳои бешаҳси забони адабии ҳозираи тоҷик дорои панҷ навъи таркибии семантикӣ мебошад. Ҷумлаҳои бешаҳс барои наҳви забони тоҷикӣ хос мебошанд. Вижагии ин навъи ҷумлаҳо дар надоштани мубтадои грамматикӣ ифода меёбад.

Фасли сеюми боби панҷум “**Таснифи ҷумлаҳои бешаҳс дар забони олмонӣ**” унвон дошта, дар бораи таснифоти ҷумлаҳои бешаҳс дар забони олмонӣ маълумот медиҳад.

Хусусияти коммуникативии ҷумлаҳои бешаҳси забони олмонӣ аз он иборат аст, ки *es* дар ҷумлаҳои бешаҳс падидаҳои табиӣ, давру замон ва амсоли инҳоро инъикос мекунад, қорбаст мешаванд.

Дар байни ҷумлаҳои бешаҳси олмонӣ чунин ифодаҳо ба таври маъмулӣ истифода мешаванд:

es gibt, es handelt sich um: Es gibt noch Treue auf der Welt [63, с. 245];

Инчунин таркибҳои зерин мушоҳида мешаванд, ки онҳо дар қиёс бо мисолҳои боло доираи қамтари истёғмол доранд.

es kommt darauf an + zu + Infinitiv: Darauf kommt es doch nicht an [63, с. 28].

es heißt: Eigentlich heißt es ja Ladies first [67, с. 219].

es steht: Es steht weit von hier in einer öffentlichen Garage [63, с. 69].

es scheint: Es scheint ein gutes Unternehmen zu sein [57, с. 238].

es klopft: Es klopfte an der Gangtüre [63, с. 74].

С.Н. Шрайбер ҷумлаҳои бешаҳсро дар мисоли публицистикаи муосири иҷтимоию сиёсӣ ва забони адабии ҳозираи олмонӣ таҳлил намудааст. Муҳаққиқ чор навъи асосии таркибҳои мазкурро ҷудо мекунад [44, с. 106].

Навъи якум бо феъли *sein* сохта шуда, мавҷудияти чизеро мефаҳмонад. Ин навъи чумлаҳо маишӣ номида шуда, дорои шакли асосии имперфект (замони гузаштаи) феъл мебошанд:

Und immer war es ihm erschienen [63, с. 35]. Es war eine ebenso glückliche Fügung wie der Erwerb des Birkenhofs in Unterliederbach [67, с. 6].

Навъи дуҷуми чумлаҳое, ки муҳаққиқ чудо кардааст, бо феълҳое ифода меёбанд, ки маънои дарк ва эҳсосро доранд. Ин навъи чумлаҳо аксаран дар асарҳои насрӣ ва назмӣ бадеӣ вомерӯанд:

“Es rauschte und knackte” [67, с. 210].

Навъи сеҷуми чумлаҳо ба вазифаи хабар феълро интиҳоб мекунанд, семантикаи ҳолатҳои гуногуни маиширо ифода мекунанд. Семантикаи чунин чумлаҳо ба семантикаи чумлаҳои навъи якум шабоҳат дорад. Барои ин чумлаҳо ҳам хабарҳои феълӣ ва ҳам хабарҳои номӣ хос мебошад. Бо феъли ҳолатҳои маишии *sein* мисолҳои зиёде дучор меоянд.

“Und es ist wirklich so gekommen” [67, с. 26]. “Es ist kein Spaß” [67, с. 33].

Навъи чоруми чумлаҳо бо хабаре ифода меёбанд, ки навъи фаъолият ва ё падидаҳои мураккаби абстрактиро мефаҳмонанд:

“Es freut mich” [65, с. 99]. Es freut ihn [62, с. 27].

Ҳамин тариқ, омӯзиши чумлаҳои бешаҳси забони олмониро хулоса мекунем. Типологияи бой ва гуногуни чунин таркибҳо дар забони олмонии муосир ва хусусиятҳои онҳо муайян карда шуданд. Вазифаи асосии чумлаҳои бешаҳси забони олмонии муосир ифодаи амал ё ҳолатест, ки новобаста аз истехсолкунанда ва ирсолкунанда ба вуқӯ меояд.

Фасли чоруми боби панҷуми рисола “**Усулҳои тарҷумани чумлаҳои бешаҳс дар забони олмонӣ**” ба масъалаи таҳлили василаҳои асосии баргардони чумлаҳои бешаҳси тоҷикӣ ба забони олмонӣ ва ошкор намудани хусусиятҳои таркиб ва семантикии онҳо бахшида шудааст.

Таҳлили ҷумлаҳои бешаҳси забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ нишон медиҳад, ки дар байни онҳо ҳам ҷумлаҳои яктаркиба ва ҳам муодилҳои дураткибаро пайдо кардан мумкин аст. Интиҳоби тарҷумон дар ин маврид аз мавҷуд будан ва ё набудани субъекти ҳолат ва инчунин аъзои асосӣ дар ҷумлаи асли вобаста мебошад.

Забони тоҷикӣ ба мисли забони олмонӣ дорои феълҳои бешаҳс намебошад, аз ин рӯ, аксарияти тарҷумаҳо ба матни асли ҳам аз назари семантикӣ ва ҳам аз назари сохту таркиб наздик мебошанд. Барои мисол, тарҷумаи қиссаи “Марги судхӯр”-и устод С. Айниро ба забони олмонӣ дида мебароем. Мисолеро аз рӯи зарурати семантикӣ таҳлил мекунем:

Дар ҳар ҳол аз Гиждувониён тарсидан даркор [52, с. 48].

Auf jeden Fall sollte man sich vor Leuten aus Gishduwon in acht nehmen [60, с. 44].

Дар ин мисол маълум аст, ки дар забони тоҷикӣ ҷумлаи бешаҳс ҳеҷ шахсро дар назар надорад. Аммо дар тарҷумаи забони олмонӣ ҷонишине пайдо мешавад ва ҳамаи чиз маълум мегардад, ки аз кӣ бояд тарсид. Ҳамин тариқ, шахси семантикӣ пайдо мешавад, аммо аз рӯи грамматика ин ҷумлаҳо ҳанӯз ҷумлаи яктаркибаи бешаҳс набуда, масдарӣ аст. Бояд қайд мекунем, ки қаблан мо дар ин бора ишора карда будем, ки баъзе муҳаққиқон ҷумлаҳои масдариро ба ҷумлаҳои бешаҳс нисбат медиҳанд. [5, с. 35]. Мо дар навбати худ ба ҷудо кардани ин навъи ҷумлаҳо розӣ буда, бо К. А. Тимофеева ҳамакидаем, ки ин ҷумлаҳо навъҳои гуногуни ҷумлаҳои яктаркиба мебошанд. [40, с. 250-259].

Мисолеро бо мазмуни имконнопазир будани амал дида мебароем:

Ин роҳи вазнинро тай карда ба онҳо рафта расидан мумкин нест [52, с. 69]. Man kann bei dem Wetter nicht in dieser Zeit erreichen [60, с. 77].

Дар мисоли мазкур семантикаи бешаҳсии ҷумла нигоҳ дошта шавад ҳам, аз ҷиҳати грамматикӣ дар тарҷума ҷумла тавассути истифодаи ҷонишини тап ба ҷумлаи бешаҳс табдил

меёбад.

Ҳамин тариқ, мо усулҳои гуногуни тарҷумаи ҷумлаҳои бешаҳси тоҷикиро бо таркиб ва семантикаҳои гуногун ба забони олмониро дида баромадем. Ҷумлаҳои бешаҳси тоҷикиро бо истифода аз ҷонишинҳои бешаҳси *es*, ҷонишини номуайянии *man* ва сохти масдарӣ ба забони олмонӣ тарҷума кардан мумкин аст.

Инчунин ҷумлаҳои бешаҳси тоҷикиро ба забони олмонӣ метавон ҳамчун ҷумлаҳои дутаркиба тарҷума кард. Ин амал дар сурате имконпазир мегардад, ки вақте объект ҳангоми тарҷума ба субъект табдил меёбад ва феъл аз воҳиди таъсиррасон ба объект ба субъекти амал мегузарад.

Ҷумлаҳои бешаҳси тоҷикӣ ба забони олмонӣ ҳамчун ҷумлаҳои дутаркиба низ тарҷума карда мешаванд. Дар ҳолате ки дар ҷумлаҳои тоҷикӣ ҷонишинҳои соҳибӣ пайдо шуда, дар раванди тарҷума ба ҷонишинҳои шахсӣ мубаддал мегарданд.

Ба ғайр аз ин, ҷумлаҳои бешаҳси тоҷикӣ ҳангоми тарҷума ба забони олмонӣ тамоюли табдилёбӣ ба ҷумлаҳои мураккаби бепайвандак ва ё ҷумлаҳои мураккаби тобеъро, ки аз ҷумлаҳои содаи бешаҳс ва ё ҷумлаи масдарӣ иборатанд, доро ҳастанд.

Фасли панҷуми боби панҷуми рисола **“Усулҳои тарҷумаи ҷумлаҳои бешаҳси забони олмонӣ ба забони тоҷикӣ”** дар бораи усулҳои ирсоли ҷумлаҳои бешаҳси забони олмонӣ ба забони тоҷикӣ мебошад.

Дар ин фасл мо роҳҳои тарҷумаи ҷумлаҳои бешаҳси забони олмониро ба забони тоҷикӣ баррасӣ мекунем. Ба мисли забони тоҷикӣ дар забони олмонӣ низ ба сохтани ҷумлаҳои бешаҳс камтар мушоҳида мешавад. Усули асосии сохтани чунин ҷумлаҳо дар забони олмонӣ ин ҷонишини бешаҳси *es* мебошад. Тарҷумаи ин ҷумлаҳо бо ҷонишини *es* ба забони тоҷикиро дида мебароем.

Ин ҷумлаҳо ба забони тоҷикӣ дар шакли ҷумлаҳои бешахс низ тарҷума карда мешаванд, аммо дар онҳо чизеро, ки мо аъзои концептуалии ҷумла меҳисобем, дида мешавад. Дар чунин мисолҳо мубтадо вучуд надорад, аммо аз матни ҷумла бармеояд, ки мубтадо ҳаст, фақат на дар ин ҷумла, балки дар матне, ки ҷумла ба он дохил аст:

Es gibt für mich keine Entschuldigung [63, с. 148]. Барои ман ягон узор надорад.

Акнун тарҷумаи ҷумлаҳои бешахси забони олмониرو бо таркиби **es ist** ба забони тоҷикӣ дида мебароем. Дар аксари мавридҳо чунин ҷумлаҳо ба забони тоҷикӣ ба воситаи феъли ёридиҳандаи «**аст**» тарҷума карда мешавад, ки зимни таркиб шудан бо сифат ва ё исм хабари бешахси номиро ташкил медиҳад. Чунин ҷумлаҳо ҳангоми тарҷума ба забони тоҷикӣ маъмулан семантикаи бешахсӣ ва сохтори синтаксисии хешро ҳифз мекунанд.

Es ist schade [67, с. 34]. Дарёғ аст. Es ist doch selbstverständlich [67, с. 67].

Ҷумлаҳои бешахси олмониру бо таркиби **es wurde** дида мебароем. Чунин ҷумлаҳои бешахси олмонӣ ба забони тоҷикӣ бештар тавассути хабари таркибӣ ва ё хабари феълӣ ва феъли ёридиҳандаи **шудан** тарҷума карда мешаванд.

“Es wurde täglich sauber gemacht” [59, с. 10]. Он ҳар рӯз тоза карда шуд;

Ҳамин тариқ, мо тарҷумаи ҷумлаҳои бешахси олмониру ба забони тоҷикӣ мавриди баррасӣ қарор додем. Ҷумлаҳои бешахси олмонӣ маъмулан ба воситаи таркибҳои ҷонишини бешахси **es** бо феълҳои гуногуни ғайрифавол ифода карда мешаванд. Ба забони тоҷикӣ ин намуди ҷумлаҳои бешахс бештар ҳамчун ҷумлаҳои бешахс тарҷума мешаванд, аммо дар баъзе маврид интиқол ба забони тоҷикӣ дар шакли ҷумлаи дутаркиба ва хеле кам дар шакли ҷумлаҳои мураккаб сурат мегирад.

Бояд қайд кард, ки ҷумлаҳои бешахси олмонӣ бо **es war** ба забони тоҷикӣ бо феъли ёридиҳандаи **будан** тарҷума мешаванд. Ҷумлаҳои бешахси олмонӣ бо сохтори **es ist** ба забони тоҷикӣ бо бандаки хабарии **аст** ва ҷумлаҳои бешахси олмонӣ бо сохтори **es wurde** бо феъли ёридиҳандаи **шудан** тарҷума мешаванд. Бояд донист, ки чунин тарҷумаи ҷумлаҳои бешахси олмонӣ қоидаи мутлақ набуда, дар аксари маврид тарҷумаи ҷумлаҳои бешахси олмонӣ ба забони тоҷикӣ бо чунин тартиб сурат мегирад.

Боби шашуми рисола **“Навъҳои функционалӣ ва семантикии ҷумлаҳои унвонӣ дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ”** ном дошта, аз ҷаҳор фасл иборат мебошад.

Фасли якуми боби шашуми диссертатсия **«Ҷумлаҳои унвонӣ дар забонҳои олмонӣ ва тоҷикӣ: таърихи таҳқиқи масъала»** дар бораи масъалаи ташаккул ва рушди назарияи илмӣ дар бораи ҷумлаҳои унвонӣ дар забоншиносии олмонӣ ва тоҷикӣ баҳс мекунад. Дар он муносибатҳои асосии илмӣ нисбат ба муайян кардани мақоми онҳо, таркиб ва функсияҳои онҳо таҳлил карда шудаанд.

Теъдоди зиёди забоншиносон ба масъалаи ҷумлаҳои унвонӣ таваҷҷуҳ кардаанд. Дар таҳқиқи ин навъи ҷумлаҳо масъалаҳои пайдоиш, сохту таркиб, семантика ва услуби онҳо мавриди омӯзиш қарор дода шудааст [6; 7; 30; 43]. Типологияи ҷумлаҳои унвонӣ аз тарафи муҳаққиқоне аз қабили Е.М. Галкина-Федорук, В. В. Бабайтсева, П.А. Лекант, мавриди таҳқиқ шудаанд [2; 8; 20].

Вижагии ҷумлаҳои унвонӣ аз алоқамандии хусусияти морфологӣ ва синтаксисӣ иборат мебошад. Чунин хусусияти ҷумлаҳои унвонӣ дар таркибҳои муҳим мебошад, ки дар онҳо мубтадо бо исм ва дар ҳолати номӣ ифода ёфтааст. “Аз нуқтаи назари нахвӣ чунин хабар сарбории дугонаи грамматикиро бар дӯш дорад, аммо аз нуқтаи назари морфологӣ бошад, ҷумлаи

унвонӣ натанҳо сохтори синтаксисӣ, балки аломати луғавӣ бо нишонаи мушаххас низ мебошад” [24].

Таркибҳои унвонии мушаххаси объект одатан локализаторро ғаёл мекунад, ки барои он нуктаи ибтидоӣ номи объектӣ мавҷуда аст. Мундариҷаи он бошад, ба соҳае ишора мекунад, аъзоҳои пайрави нави ҳол доранд. Чунин ғаёлсозӣ аз ниёзи коммуникатсионӣ (иртиботӣ) барои нишон додани мавқеҳои фазоӣ ва замонии объектҳо дар таркибҳои унвонӣ бармеояд.

Инчунин субъектҳои унвоние вомерӯанд, ки дар онҳо объект- одамон чун иштирокчиёни воқеаҳо дар таркиб баромад мекунад. Чунин ҷумлаҳо одатан, матн соҳаи наздики ҳаёти инсон-объект, вазъияти ӯ, тавсифи зоҳирӣ ва амсоли инро дар бар мегиранд:

Оҳ, сарнавишти инсон [55, с. 9]! O Bestimmung des Menschen [51, с. 5]!

Ҷумлаҳои маишӣ ҳамчун ифодаҳои синтаксисии семантикаи мавҷудият баромад мекунад:

“Меҳмонхонаи Мирбадал. Ду тирезае, ки якеаш ба тарафи кӯча, дигараш ба тарафи ҳавлии дарун” [56, с. 79].

Барои таснифоти амиқ боз як ҳислати муҳими грамматикӣ таркиби ҷумлаҳои унвонӣ- тақсимнопазирии нахвӣи онҳоро қайд кардан лозим аст.

Аз рӯи нави таркиб ин ҷумлаҳо ба ҷумлаҳои ҳуллас ва тафсилӣ ҷудо кардан мумкин аст:

Сахт ё сабук [56, с. 283]? Не, рафиқ фармондеҳи артиш [56, с. 284]. Хуб, рафиқ генерал [56, с. 284]. Geliebte Rut [64, с. 77].

Ҳамин тариқ, метавон ҳулоса кард, ки ҷумлаҳои унвонӣ нави махсуси ҷумлаҳои яктаркиба буда, асоси грамматикӣ онҳоро мубтадо ташкил медиҳад. Хусусияти чунин ҷумлаҳо аз он иборат аст, ки онҳо дар ҳолати ҳозира муодил надоранд ва берун аз матн низ ҷумлаҳои комили пурра набуда, дорой сохтори ибораи мазмунӣ мебошанд.

Ҷумлаҳои унвониро ба навиҳои зерин ҷудо кардан

мумкин аст: ба монанди маишӣ, арзишдиҳӣ ва эмотсионалӣ. Аз ҷиҳати маъно, низ ҷумлаҳои унвониро фарқ кардан мумкин аст, ба мисли тавсифи ҳолатҳои табиат ва тавсифи ҳолатҳои инсон. Аз ҷиҳати маъно ҷумлаҳои номинативӣ хеле маҳдуданд, аммо ин ба яке аз воситаҳои намоёни ифодакунандаи синтаксисӣ будани онҳо таъсир надорад.

Дар фасли дуҷуми боби шашум **“Таснифоти ҷумлаҳои унвонӣ дар забони тоҷикӣ”** таснифоти ҷумлаҳои унвонӣ бар асоси андешаҳои донишмандони соҳа оварда шудааст.

Ҷумлаҳои унвониро дар забоншиносии муосири тоҷик ба навъи сохторию семантикии навъи яктаркибаи забони тоҷикӣ нисбат медиҳанд. Ҷумлаҳои унвонӣ дар қорҳои забоншиносони шуравӣ ва муосири тоҷик таҳқиқ шудаанд [18; 19; 15; 25; 26; 22; 23; 32; 35; 36; 42 ва диг.].

Дар забони тоҷикӣ ҷумлаҳои унвонии ҳабарӣ, саволӣ ва ҳитобӣ мавҷуданд:

Кафшхоятон, зани бовафо [57, с. 60]?

Дар забони тоҷикӣ ҷумлаҳои унвонии ҳуллас вомехӯранд, яъне бидуни аъзоҳои пайрави ҷумла:

“Бибиҷон” [57, с. 59]! “Чакка” [57, с. 59]? инчунин ҷумлаҳои тафсиلى бо аъзоҳои пайрави ҷумла, бештар дар шакли муайянкунанда вомехӯранд:

“Бӯи аҷиб” [57, с. 57]. “Домодатон серкор” [57, с. 60].

Дар забони адабии ҳозираи тоҷик ҷумлаҳои унвонии ба аъзоҳо ҷудошуда ва ҷумлаҳои унвонии ба аъзоҳо ҷудо нашуда мушоҳида мешаванд. Ҷумлаҳои унвонии ба аъзоҳо ҷудо нашуда дар забони тоҷикӣ метавонанд ҳам ҳуллас ва ҳам тафсиلى бошанд:

Дурӯғ [57, с. 101]! Рост [57, с. 18]! Мардак [57, с. 70]?

“Ҷумлаҳои унвонии ба аъзоҳо ҷудошуда дар забони тоҷикӣ метавонанд бо муайянкунандаҳои ҳолӣ ва объектӣ бошанд. Ҳар кадоме аз аъзоҳои ин ҷумлаҳо метавонанд ҳамчун ибора истифода шаванд” [19, с. 340].

Дар забони адабии ҳозираи тоҷик ҷумлаҳои унвонии тавсифӣ нисбатан зиёд буда, дар навбати худ онҳоро ба

гурӯҳҳои зерин чудо кардан мумкин аст:

1) ҷумлаҳои унвонӣ, ки макон ва амалро ифода мекунанд: “Марғзори канори дарёча” [54, с. 27].

2) ҷумлаҳои унвоние, ки падидаҳои табиӣ ва ҳолатро тавсиф мекунанд ва дар баъзе маврид чун муайянкунанда (детерминант)-ҳои муваққатӣ барои аъзои асосии ҷумла хизмат мекунанд:

“Ҳаво гарм” [57, с. 73]. “Хомӯшӣ” [57, с. 391].

3) ҷумлаҳои унвоние, ки табиатро ҳамчун объект ва пейзаж тавсиф мекунанд: “Зулол барин” [57, с. 192]. “Дашти ҳамвору якраг” [57, с. 5].

4) ҷумлаҳои унвоние, ки ҷамъомадҳои гуногунро номбар мекунанд: “Паи пой мардуми хабаргирӣ” [57, с. 391].

5) ҷумлаҳои унвонии тақлидӣ: “Шақ-шақ, шақара-шақ” [57, с. 112]! “Шав-шуви оби сойчае” [54, с. 5].

6) ҷумлаҳои унвоние, ки ҳолати эҳсосӣ, муҳити атроф, вазъияти иҷтимоиро тавсиф мекунанд: Кор бисёр [57, с. 63]. Мудирӣ дӯкон [54, с. 8].

7) ҷумлаҳои унвоние, ки дилхоҳ падида, субъектҳои амал ва амсоли онҳоро ифода мекунанд: Одамон [57, с. 92]. Бачаи Шайдо [57, с. 390].

Бояд зикр кард, ки ҷумлаҳои унвонии навъи тавсифӣ барои матнҳои бадеӣ хос буда, амалан дар нутқи шифоҳии забони адабии ҳозираи тоҷик истифода намешаванд.

Ҳамин тариқ, таҳлили ҷумлаҳои унвонии забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ аз он гувоҳӣ медиҳанд, ки вучуд надоштани феъл дар ин навъи ҷумлаҳо табиати системавӣ дорад. Ҷумлаҳои унвонӣ на барои ифодаи амал, балки барои тавсиф сохта мешаванд ва дорои имкони фарохи тасвирӣ мебошанд. Ин хусусияти онҳо ба он мусоидат мекунад, ки ҷумлаҳои унвонӣ дар матнҳои бадеӣ серистеъмол бошанд.

Фасли сеюми боби шашуми рисола **“Таснифоти ҷумлаҳои унвонӣ дар забони муосири олмонӣ”** ном дошта,

ҷумлаҳои унвониро дар забони олмонӣ дар асоси андешаҳои забоншиносон таҳлил менамояд.

Баъзе забоншиносони забони олмонӣ [49; 50 ва диг.) ҳамаи ҷумлаҳои яктаркиба, аз он ҷумла ҷумлаҳои унвониро берун аз меъёр, ҷумлаҳои номукаммал ва ҳатто бахше аз ҷумлаи “асил” меҳисобанд. Х. Бринкман чунин ақида дорад, ки “ҷумлаҳои унвонӣ дутаркибаанд, бо яктаркибагии қалбакӣ ва чунин мепиндорад, ки дутаркибагии онҳо ба вазъияти коммуникатсионӣ алоқаманд мебошад” [48, с. 460].

Дарқунӣ (персептивият) яке аз хусусиятҳои муҳимми ҷумлаҳои унвонӣ мебошад. Ин хусусияти ҷумлаҳои унвонӣ баёнгари он аст, ки онҳо як пораи дарки падидаи олами беруна мебошанд. Ҷумлаҳои унвонӣ ба ашё дар лаҳзаи мушоҳидаи бевосита ба он тавачҷуҳ мекунад. Дар ин қабил ҷумлаҳо анвои мухталифи дарки олам тавассути семантикаи исми нъякос меёбад:

Барои мисол, дар ҷумлаҳои унвонӣ метавонад навъҳои гуногун ба вучуд оянд:

1) дарки визуалӣ: Das unscharfe Schwarzweißbild. [67, с. 85]; Ein Mann mit hellen Haaren [67, с. 85];

2) дарки сомей: Die Schimpftiraden [67, с. 4];

3) дарки шомей: Süßlichen Duft verwelkender Blumen [67, с. 2];

4) дарки ламсӣ: Ein Kribbeln im Genick [67, с. 87];

Шарҳи маънои идрокӣ дар ҷумлаҳои унвонӣ метавонад тавассути унсурҳои зарфӣ амалӣ гардад. Ин унсурҳо мавқеи фазоии субъекти дарқкунандаро муайян мекунад, ки ҳамчун нуқтаи ибтидоии он намоён мешаванд:

Auf der untersten Treppenstufe [67, с. 97]. Hinter einem hohen Zaun [67, с. 100].

Дар натиҷа, ҷумлаи унвонӣ воҳиди синтаксисие мебошад, ки хусусиятҳои грамматикӣ он бевосита иқтидори назарраси услубӣ ва матнии онро муайян мекунад. Ҳамчун унсури матнсоз, он ба ташкили матни умумӣ фаъолоне мусоидат мекунад. Тавассути мундариҷаи бойи иттилоотӣ дар

якҷоягӣ бо сохти муъҷази худ, ҷумлаи унвонӣ як воситаи хуби матнсоз мебошад. Ғайр аз ин, чунин хусусиятҳои ҷудонашавандаи ҷумлаи унвонӣ, ба монанди дарк ва импликатсияи субъект, имкон медиҳад, ки тағйироти гуногуни сохторӣ ва семантикии матн ба амал ояд.

Фасли чоруми боби шашуми диссертатсия **“Усулҳои тарҷумани ҷумлаҳои унвонии тоҷикӣ ба забони олмонӣ ва тарҷумани ҷумлаҳои унвонии олмонӣ ба забони тоҷикӣ”** роҳҳои тарҷумани ҷумлаҳои унвонӣ дар забонҳои тоҷикӣ ва олмониро баррасӣ мекунад.

Ҷумлаҳои унвонӣ (номӣ) таркиби асосии нахвие мебошанд, ки мавҷудияти ашё, падида, ва вазъиятро бидуни зарурати зикри амал ва ҳаракат ифода меkunанд. Дар ҷаҳорҷӯбаи умумии интиқоли байнизабонии таркибҳои грамматикӣ, муқоисаи равишҳо барои ифодаи ном дар забонҳои аз ҷиҳати типологӣ гуногун сазовори тавачҷуҳи махсус мебошад.

Тарҷума ва интиқоли ҷумлаҳои унвонии олмониро ба забони тоҷикӣ баррасӣ мекунем:

1) маишӣ: Eine offenstehende Feuerschutztür [67, с. 248]. Дари муҳофизат аз сӯхтор, ки боз аст.

2) ишоратӣ: Bis zum nächsten Dorf [67, с. 248]. То деҳаи наздиктарин.

3) арзёбӣ: Zwei hässlichen, mehrstöckigen Bausünden [67, с. 6]. Ду хатои бисёртабақаи меъморӣи зишт; Hilflloser Zorn [67, с. 241]. Ғазаби бечорагӣ.

4) водоркунӣ–ҳоҳишмандӣ: Scheiße, Scheiße, Scheiße! [67, с. 118]. Лаънат! Punkt Aus [67, с. 19]! Нуқта. Тамом;

5) шахсии унвонӣ: Gregor Lauterbach [67, с. 45]. Грегор Лаутербах; Nadja von Bredow Надя фон Бредов [67, с. 3].

Ҷумлаҳои унвонии олмонӣ – инҳо ибораҳои кӯтоҳ ва ҷудогонае ҳастанд, ки дар забони тоҷикӣ (мисли бисёре аз забонҳои шарқӣ) аксар вақт барои муайян кардани далели мавҷудият, мансубият ё макон ба пайванди возеҳи грамматикӣ ё унсурҳои ёрирасон ниёз доранд.

жумлаҳои унвонии олмонӣ ба забони тоҷикӣ (ки аксар вақт ифодаи факт бидуни феъли sein – будан, мебошанд) бо се роҳи асосӣ тарҷума карда мешаванд:

а) тарҷума ба воситаи гурӯҳи сирф унвонӣ: Bis zum nächsten Dorf [67, с. 248]. То деҳаи наздиктарин;

б) тарҷума ба воситаи тасдиқи будан/набудан (бо истифодаи феълҳои ёридиҳанда): Eine offenstehende Feuerschutztür [67, с. 248]. Дари муҳофизат аз сӯхтор, ки боз аст.

в) тарҷумаи ҷумлаҳои шахсии номӣ: Nadja von Bredow Нада фон Бредов [67, с. 3].

Акнун тарҷумаи ҷумлаҳои унвонии тоҷикиро ба забони олмонӣ дида мебароем.

1) маишӣ: Муддао якта [56, с. 192]. Das Ziel ist nur eines.

2) ишоратӣ: Ин ҳоло аз нӯги ҳамир фатир [56, с. 30]; Das ist jetzt nur der Anfang; Ҳӯӯ, ана! [57, с. 54].

3) арзёбӣ: Ҳаминаш давлати калон [56, с. 87]; Das ist der wahre Reichtum;

4) водоркунӣ-ҳоҳишмандӣ: Ихтиёрат, писар [56, с. 122]! Dein Wille, mein Sohn!

5) шахсии номӣ: Мудири дӯкон [54, с. 8]. Der Ladenleiter;

Тарҷумаи ҷумлаҳои унвонии тоҷикӣ низ ба воситаи се роҳ сураат мегирад. Яке аз онҳоро мо болотар дида баромадем ва он ба таври истисноӣ зимни тарҷумаи ҷумлаҳои унвонии шахсии номӣ истифода мешавад ва комилан ба ҷумлаҳои унвонии шахсии номии олмонӣ, ки ба тоҷикӣ тарҷума мешаванд, мушобеҳ мебошанд.

Тарзҳои тарҷумаи дигар навҳои ҷумлаҳои унвонӣ аз забони тоҷикӣ ба забони олмонӣ инчунин мушобеҳи тарҷума аз забони олмонӣ ба забони тоҷикӣ мебошанд, чунки ба ду нуқтаи баён алоқаманданд: ё ба семантикаи унвонӣ ва ё ба феълӣ будан.

а) тарҷума ба воситаи гурӯҳи сирф унвонӣ:

Бегоҳони тирамоху зимистон [57, с. 58]. Die Abende des Herbstes und Winters.

б) тарҷума ба воситаи тасдиқи будан/набудан (бо истифодаи феълҳои ёридиҳанда): Дашт сабз. [57, с. 47]. Die Steppe ist grün.

Наҳви олмонӣ ба таври қатъӣ дар ҷойҳое, ки бандаки хабарии (ist/sind)-ро талаб мекунад, дар забони тоҷикӣ он ғуруғузур карда мешавад. Ин барои он ки ҳолат ва аслиятро ифода кунад ва ҷумлаҳои яктаркибаи забони тоҷикӣ ҳангоми тарҷума ба забони олмонӣ ба ҷумлаҳои дутаркиба табдил ёбанд. Ин маълум мекунад, ки ҷумлаҳои сирф маишӣ ва арзёбии олмонӣ дар қиёс бо ҷумлаҳои тоҷикӣ (ва кулан дар забонҳое, ки бандаки хабарӣ ғуруғузур карда мешавад) доираи истифодаи маҳдуд доранд. Агар ҷумлаҳои маишӣ дар забони тоҷикӣ аксаран сифати унвонии ҳудро ҳифз карда тавонанд, пас ҷумлаҳои ишоратӣ дар нисфи ҳолатҳо ба ҷумлаҳои дутаркибаи забони олмонӣ табдил меёбанд.

ХУЛОСА

Ҳамин тариқ, аз натиҷаи ин таҳқиқ хулоса мекунем. Асоси концепсияи Шахматов дар бораи ҷумла мафҳуми коммуникатсияи психологӣ мебошад, ки аъзоҳои ҳатмии он ин субъекти психологӣ ва дар муносибатҳои маъноӣ хабар мебошад, ки онро муҳаққиқ алоқаи хабарӣ номидааст. Таҳлили адабиёти илмӣ дар бораи масъалаи таҳқиқшаванда имкон медиҳад чунин натиҷагирӣ намоем: 1) барои ҷудо кардани ҷумлаҳои яктаркиба ба сифати навъи махсуси ҷумла метавонад аломатҳои гуногун пешниҳод карда шавад; б) дар масъалаи муайян кардани аъзои асосии ҷумлаи яктаркиба имрӯз ҳам ҳамфикрии ягона вучуд надорад.

Таҳлили наҳвии давраи классикӣ дар бораи фаъолияти ҳамаи навъҳои ҷумлаҳои яктаркиба дар забони тоҷикӣ гувоҳӣ медиҳад. Агар таърифҳое, ки дар диссертатсия дар бораи ҷумлаҳои яктаркибаи забони тоҷикӣ оварда шудаанд, ба назар гирем, пас хусусияти вижаи онҳо мавҷуд набудани аъзои асосии дуюм мебошад. Мутобик ба таҳлили қорҳои муҳаққиқони тоҷик ва таҳқиқи он дар диссертатсия метавон дар бораи истифодаи васеи ҷумлаҳои муайяншахс дар забони адабии ҳозираи тоҷик изҳори назар намуд.

Вазъияти ҷумлаҳои яктаркиба дар забони олмонӣ дар замони муосир чунин аст, ки таҳқиқи чунин ҷумлаҳо дар назарияи умумии ҷумла ва пойгоҳи дақиқи назариявӣ роҷеъ ба ҷумлаҳои яктаркиба сурат гирифта, дар олмоншиносии муосир то ҳол чунин пойгоҳе созмон наёфтааст.

Дар ин қор зери мафҳуми ҷумлаҳои муайяншахс дар забони тоҷикӣ дар пайравӣ ба назарияҳои М.Н. Қосимова, М.Норматов ва Р.Д. Салимов ҷумлаҳои яктаркибае фаҳмида мешавад, ки аъзои асосии онҳо ба воситаи феълҳои ҳамаи замонҳо ва сифаҳо ва феълҳое, ки шаклҳои онҳо ба шахси мушаххаси иҷрокунандаи амал ишорат мекунад, ифода карда мешавад.

Натиҷаи шаш боби таҳқиқи ҷумлаҳои яктаркибаи забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ ба чунин хулосаҳои зерин оварданд:

1. Ҷумлаҳои муайяншаҳс шахсро тавассути хабар ифода мекунад, аз ин рӯ, онро дар шакли мубтадо тақрор намекунад. Дар забони тоҷикӣ ҷумлаҳои муайяншаҳс ҳеҷ гоҳ мубтадо надоранд. Ҷумлаҳои муайяншаҳсе, ки ҷонишини ифодакунандаи иҷрокунанда надоранд, бо имконоти хабар-феъл, ки шахсро ба воситаи анҷомаҳои феълӣ ифода мекунад, дар меъёри таърихӣ мебошанд. Дар забони тоҷикӣ феълҳо қобилияти ифодаи онро дар дилхоҳ замон ва ҷағҳа доранд. Дар забони олмонӣ бошад, феъл метавонад шахсҳои гуногунро ифода кунад, аз ин рӯ, дар забони олмонӣ ҷумлаҳои муайяншаҳс вучуд надоранд [6-М].

2. Барои забони тоҷикӣ истеъмоли васеи ҷумлаҳои муайяншаҳс ҳос мебошад, чунки онҳо имкон фароҳам меоваранд, ки аз тақрори ҷонишинҳои шахсӣ худдорӣ карда шавад. Барои забони тоҷикӣ ҷумлаҳои муайяншаҳс бинобар хусусияти дар боло зикршудаи феълҳои тоҷикӣ ҳеле муҳим мебошанд. Истифодаи ҷумлаҳои муайяншаҳс дар матнҳои адабӣ низ муҳим аст, зеро он ба таҳаввул, зиндадилӣ ва табиӣ ривоят мусоидат намуда, сатҳи ифодаро баланд мебардоранд. Ҳамчунин, истифодаи ҷумлаҳои муайяншаҳс бешубҳа, дар матни адабӣ тавачҷуҳи хонандаро ба муҳимтарин нуктаи нависанда равона мекунад [9-М].

3. Таснифоти ҷумлаҳои муайяншаҳс ҳафт гурӯҳро дар бар мегирад. Тарҷумаи ҷумлаҳои муайяншаҳси тоҷикӣ ба забони олмонӣ аксар вақт ҳеле душвор аст, зеро ҷумлаҳои муайяншаҳс ҳамчун навъ дар забони олмонӣ вучуд надоранд. Якҷанд роҳҳои тарҷумаи ҷумлаҳои муайяншаҳси забони тоҷикӣ ба забони олмонӣ мавҷуд мебошанд. Маъмултарини онҳо тарҷума дар шакли ҷумлаи дутаркиба бо барқарор кардани ҷонишини мубтадо мебошад. Инчунин тарҷумаҳо дар шакли ҷумлаи номуайяншаҳси яктаркиба ва

ҷумлаҳои яктаркибаи масдарӣ ба қайд гирифта шудаанд. Тарҷумаи ҷолибтарин барои тарҷумон ҷумлаи бешахс аст, зеро ин навъи тарҷумаи ҷумлаҳои муайяншахси тоҷикӣ аз нав коркарди назарраси маъноӣ аслиро талаб мекунад ва ҳамзамон муҳтавои онро нигоҳ медорад **[10-М]**.

4. Навъҳои тарҷумаи ҷумлаҳои муайяншахси тоҷикӣ ба забони олмонӣ вобаста ба ҷиғ ва шахси ҷумлаи аслии тоҷикӣ фарқ мекунанд. Ҳамин тариқ, хабари онҳо бо феъл дар ҷиғи хабарӣ ва шартӣ дар забони олмонӣ дар шакли ҷумлаҳои дутаркиба ифода меёбад, дар сурате, ки хабари ҷумлаҳо бо феъл дар ҷиғи амрӣ ифода меёбад, чунин тарҷума бахши камтари мисолҳоро дар бар мегирад.

5. Бояд қайд кард, ки ҷумла бо хабари дар шакли феъл ифода шуда бо шумораи танҳо бештар дар тарҷума ба забони олмонӣ ба ҷумлаи умумишахс табдил меёбад, дар сурате, ки хабари ҷумлаи бо феъл дар шакли шумораи ҷамъ ифода шуда, аксаран дар тарҷума ба забони олмонӣ ба ҷумлаи номуайяншахс мубаддал мегардад.

6. Ҳамаи мисолҳои таҳлилшуда ҷумлаҳои умумишахси хабарашон бо феъл ифодашуда дар шакли шахси якуми шумораи танҳо буда, ба забони олмонӣ фақат дар шакли ҷумлаи дутаркиба тарҷума карда шудаанд. Ҷумлаҳои муайяншахси тоҷикӣ ба таври кофӣ дар шакли ҷумлаҳои бешахс ва масдарӣ ба забони олмонӣ тарҷума карда шуда истодаанд. Дар айни ҳол тарҷумаи ҷумлаҳои муайяншахс дар шакли ҷумлаҳои унвонӣ ҳамагӣ 3 маротиба вомахӯранд, ки 2 маротибаи онҳо мисоли тарҷумаи ҷумлаи муайяншахс бо хабари ифодашуда бо феъли ҷиғи амрӣ мебошад **[13-М]**.

7. Илова бар омилҳои семантикӣ ва иттилоотӣ, инчунин омилҳои мушаххасе, ки хусусияти яктаркибагии ҷумлаҳоро муайян мекунанд, бояд ба назар гирифта шаванд. Барои забони тоҷикӣ ҷумлаҳои номуайяншахс ва тарҷумаи онҳо ба забони олмонӣ чунин омилҳо муҳим мебошанд:

а) омили матнию нутқӣ, ки татбиқи нақшаи нопурраро

асоснок мекунанд: (яъне, фурӯгузори бахши ҳатмӣ ва ё эҳтимолии ҷумла)

б) омили коммуникатсионӣ иттилоотӣ, ки ҷумлаҳои яктаркибаро ҳамчун воситаи ягона ва ё муносиби таҳия, интиқол ва ҳифзи ин ё он маълумотро дар забони мушаххас муайян мекунанд.

8. ҷумлаҳои номуайяншахс шомил аломатҳои зерин мебошанд: а) набудани мубтадо ва имкони барқарор намудани он аз матн; б) ифодаи хабар бо феъли шахси сеюми замони гузашта, ҳозира ва оянда. Набудани мубтадо дар ҷумлаҳои номуайяншахс, ба мисли ҷумлаҳои нопурра ва ҷумлаҳои бешахс, ҳодисаи тасодуфӣ набуда, балки мувофиқи мақсад мебошад [11-М].

9. Шартҳои асосии ғайриимконии ҷумлаҳои номуайяншахс забони тоҷикӣ инҳо мебошанд: а) иҷрои амал аз ҷониби шумораи зиёди одамон, дар ҳоле ки шумораи зиёди одамон номбар кардани онҳоро ғайриимкон мегардонад; б) номуайянии субъект; в) набудани зарурати номбар кардани субъект, зеро зикри иштирокчиён ба мундариҷа ва мақсади баён таъсир намерасонад.

10. Дар забони тоҷикӣ ду намуди сохторӣ ва семантикии ҷумлаҳои номуайяншахсро фарқ кардан мумкин аст: а) ҷумлаҳои номуайяншахс бо мубтадои номаълум; б) ҷумлаҳои номуайяншахсе, ки иҷрокунандаи амалашон ба ҳама маълуманд, бинобар ин муайян кардани иҷрокунандаи амали онҳо лозим нест; в) ҷумлаҳои номуайяншахсе, ки дар онҳо иҷрокунандаи амалашонро дар асоси амалҳое, ки онҳо анҷом медиҳанд, тахмин кардан мумкин аст; г) ҷумлаҳои номуайяншахсе, ки аз онҳо метавон хулоса кард, ки иҷрокунандаи амалашон барои шунавандагон маълуманд, зеро заминаи муайяни амалҳо вучуд дорад; д) ҷумлаҳои номуайяншахсе, ки аз мундариҷаи онҳо муайян кардани иҷрокунандаи амал ғайриимкон аст, аммо матн имкон медиҳад, ки ин кор анҷом дода шавад; е) ҷумлаҳои номуайяншахсе, ки мундариҷаи он имкон медиҳад, шахсияти иҷрокунандаҳои амал дар асоси матн тахмин

карда шавад [12-М].

11. Хусусияти хоси ҷумлаҳои номуайяншаҳс дар забони олмонӣ бо он муайян карда мешавад, ки ҷумлаи олмонӣ бе мубтадо сохта намешавад. Барои ифодаи номуайянии мубтадо, дар забони олмонӣ ҳамчун мубтадо ҷонишини махсуси номуайянии «man» - ро истифода мебаранд. Бар хилофи забони тоҷикӣ, ҷумлаи номуайяншаҳси олмонӣ ба таври техникӣ субъекти грамматикиро дар шакли ҷонишинҳои махсус ифода мекунад. Аммо номуайянии семантикии ин ҷонишин фаъолияти онро ҳамчун иҷрокунада коҳиш намедиҳад; он танҳо таваҷҷуҳи маъноро аз истехсолкунада ба амали иҷрошаванда интиқол медиҳад. Илова ба ҷонишини шахсии номуайянии *man*, дар забони олмонӣ инчунин ҷонишини шахси сеюм шумораи ҷамъи *sie* -ро дар ҷумлаҳои номуайяншаҳс истифода мебаранд. Бар хилофи забони тоҷикӣ, ҷумлаи номуайяншаҳси олмонӣ аз ҷиҳати техникӣ дорои мубтадои грамматикӣ дар шакли ҷонишинҳои махсус мебошад. Аммо номуайянии семантикии ин ҷонишин фаъолияти онро ҳамчун шахси фаъл коҳиш намедиҳад; он танҳо таваҷҷуҳи маъноро аз истехсолкунада ба амали иҷрошаванда интиқол медиҳад. Илова бар истифодаи ҷонишини номуайяншаҳси *man*, дар забони олмонӣ инчунин дар ҷумлаҳои номуайяншаҳс метавонад ҷонишини шахси сеюм *sie* дар шакли ҷамъ мавриди истифода қарор дода шавад [11-М].

12. Ҷумлаҳои номуайянишаҳси тоҷикӣ вобаста ба таркиб ва тафсилӣ будани хеш ба забони олмонӣ дар шаклҳои зерин тарҷума карда мешавад; а) ҷумлаҳои содаи дутаркиба; б) ҷумлаҳои бешаҳс; в) ҷумлаҳои содаи дутаркибаи мураккабгардонидашудаи чидааъзо; г) ҷумлаҳои мураккаби пайваст; д) ҷумлаҳои мураккаби бепайванд; е) ҷумлаҳои мураккаби тобеъ ё ҷумлаи содаи дутаркиба бо хабарҳои чида.

13. Ҷумлаҳои олмоние, ки ба забони тоҷикӣ ҳамчун ҷумлаҳои номуайяншаҳс тарҷума карда мешаванд, онҳоро мо метавонем ба навъҳои зерин ҷудо намоем: а) ҷумлаҳои

номуайяншахс бо ҷонишини номуайянии «тап»; б) ҷумлаҳои бешахс ва масдарӣ; в) ҷумлаҳои дутаркиба бо мубтадое, ки бо ҷонишини шахсии шахси сеюми шумораи ҷамъ *sie* ифода ёфтааст; ҷумлаҳои дутаркибаи дорои мубтадоҳои гуногун, ки иҷрокунандаи амалро бевосита номбар мекунад; ҷумлаҳои мураккаби пайваст [25-М].

14. Ҷумлаҳои умумишахси забони тоҷикӣ дар ҳамаи сабқҳои нутқ ба таври васеъ истифода мешаванд. Ҷумлаҳои умумишахс аксар вақт бо феъли шахси дуҷуми шумораи танҳо истифода мешаванд, бештар дар шакли сиғаи хабарӣ на дар шакли сиғаи амрӣ ва бештар дар шакли феълӣ замони ҳозира истифода мешаванд. Ҳамин тариқ, семантика ва функсияи ин навъи ҷумларо метавон ҳам ба умумӣ будани он ва ҳам ба ҳуди шакли феъл нисбат дод. Аз ин рӯ, ҳуди шакли феъл хусусияти асосии ин навъи ҷумла мебошад [14-М].

15. Хусусияти фарқкунандаи ҷумлаи умумишахси забони тоҷикӣ истифодаи он дар замони ҳозира-оянда мебошад. Забони тоҷикӣ инчунин шаш шакли сиғаи хабарӣ дорад, ки имкон медиҳад доираи васеътари маъноҳои умумишахсӣ мавҷуд бошад. Омили дигари муҳим истифодаи пешояндҳои номӣ дар забони муосири тоҷикӣ мебошад, ки пешояндҳои феълиро бо феълҳои сифатӣ, сифатҳо ё ҳатто исмҳо иваз мекунад. Маъно ва тарзи умумӣ, умумӣ будан, объективӣ ва уҳдадорӣ бетағйир боқӣ мемонад [13-М].

16. Ҷумлаҳои умумишахсии забони тоҷикӣ бо истифода аз ҷонишинҳои *du* ва *Sie* ба забони олмонӣ тарҷума карда мешаванд. Ҳамин тариқ, ҷумлаҳои яктаркибаи умумишахсии забони тоҷикӣ ҳангоми тарҷума ба забони олмонӣ ба ҷумлаҳои дутаркиба табдил ёфта, маънои умумишахсии худро ҳифз мекунад. Якҷанд мавридҳои низ ба қайд гирифта шудаанд, ки ҷумлаҳои умумишахси забони тоҷикӣ ҳамчун ҷумлаҳои бешахс ба забони олмонӣ тарҷума карда шудаанд. Мисоли дигаре дарёфт шуд, ки дар он субъекте, ки дар матни асли тоҷикӣ вучуд надошт, дар тарҷумаи олмонӣ барқарор карда шуд ва бо ин васила ҷумла

маънои умумишахсии ҳешро аз даст дод.

17. Ҷумлаҳои бешахси забони тоҷикӣ метавонанд нозукиҳои гуногуни маъноӣ ва моддиро, аз қабилӣ имкон/ғайриимкон, зарурат, уҳдадорӣ ва ҳолатро ифода кунанд [21-M].

Дар забони тоҷикӣ панҷ навъи сохторӣ ва семантикии ҷумлаҳои бешахс мавҷуд мебошанд. Сохтори ҷумлаи бешахси забони тоҷикӣ дорои мутобикати аниқу дақиқ ба аъзои ҷумла намебошанд, зеро чунин ҷумлаҳо ҳолат, падида ё равандеро тавсиф мекунанд, ки иҷрокунандаи онҳо мустақил аст ва ба онҳо ҳеҷ гуна ишора намекунад. Асоси марказии чунин ҷумлаҳоро одатан, хабарҳои феълӣ ё номӣ ташкил медиҳанд, ки ба аъзоҳои пайрави ҷумла алоқаманд мебошанд.

18. Дар забони олмонӣ типологияи бой ва гуногуни ҷумлаҳои бешахс ошкор гардидаанд, аммо аксарияти онҳо ҷонишини бешахси **es**–ро мавриди истифода қарор медиҳанд. Вазифаи асосии ҷумлаҳои бешахс дар забони адабии ҳозираи олмонӣ аз нишон додани амал ё ҳолат бидуни иҷрокунанда мебошанд. Сохторҳои **es gibt** ва **es handelt** дар байни мисолҳо аз ҳама дида зиёд воমেҳӯранд. Инчунин навъи паҳнғашта сохторҳои **es ist** ва **es war** мебошанд [20-M].

19. Ҷумлаҳои бешахси тоҷикӣ метавонанд ба забони олмонӣ ҳамчун ҷумлаҳои бешахс бо истифода аз ҷонишинҳои бешахси **es**, бо истифода аз ҷонишини номуайяншахси **man** ва бо истифода аз сохторҳои масдарӣ, ҳамчун ҷумлаҳои дутаркиба тарҷума карда шаванд. Дар ҳолатҳое, ки объект дар тарҷума ба субъект табдил меёбад ва феъл аз таъсир ба объект, ба амал қардан ба субъект тағйир меёбад; ҳамчун ҷумлаҳои дутаркиба, дар ҳолатҳое, ки дар ҷумлаи тоҷикӣ пасванди соҳибӣ пайдо мешавад, ки дар тарҷумаи олмонӣ ба ҷонишинҳои шахсӣ табдил меёбад.

20. Ҷумлаҳои бешахси тоҷикии тафсилӣ ҳангоми тарҷума ба забони олмонӣ метавонанд ба ҷумлаҳои мураккаби бепаивандак ва ё ҷумлаҳои мураккаби тобеъ, ки аз ҷумлаҳои бешахс ва ё масдарӣ иборат мебошанд, табдил

ёбанд.

21. Ҷумлаҳои бешаҳси олмонӣ ҳангоми тарҷума ба забони тоҷикӣ аксар ҳамчун ҷумлаҳои бешаҳс тарҷума карда мешаванд, аммо дар баъзе маврид тарҷума ба забони тоҷикӣ дар шакли ҷумлаи дутаркиба ва ба таври хеле кам дар шакли ҷумлаҳои мураккаб сураат мегирад. Ҷумлаҳои бешаҳси олмонӣ бо **es war** бо феъли ёридиҳандаи будан ва ҷумлаҳои бешаҳси олмонӣ бо **es ist** бо бандаки хабарии аст ва ҷумлаҳои бешаҳси олмони **es wurde**, бо феъли ёридиҳандаи шудан тарҷума карда мешаванд. Чунин шакли тарҷума ҳатмӣ нест, аммо хеле зиёд аст [18-M].

Ҷумлаҳои унвонӣ аз тарафи муаллиф ҳамчун воситаи муассири услубӣ барои ба даст овардани кӯтоҳӣ ва ихчамӣ, динамикӣ ва ҳолати эҳсосӣ мавриди истифода қарор дода мешаванд, чунки онҳо якбора ба далел ишора карда, сарбории наҳвии феълро сарфи назар мекунанд.

Ҳамин тариқ, метавон хулоса кард, ки ҷумлаҳои унвонӣ нави маҳсули ҷумлаҳои яктаркиба буда, асоси грамматикӣ онҳоро мубтадо ташкил медиҳад. Вижагии ин нави ҷумлаҳо аз он иборат аст, ки онҳо муодил надоранд ва берун аз матн ҳатто бо доштани сохтори ибораи мазмунӣ ҷумлаҳои комил маҳсуб намеёбанд.

22. Ҷумлаҳои унвониро метавон ба намудҳои зерин ҷудо намуд: маишӣ, ишоратӣ, арзёбӣ, амриву хоҳишмандӣ ва шахсию номӣ. Аз нуқтаи назари семантикӣ метавон ҷумлаҳои унвониро ҷудо кард, ки шомили тавсифи табиат ва ҳолати инсон мебошанд. Аз ҷиҳати маъно ҷумлаҳои унвонӣ хеле маҳдуданд, аммо ин монё барои яке аз воситаҳои намоёнтарини ифодакунандаи синтаксисӣ будани онҳо нест.

Ҷумлаҳои унвонӣ метавонанд шомили маъноҳои зерини модалӣ бошанд: боварӣ/нобоварӣ, тақвияти эмотсионалӣ, таҳмин ва амсоли инҳо. Модалият дар ҷумлаҳои унвонӣ тавассути калимаҳои модалӣ ва ҳиссаҳо ифода мегардад [22-M].

23. Таҳлили ҷумлаҳои унвонии забонҳои тоҷикӣ ва

олмонӣ нишон медиҳад, ки набудани феъл дар ин сохторҳо дорои табиати системавӣ мебошад. Ҷумлаҳои унвонӣ на ба хотири ифодаи амал сохта мешаванд, балки онҳо хусусияти тасвирӣ доранд ва аз ин рӯ, дорои имконоти бузурги тасвирӣ мебошанд. Ин хусусиятҳо барои истифодаи васеи онҳо дар матнҳои бадеӣ мусоидат мекунад.

24. Забони олмонӣ барои тасдиқи ҳолат ё худмуаррифӣ (ҷумлаҳои маишӣ ва арзёбӣ) хабари феълиро қатъиян талаб мекунад. Аммо он феълҳои унвониро дар гурӯҳҳои пешниҳоди масъалаҳо, ҷумлаҳои номии тасвирӣ ба осонӣ қабул мекунад, ки ба он имкон медиҳад, мухтасарӣ ва таъкиди аслии тоҷикиро нигоҳ дорад.

25. Ҷумлаҳои шахсии номӣ шаклҳои сирф ҷумлаҳои унвонӣ буда, нисбатан устувор забон мебошанд. Дар ҳарду забон онҳо шакли бе феъл худро нигоҳ медоранд, зеро вазифаи онҳо номгузорӣ ва муайянкунии фаврӣ мебошад. Дар забони тоҷикӣ онҳо изофаро истифода мебаранд ва дар забони олмонӣ бошад, онҳо барои пайваستшавӣ артиклҳо ва ҳолати падежи родителиро истифода мебаранд, ки бе зарурати хабари феълист. Ҳоло номҳо бевосита бо тарҷумаи одӣ ирсол мешаванд[27-М].

Ҷумлаҳои маишӣ ва арзёбӣ ҳангоми интиқоли таркибҳои, ки вучуд, ҳолат ё арзёбии субъективӣ доранд, бузургтарин тафовутро дар синтаксис нишон медиҳанд.

26. Моҳияти ҷумлаҳои унвонии тоҷикиро метавон изофа ҳисобид: Дар забони тоҷикӣ изофа ҳамчун механизми асосии грамматикӣ хизмат мекунад, ки имкон медиҳад, бандаки хабарии аст дар ибораҳои ифодакунандаи мавҷудият ва арзёбӣ истифода нашавад. Изофа исмҳоро бо хусусиятҳои онҳо пайваст мекунад ва ибораи статикӣ, вале иттилоотӣ эҷод мекунад.

Аммо, наҳви олмонӣ ба таври қатъӣ ифодаи бандаки хабарии **ist/sind**-ро талаб мекунад, махсусан барои тасдиқи шахсият ё арзёбии маҷозӣ. Дар ин ҳолатҳо, бефеълии тоҷикӣ ба манфиати пуррагии грамматикӣ дар ҷумлаи олмонӣ сарфи

назар карда мешавад.

Чумлаҳои унвонии ишоратӣ, ки диққатро ба макон ё ашё равона мекунад, инчунин устувории баландро нишон медиҳанд, ки аз тоҷикӣ ба олмонӣ ва аз олмонӣ ба тоҷикӣ бетағйир тарҷума карда мешаванд [22-М].

27. Чумлаҳои амрӣ-хоҳишмандӣ, ки ирода, насихат ё эҳсосро ифода мекунад, низ ба осонӣ бефезлиро нигоҳ медоранд, зеро ҳарду забон аз исмҳои нидой ва формулаҳои устувор истифода мебаранд. Ягона истисно, ки тақозои тафсирро талаб мекунад, чумлаҳои унвонии манфӣ ва категориявӣ мебошанд, ки дар тоҷикӣ маҷбур аст, ки барои таъмини равшании грамматикӣ ҳиссаҳои «**не**ст» ва ё «**не**»-ро ба таври возеҳ истифода барад [27-М].

Дар маҷмӯъ, забони тоҷикӣ нисбат ба унвониҳо хеле таҳаммулпазир аст ва изофаро ҳамчун як нусхаи универсалӣ барои ибораҳои исмӣ истифода мебарад. Ин ба он имкон медиҳад, ки фишурдаҳои услубии чумлаҳои унвонии олмониро бомуваффақият интиқол диҳад. Номувофиқатӣ танҳо вақте ба вучуд меояд, ки синтаксиси олмонӣ феъли возеҳи «**sein**»-ро барои тасдиқи шахсият ё ҳолат қатъиян талаб кунад, дар ҳоле ки дар забони тоҷикӣ он норавшан боқӣ мемонад.

ТАВСИЯҲО ДОИР ИСТИФОДАИ АМАЛИИ НАТИҶАҲОИ ТАҲҚИҚ

Бар асоси натиҷаҳои таҳқиқ, тавсияҳои илмӣ зерин таҳия шудаанд, ки барои беҳтар кардани омӯзиши назариявӣ ва амалии намудҳои функционалӣ-семантикии чумлаҳои яктаркиба дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ равона карда шудаанд.

Мавод ва хулосаҳои таҳқиқотро метавон дар таълими фанҳои назариявӣ ва амалии забоншиносӣ, аз ҷумла курсҳои забоншиносии муқоисавӣ, грамматикаи назариявӣ ва амалии забонҳои олмонӣ ва тоҷикӣ, инчунин дар курсҳои, ки ба омӯзиши синтаксиси чумлаҳои сода ва хусусиятҳои

функционалӣ-семантикии ҷумлаҳои яктаркиба дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ бахшида шудаанд, истифода бурд.

1. Маввод ва натиҷаҳои ин таҳқиқро метавон ҳамчун асоси бозғамоди илмӣ барои омӯзиши хусусиятҳои функционалӣ-семантикии ҷумлаҳои яктаркиба дар забонҳои дорои системаҳои гуногун, бахусус, забонҳои олмонӣ ва тоҷикӣ, инчунин барои муайян кардани усулҳои интиқоли муносиби онҳо ҳангоми тарҷума аз забони тоҷикӣ ба забони олмонӣ ва аз забони олмонӣ ба забони тоҷикӣ ҳисобид.

2. Натиҷаҳои ин таҳқиқро метавон дар таҳқиқоти илмӣ, инчунин дар таҳияи барномаҳои таълимӣ ва баррасии масъалаҳои гуногуни марбут ба хусусиятҳои функционалӣ ва семантикии ҷумлаҳои яктаркиба дар забонҳои системаҳои гуногун, муайян кардани хусусиятҳои сохторӣ-синтаксисӣ, семантикӣ ва коммуникативӣ-прагматикии онҳо, инчунин муайян кардани хусусиятҳои фаъолияти онҳо дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ истифода бурд.

3. Натиҷаҳои ин таҳқиқотро метавон дар таҳқиқоти илмӣ, инчунин дар таҳияи барномаҳои таълимӣ ва баррасии масъалаҳои гуногуни марбут ба хусусиятҳои функционалӣ ва семантикии ҷумлаҳои моносемантикӣ дар забонҳои системаҳои гуногун, муайян кардани хусусиятҳои сохторӣ-синтаксисӣ, семантикӣ ва коммуникативӣ-прагматикии онҳо, инчунин муайян кардани хусусиятҳои фаъолияти онҳо дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ истифода бурд.

4. Маводи рисола метавонад ҳамчун заминаи назариявӣ ва амалӣ барои таҳқиқоти минбаъда дар соҳаҳои синтаксиси муқоисавӣ, грамматикаи функционалӣ, типологияи забон ва омӯзиши тарҷума хизмат кунанд. Ғайр аз ин, натиҷаҳои тадқиқ метавонад дар таҳлили матнҳои адабӣ, рӯзноманигорӣ ва гуфтугӯӣ, инчунин дар таълими забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ дар муассисаҳои таҳсилоти олӣ истифода шаванд.

5. Натиҷаҳои рисоларо метавонанд дар тайёр кардани забоншиносон ва омӯзгорони забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ, инчунин дар таҳқиқот дар соҳаи забоншиносӣ, бахусус, дар соҳаи забоншиносии муқоисавӣ истифода шаванд. Онҳо

инчунин метавонанд дар таҳияи васоити таълимӣ ва маводи методӣ, инчунин дар ташкили дарсҳои амалӣ оид ба грамматика ва синтаксис муфид бошанд. Ғайр аз ин, натиҷаҳо ба донишҷӯён кумак меkunанд, ки хусусиятҳои сохторҳои синтаксисиро дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ беҳтар дарк кунанд ва ин донишро дар амалияи таҳлил ва тарҷумаи худ татбиқ кунанд.

6. Таҳқиқоти анҷомдодашудаи намудҳои функционалӣ-семантикии ҷумлаҳои яктаркиба дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ нишон дод, ки баъзе масъалаҳои синтаксисӣ, бахусус дар ҷаҳорҷӯбаи забоншиносии муқоисавӣ, ба таври нокифоя баррасӣ шудаанд ва ба таваҷҷуҳи бештари тадқиқот ниёз доранд. Аз ҷумла, ин ба муайян кардани дақиқтари намудҳои функционалӣ-семантикии ҷумлаҳои яктаркиба, хусусиятҳои истифодаи онҳо ва хусусиятҳои тарҷумаи онҳо байни забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ дахл дорад. Натиҷаҳои бадастоварда зарурати омӯзиши минбаъдаи ҳамаҷонибаи ин падидаҳоро бо истифода аз доираи васеътари маводи забонӣ ва усулҳои муосири таҳлили забонӣ тасдиқ меkunанд.

7. Натиҷаҳои ин таҳқиқоти намудҳои функционалӣ ва семантикии ҷумлаҳои яктаркиба дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ нишон медиҳанд, ки сарфи назар аз шумораи зиёди асарҳое, ки ба сохторҳои синтаксисӣ бахшида шудаанд, масъалаҳои муайян кардани равшани онҳо ва тавсифи муқоисавӣ ҳанӯз ҳам ба қадри кофӣ таҳия нашудаанд. Аз ҷумла, ин ба таърифи навъҳои функционалии ҷумлаҳои яктаркиба инчунин муайян кардани хусусиятҳои истифодаи онҳо дар вазъиятҳо ва сабқҳои гуногуни нутқӣ дахл дорад. Намудҳои алоҳидаи чунин сохторҳо аксар вақт ба таври норавшан тафсир карда мешаванд, ки дар таҳлил ва муқоисаи онҳо дар байни забонҳо мушкилоти муайяне эҷод меkunад. Аз ин рӯ, омӯзиши минбаъдаи ҷумлаҳои моносемантикӣ дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ махсусан муҳим ба назар мерасад, зеро он на танҳо таснифоти мавҷударо равшан меkunад, балки вазифаҳои воқеии онҳоро дар нутқи ҳаррӯза ва матнҳои хаттӣ

дақиқтар тавсиф мекунад.

8. Натиҷаҳои ин таҳқиқот метавонанд барои муайян кардани мушкилоте, ки дар раванди таҳлили муқоисавӣ ва тарҷумаи намудҳои функционалӣ-семантикии ҷумлаҳои яктаркиба дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ ба миён меоянд, инчунин дар муайян кардани усулҳои мувофиқтарини тарҷумаи онҳо бо назардошти хусусиятҳои сохторӣ ва семантикии ҳар як забон истифода шаванд. Ғайр аз ин, истифодаи он имкон медиҳад, ки ба ҳатоҳои маъмулие, ки ҳангоми тафсири чунин сохторҳо дар тарҷума ба миён меоянд ва ба фарқиятҳои ғайрифаъолияти онҳо дар сабабҳои гуногуни нутқ диққат дода шавад. Ин, дар навбати худ, интихоби дақиқтар ва огоҳонаи воситаҳои забониро ҳангоми тарҷума осон мекунад ва сифати онро беҳтар мекунад.

БИБЛИОГРАФИЯ

І. Научная литература

1. Ализаде, С. Первый год [Текст] / С. Ализаде. – Самарканд, 1920. – 131 с.
2. Бабайцева, В.В. Односоставные предложения в современном русском языке [Текст] / В.В. Бабайцева. – М.: Просвещение, 1968. – 160 с.
3. Бабайцева, В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке [Текст] / В.В. Бабайцева. – М., 2004. – 512 с.
4. Белошапкова, В.А. Современный русский язык [Текст] / В.А. Белошапкова. – М., 1997. – 928 с.
5. Борковский, В.И. Синтаксис сказок [Текст] / В.И. Борковский. – М., 1981. – 286 с.
6. Буслаев, Ф.И. Историческая грамматика русского языка [Текст] / Ф.И. Буслаев. – М., 1959. – 676 с.
7. Востоков, А. Русская грамматика. Изд.12-е. [Текст] / А. Востоков. – СПб., 1974. – XII. – 216 с.
8. Галкина-Федорук, Е.М. Безличные предложения в современном русском языке [Текст] / Е.М. Галкина-Федорук // Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М.: Учпедгиз, 1950. – С. 302-320.
9. Гвоздев, А.Н. Современный русский литературный язык. [Текст] / А.Н. Гвоздев. – М.: Учпедгиз, 1961. – 302 с.
10. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. [Матн] / Чилди 2. – Душанбе: Дониш, 1986. – 372 с.
11. Греч, Н.И. Практическая русская грамматика. 2-е изд., испр. [Текст] / Н.И. Греч. – СПб.: типография издателя Греч Н.И., 1834. – 526 с.
12. Долин, Ю.Т. К вопросу о синтаксической классификации главного члена односоставного предложения [Текст] / Ю.Т. Долин // Русский язык и литература в таджикской школе. -1994. №1. – С. 2-7.
13. Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса [Текст] / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1982. – 368 с.

14. Иномова, С.А. Синтаксические средства выражения темпоральности в таджикском и английском языках [Матн] / С.А. Иномова // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – Худжанд, 2013. – С. 119-126.

15. Камолиддинов, Б. Муродифоти синтаксисӣ ва хусни баён [Матн] / Б. Камолиддинов. – Душанбе: Маориф, 1986. – 136 с.

16. Касимова, М.Н. Маҷмӯаи машқҳои синтаксиси забони тоҷикӣ [Матн] / М.Н. Касимова, Б. Камолиддинов. – Душанбе: Ирфон, 1976. – 114 с.

17. Кенджаев, С. Полипредикативные сложносочиненные предложения в современном таджикском литературном языке: диссер. канд. филол. наук. [Матн] / С. Кенджаев. – Худжанд, 1999. – 143 с.

18. Косимова, М.Н. Очеркҳо оид ба синтаксиси ҷумлаҳои соддаи насли асли XI [Матн] / М.Н. Косимова. – Душанбе: Ирфон, 1976. – 216 с.

19. Косимова, М.Н. Синтаксис простого предложения прозы XI века: автореф. диссер. док. филол. наук. [Матн] / М.Н. Косимова. – Душанбе, 1979. – 41 с.

20. Лекант, П.А. Грамматическая форма простого предложения и система его структурно-синтаксических типов в современном русском языке: диссер. док. филол. наук. [Текст] / П.А. Лекант. – М., 1971. – 629 с.

21. Назарова, М.Р. Структурно-семантические особенности простых односоставных предложений в таджикском и английском языках [Матн] / М.Р. Назарова. – Душанбе, 2016. – 147 с.

22. Ниёзмухаммадов Б. Забони тоҷикӣ. Қисми 2. Синтаксис барои синфҳои 7-8. [Матн] / Б. Ниёзмухаммадов, Ш. Ниёзӣ, А. Каримов. – Душанбе, 1962. – 120 с.

23. Ниёзмухаммадов, Б.Н. Ҷумлаҳои содда дар забони тоҷикӣ [Матн] / Б.Н. Ниёзмухаммадов. – Сталинобод, 1956. – 96 с.

24. Никифорова, С.А. Номинативное предложение как компонент структуры текстового целого: Диссертация кандидат филологических наук [Текст] / С.А. Никифорова. – М., 2007. – 190 с.

25. Норматов, М. Омӯзиши ҷумлаҳои соддаи яктаркиба [Матн] / М. Норматов, Ш. Рашидов. – Душанбе: Маориф, 1988.–152 с.

26. Норматов, М. Ҷумлаҳои содда дар забони адабии ҳозираи тоҷик [Матн] / М. Норматов. – Душанбе: Матбуот, 2001. – 184 с.

27. Овсянико-Куликовский, Д.Н. Синтаксис русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. [Текст] / Д.Н. Овсянико-Куликовский. – М. СПб., 1912. – 322 с.

28. Осипова, Э.Н. Об особенностях функционирования односоставных предложений с глаголом 2-го лица единственного числа в обобщенном значении [Текст] / Э.Н. Осипова // Функционирование синтаксических категорий в тексте. (Межвузовский сборник) – Л.: ЛГПИ, 1981. – С. 64-68.

29. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении [Текст] / А.М. Пешковский. – М., 2001. – 628 с.

30. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике: в 4 т. Т. 1-2 [Текст] / А. А. Потебня; [общ. ред., предисл. и вступ. ст. В. И. Борковского] –Москва: Учпедгиз, 1958.–534 с.

31. Распопов, И.П. К характеристике конструктивных типов простого предложения в современном русском языке [Текст] / И.П. Распопов // Русский язык в школе. –1968.– № 4. С. 73-82.

32. Рашидов, Ш. Простые односоставные предложения в современном таджикском литературном языке: автореф. диссер. канд. филол. наук. [Матн] / Ш. Рашидов. – Душанбе, 1969. – 32 с.

33. Руднев, А.Г. Синтаксис современного русского языка [Текст] / А.Г. Руднев. – М.: Высшая школа, 1968.– 320 с.

34. Сабиржанов, С. Собственно-вопросительные предложения в современном таджикском литературном языке:

автореф. диссер. канд. филол. наук. [Матн] / С. Сабиржанов. – Душанбе, 1986. – 23 с.

35. Салимов, Р.Д. Безличные предложения русского языка и их соответствия в английском языке [Матн] / Р.Д. Салимов // Актуальные проблемы общего языкознания и методики преподавания языков. – Душанбе: ТГНУ, 2003. – С. 190-200.

36. Салимов, Р.Д. Структура и семантика односоставных предложений в русском и таджикском языках: диссер. докт. филол. наук. [Матн] / Р.Д. Салимов. – Душанбе, 2010. – 399 с.

37. Самадова, Р.А. Проблемы лингвистического конструирования предложно-именных словосочетаний в русском и таджикском языках: автореф. диссер. докт. филол. наук. [Матн] / Р.А. Самадова. – Душанбе, 1999. – 55 с.

38. Сохибназарова, Х.Т. Грамматические и функциональные особенности сказуемого в таджикском и английском языках: диссер. канд. филол. наук. [Матн] / Х.Т. Сохибназарова. – Душанбе, 2016. – 149 с.

39. Суфибекова, М.А. Структура и семантика безличных предложений в русском и таджикском языках [Матн] / М.А. Суфибекова. – Вестник ТГПУ. – Душанбе, 2022. – №4 (14). – С. 302-306.

40. Тимофеев, К.А. Заметки из истории инфинитивных предложений [Текст] / К.А. Тимофеев // Академику В.В. Виноградову к его шестидесятилетию. – М., 1956. – 451 с.

41. Халилов, А. Ҳиссаҷаҳо дар забони адабии ҳозираи тоҷик [Матн] / А. Халилов. – Душанбе: Дониш, 1977. – 119 с.

42. Хамидуллаева, Г.А. Номинативные предложения как лаконичная и экспрессивная форма представления объекта рекламы [Матн] / Г.А. Хамидуллаева // Экономика и социум. – Саратов: ООО «Институт управления и социально-экономического развития», 2021. – 11(90)-2. – С. 1107-1110.

43. Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. [Текст] / А.А. Шахматов. – М., 2001. – 624 с.

44. Шрайберг, Ц.Н. Местоимение es в качестве вступительного слова в современном немецком языке [Текст] / Ц.Н. Шрайбер – Л.: ЛГУ, 1967. – Вып. 2. – С. 85-115.

45. Becker K.F. Ausführliche deutsche Grammatik als Kommentar der Schulgrammatik [Text] / K.F. Becker K.F. – Frankfurt am Main, 1842. – 1121 s.

46. Behagel, O. Syntax of the German language [Text]/ O. Behagel. – Heydelberg, 1923. – 137 s.

47. Blümel R. Einführung in die Syntax [Text] / H. Blümel. – Universitat Buchhandlung. Heidelberg, 1914. – 511 s.

48. Brinkmann, H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung [Text] / H. Brinkmann. – Dusseldorf, 1962. – 939 s.

49. Paul, H. Deutsche Grammatik[Text] / H. Paul. – Halle/Saale. Veb Max Niemeyer Verlag, 1956. – 456 s.

50. Sütterlin, L. Deutsche Sprachlehre Für Höhere Lehranstalten [Text] / L. Sütterlin, A. Waag. – Voigtländers, 1921. – 221 S.

II. Электронные источники

51. Goethe, J.W. Die Leiden des jungen Werther. Roman. Verlag fur Fremdsprache Literatur [Text] / J.W. Goethe. – Moskau 1958. Электронный источник. URL: <http://originalbook.ru>

III. Источники анализируемого материала:

52. Айни, С. Марги судхур [Матн] / С. Айни. – Нашриёти давлатии Тоҷикистон. Сталинобод, 1961. – 350 с.

53. Айни, С. Одина (повест) [Матн] / С. Айни. – Душанбе, 2014. – 192 с.

54. Баҳром, Ф. Паи ситора (Ҳикояҳо. Барои бачагони синни калони мактабӣ) [Матн] / Ф. Баҳром. – Душанбе, Маориф, 1975. – 64 с.

55. Гуте, И.В. Нокомихои Вертери чавон. Шархе ба «Девони гарби ва шарки». Тарҷумаи Шерали Раҳим [Матн] / И.В. Гуте. – Душанбе, 1996. – 185 с.

56. Ниёзӣ, Ф. Вафо [Матн] / Ф. Ниёзӣ. – Душанбе: Адиб, 2015. – 320 с.
57. Сорбон. Куллиёт. Ҷилди I. [Матн] / Сорбон. — Душанбе: «Эҷод», 2009. – 488 с.
58. Фозилов, М. Панду ҳикматҳо [Матн] / М. Фозилов. – Сталинобод, 1961. – 347 с.
59. Adler-Olsen, J. Das Alphabethaus [Text] / J. Adler-Olsen. – Deutscher Taschenbuch Verlag, 2012. – 495 s.
60. Ayni, S. Der Tod des Wucherers [Text] / S. Aini. – Verlag Kultur und Vorschitt Berlin, 1966. – 256.
61. Brockhaus, F.A. Markansu Tal des Todes [Text] / F.A. Brockhaus. Verlag Leipzig, 1961. – 251 s.
62. Feuchtwanger, L. Der jüdische Krieg [Text] / L. Feuchtwanger. – Auflage 1989. – 425 s.
63. Franz, K. Amerika. Roman [Text] / K. Franz. – Penguin Classics, 2019. – 247 s.
64. Friedrich, A. Als ich unsterblich war [Text] / A. Friedrich. – Taschenbuch, 2015. – 128 s.
65. Hannah, K. Im Bann seiner Küsse [Text] / K. Hannah. – Blanvalet, 2004. – 416 s.
66. Kiefer, L. Westwell 01. Heavy & Light [Text] / L. Kiefer. – Cbj, 2022. – 300 s.
67. Neuhaus, N. Eine unbeliebte Frau [Text] / N. Neuhaus. – Ullstein Buchverlage GmbH, Berlin 2009. – 336
68. Seghers, A. Die Gefährten. Verlag für Fremdsprachige Literatur [Text] / A. Seghers. – Moskau 1955. – 253 s.

ИНТИШИРОТ АЗ РҶҶИ МАВЗУИ

ДИССЕРТАЦИЯ:

I. Монографияҳо:

[1-М]. Раджабов, Н.Ф. Определенно-личные предложения в таджикском и немецком языках: функционально-семантический анализ. Монография / Н.Ф. Раджабов. – Душанбе, 2018. -133 с.

[2-М]. Раджабов, Н.Ф. Сопоставительный анализ неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений в таджикском и немецком языках. Монография / Н.Ф. Раджабов. – Бохтар, 2022. -95 с.

II. Мақолаҳои илмие, ки дар маҷаллаҳои тақризшавандаи Комиссияи олии аттестатсионии назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон нашр шудаанд:

[3-М]. Раҷабов, Н.Ф. Синтаксическая квалификация и история исследования главного члена односоставного предложения в современном немецком литературном языке / Н.Ф. Раҷабов // Паёми Донишгоҳи давлатии Бохтар ба номи Носири Хусрав. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ ва иқтисодӣ. – Бохтар, 2018. – №1-1 (59). – С. 64-67.

[4-М]. Раҷабов, Н.Ф. Сопоставительный анализ односоставных предложений в немецком и таджикском языках / Н.Ф. Раҷабов // Паёми Донишгоҳи омӯзгорӣ. – Душанбе, 2018. – №1 (73). – С. 106-110.

[5-М]. Раҷабов, Н.Ф. Семантика номинативных односоставных предложений в таджикском и немецком языках / Н.Ф. Раҷабов // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. – Душанбе, 2018. – №6. – С. 135-139.

[6-М]. Раҷабов, Н.Ф. Определенно-личные предложения в таджикском и немецком языках / Н.Ф. Раҷабов // Паёми Донишгоҳи давлатии Бохтар ба номи Носири Хусрав.

Силсилаи илмҳои гуманитарӣ ва иқтисодӣ. – Бохтар, 2019. – №1/4 (57). Т.2. – С. 17-19.

[7-М]. Раҷабов, Н.Ф. История изучения и лингвистические концепции односоставных предложений в современном таджикском литературном языке / Н.Ф. Раҷабов // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. – Душанбе, 2019. – №2. – С. 77-82.

[8-М]. Раҷабов, Н.Ф. Синтаксическая квалификация главного члена односоставного предложения в современном таджикском литературном языке / Н.Ф. Раҷабов // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. – Душанбе, 2019. – №1. – С. 149-155.

[9-М]. Раҷабов, Н.Ф. Способы передачи таджикских определено-личных предложений на немецкий язык / Н.Ф. Раҷабов // Паёми Донишгоҳи давлатии Бохтар ба номи Носири Хусрав. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ ва иқтисодӣ. – Бохтар, 2019. – №1/4 (68). – С. 82-85.

[10-М]. Раҷабов, Н.Ф. Классификация определено-личных предложений в таджикском языке / Н.Ф. Раҷабов // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. – Душанбе, 2020. – №6. – С. 118-121.

[11-М]. Раҷабов, Н.Ф. Сопоставительный анализ неопределенно-личных предложений и их классификация в немецком языке / Н.Ф. Раҷабов // Паёми Донишгоҳи давлатии Бохтар ба номи Носири Хусрав. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ ва иқтисодӣ. – Бохтар, 2021. – №1/3 (89). – С. 60-63.

[12-М]. Раҷабов, Н.Ф. Неопределенно-личные предложение и их классификация в таджикском языке / Н.Ф. Раҷабов // Паёми Донишгоҳи давлатии Бохтар ба номи Носири Хусрав. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ ва иқтисодӣ. – Бохтар, 2021. – №1/4 (92) – С. 45-50.

[13-М]. Раҷабов, Н.Ф. Обобщенно-личные предложения в таджикском и немецком языках: история исследования вопроса / Н.Ф. Раҷабов // Паёми Донишгоҳи давлатии Бохтар

ба номи Носири Хусрав. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ ва иқтисодӣ. – Бохтар, 2022. – №1/2 (98). – С. 49-53.

[14-М]. Раҷабов, Н.Ф. Способы передачи таджикских обобщенно-личных предложений в немецком языке / Н.Ф. Раҷабов // Паёми Донишгоҳи давлатии Бохтар ба номи Носири Хусрав. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ ва иқтисодӣ. – Бохтар, 2022. – №1/3 (101). – С. 67-71.

[15-М]. Раҷабов, Н.Ф. Способы передачи таджикских неопределенно-личных предложений на немецкий язык / Н.Ф. Раҷабов // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. – Душанбе, 2022. – №2. – С. 155-160.

[16-М]. Раҷабов, Н.Ф. Использование неопределенно-личных предложений в таджикском и немецком языках / Н.Ф. Раҷабов // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. – Душанбе, 2022. – №4. – С. 146-151.

[17-М]. Раҷабов, Н.Ф. Синтаксическая классификация обобщенно-личных предложений в таджикском языке / Н.Ф. Раҷабов // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. – Душанбе, 2023. – №1. – С. 111-118.

[18-М]. Раҷабов, Н.Ф. История исследования вопроса безличных предложений в таджикском и немецком языках / Н.Ф. Раҷабов // Паёми Донишгоҳи давлатии Бохтар ба номи Носири Хусрав. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ ва иқтисодӣ. – Бохтар, 2024. – №1/2 (122) – С. 61-65.

[19-М]. Раҷабов, Н.Ф. Классификация безличных предложений в таджикском языке / Н.Ф. Раҷабов // Паёми Донишгоҳи давлатии Бохтар ба номи Носири Хусрав. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ ва иқтисодӣ. – Бохтар, 2025. – №1-2 (134). – С. 81-85.

[20-М]. Раҷабов, Н.Ф. Классификация безличных предложений в немецком языке / Н.Ф. Раҷабов // Паёми Донишгоҳи давлатии Бохтар ба номи Носири Хусрав. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ ва иқтисодӣ. – Бохтар, 2025. – №1-3 (137). – С. 126-129.

[21-М]. Раҷабов, Н.Ф. Способы передачи безличных предложений таджикского языка на немецкий язык / Н.Ф. Раҷабов // Паёми Донишгоҳи давлатии Бохтар ба номи Носири Хусрав. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ ва иқтисодӣ. – Бохтар, 2025. – №1-4 (140). – С. 182-187.

[22-М]. Раҷабов, Н.Ф. Виды номинативных предложений в современном немецком языке / Н.Ф. Раҷабов // Паёми Донишгоҳи давлатии Бохтар ба номи Носири Хусрав. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ ва иқтисодӣ. – Бохтар, 2026. – №1/1 (143). – С. 63-67.

III. Мақолаҳо ва фишурдаи интишорот дар мачмуаҳои дигар:

[23-М]. Раҷабов, Н.Ф. Простые односоставные глагольные предложения в таджикском и немецком языках / Н.Ф. Раҷабов // Маводи конференсияи байналмилалӣ илмӣ-амалӣ дар мавзуи “Масъалаҳои мубрами таҳқиқоти муқоисавӣ-типологии забонҳо ва усулҳои муносири таълими забонҳои хориҷӣ”. – Душанбе: МДМТ, 2018. – С.149-153.

[24-М]. Раҷабов, Н.Ф. Анализ неопределенно-личных предложений в таджикском и немецком языках / Н.Ф. Раҷабов // Мачаллаи байналмилалӣ илмӣ-амалӣ «ENDLESS LIGHT in SCIENCE». – Алма-Ато, Қазоқистон, 2023 г. – С. 706-710.

[25-М]. Раҷабов, Н.Ф. Классификация обобщенно-личных предложений в таджикском языке / Н.Ф. Раҷабов // Маводи конференсияи байналмилалӣ илмӣ-амалӣ дар мавзуи “Масъалаҳои назариявӣ ва амалии забоншиносии типологии-муқоисавӣ, забоншиносии тоҷик ва усулҳои нави омӯзиши забонҳои хориҷӣ”. – Душанбе: МДМТ, 2023. – С. 591-597.

[26-М]. Раҷабов, Н.Ф. Усули таҳвили ҷумлаҳои шахсии номуайяни забони тоҷикӣ ба забони олмонӣ / Н.Ф. Раҷабов // Маводди конференсияи ҷумҳуриявӣ илмӣ-назариявӣ дар мавзуи «Масъалаҳои мубрами филология, тарҷума ва методикаи таълими забонҳои русӣ ва англисӣ дар муассисаҳои таълимӣ». – Бохтар 2023. – С. 192-197.

[27-М]. Раҷабов, Н.Ф. Формирование и развитие научных подход к изучению номинативных предложений в немецком и таджикском языках / Н.Ф. Раҷабов // Маводи конференсияи байналмилалӣ илмӣ-назариявӣ дар мавзӯи «Масъалаҳои мубрами забоншиносии муқоисавӣ, тарҷумашиносӣ ва муоширати байнифарҳангӣ дар замони муосир» дар доираи амалӣ намудани «Барномаи давлатии тақмили таълим ва омӯзиши забонҳои русӣ ва англисӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои давраи то соли 2030». – Кӯлоб, 2025. – С. 252-257.

АННОТАЦИЯ

к автореферату диссертации Раджабзода Нейматулло Файзали на тему «Функционально-семантические типы односоставных предложений в таджикском и немецком языках», представленной на соискание учёной степени доктора филологических наук по специальности 6.2.14 – Типологическая и контрастивная лингвистика.

Ключевые слова: синтаксис, предложение, односоставные, определённо-личные, неопределённо-личные, обобщённо-личные, безличные, таджикский язык, немецкий язык, структура, сравнение, цель, перевод.

Данная диссертация посвящена одной из важных проблем типологического и сопоставительного языкознания – изучению структуры, функций и семантических особенностей типов односоставных предложений в таджикском и немецком языках.

Цель диссертации заключается в комплексном анализе односоставных предложений в сравнительно-переводческом аспекте на материале таджикских и немецких художественных текстов.

Методы исследования. Диссертация выполнена на основе описательного, сопоставительного, структурно-семантического и контекстуального методов исследования.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке теоретических и практических курсов по синтаксису, сопоставительному языкознанию, типологии языков и теории перевода. Материалы диссертации имеют научное и практическое значение для преподавания таджикского и немецкого языков.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нём впервые предпринята попытка сопоставительного анализа структурно-семантических и функциональных особенностей односоставных синтаксических конструкций таджикского и немецкого языков.

АННОТАТСИЯ

ба автореферати диссертатсияи Раджабзода Неъматулло Файзали дар мавзуи «Навъҳои функционали ва семантикии ҷумлаҳои яктаркиба дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ», ки барои дарёфти дараҷаи илмии доктори илмҳои филологӣ аз рӯи ихтисоси 6.2.14. Забоншиносии типологӣ ва муқобилавӣ пешниҳод шудааст.

Калидвожаҳо: наҳв, ҷумла, яктаркиба, муайянишас, номуайянишас, умумишас, бешас, забони тоҷикӣ, забони олмонӣ, сохтор, муқоиса, мақсад, тарҷума.

Диссертатсияи мазкур ба яке аз масъалаҳои муҳимми забоншиносии типологӣ ва муқобилавӣ – омӯзиши сохтор, вазифа ва хусусиятҳои семантикии навҳои ҷумлаҳои яктаркиба дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ бахшида шудааст.

Мақсади диссертатсия аз таҳлили мукаммали ҷумлаҳои яктаркиба дар ҷанбаи муқоисавӣ ва тарҷумавӣ дар асоси матнҳои бадеии тоҷикӣ ва олмонӣ иборат мебошад.

Методҳои таҳқиқот. Диссертатсия бар пояи метод ва усулҳои тавсифӣ, муқоисавӣ, таҳлили сохторӣ-маъноӣ ва контекстуалӣ таҳия гардидааст.

Натиҷаҳои таҳқиқотро дар таҳияи курсҳои назариявӣ ва амалии синтаксис, забоншиносии муқоисавӣ, типологияи забонҳо ва назарияи тарҷума истифода намудан мумкин аст. Маводи диссертатсия барои таълими забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ аҳаммияти илмӣ ва амалӣ дорад.

Навгони илмӣ таҳқиқот дар он ифода меёбад, ки дар он бори аввал кӯшиши муқоисаи хусусиятҳои сохторӣ-семантикӣ ва функционалии сохторҳои наҳвии яктаркибаи забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ анҷом дода шудааст.

ANNOTATION

to the abstract of the dissertation by Rajabzoda Nematullo Fayzali entitled “Functional-Semantic Types of One-Member Sentences in the Tajik and German Languages,” submitted for the degree of Doctor of Philological Sciences in the specialty 6.2.14 – Typological and Contrastive Linguistics.

Keywords: *syntax, sentence, one-member, definite-personal, indefinite-personal, generalized-personal, impersonal, Tajik language, German language, structure, comparison, aim, translation.*

This dissertation is devoted to one of the important issues of typological and contrastive linguistics – the study of the structure, functions, and semantic features of one-member sentence types in the Tajik and German languages.

The aim of the dissertation is a comprehensive analysis of one-member sentences in comparative and translation aspects based on Tajik and German literary texts.

Research methods. The dissertation is based on descriptive, comparative, structural-semantic, and contextual research methods.

The results of the research can be used in developing theoretical and practical courses on syntax, comparative linguistics, language typology, and translation theory. The dissertation materials are of scientific and practical importance for teaching the Tajik and German languages.

The scientific novelty of the research lies in the fact that, for the first time, an attempt has been made to conduct a comparative analysis of the structural-semantic and functional features of one-member syntactic constructions in the Tajik and German languages.